

**№2
(49)
2018**

BALTIJAS JURIDISKAIS ŽURNĀLS

Zinātniski praktisks starptautisks juridiskais žurnāls
Reģistrācijas Nr.000702731, reģistrācijas apliecība Nr.M1334
ISSN 1691-0702

Dibinātājs un izdevējs: SIA „Baltijas Starptautiskā akadēmija”
Reģistrācijas Nr.4000310180, Lomonosova iela 4, Rīga, Latvijas Republika, LV-1019

Baltijas Juridiskais Žurnāls ir iekļauts starptautiskajās datu bāzēs:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Ulrich's Periodicals Directory
Index Copernicus International (ICI)
Central and Eastern European Online Library (CEEOL)
<https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1932>

SATURS

Civiltiesības

Nadežda Novožilova	Apdrošināšanas darbības tiesiskā regulējuma pilnveidošana.....	4
Irina Cvetkova	Kriptoalūtu tiesiskais statuss.....	15
Aleksandrs Linovickis	Nodokļi un nodevas loterijām un azartspēlēm	24
Antons Soročenko	Publiskais iepirkums valsts un privātās partnerības attiecību sistēmā saskaņā ar Ukrainas likumdošanu.....	34
Aleksandrs Čičerins	Daži galvojuma piemērošanas aspekti.....	46

Civilprocess

Vioroka Kerare Anatolie Karaganču Elga Uzare Edgars Golts Oļesja Lapteva	Procesuālie tiesību akti par konkurences aizsardzību kā īpaša tiesību sadaļa	54
	Darījumu apstrīdēšana maksātnespējas procesā	62
	Uzturlīdzekļu bērna uzturam piespiedu piedziņa.....	71

Starptautiskās tiesības

Nikolajs Sambor	Tiesības uz miermīlīgu sapulču brīvību: realizācijas un izpratnes sfēra mūsdienu pasaulē	77
------------------------	---	----

Eiropas tiesības

Oļegs Sedjkins	Regula 2016/679: Tiesību uz personas datu pārnesamību ieviešana..	84
-----------------------	---	----

Visi raksti ir recenzēti. Recenzijas ir pieejamas žurnāla redakcijā.
Autoru viedoklis var nesakrist ar redakcijas viedokli.
Par faktu pareizību atbild rakstu autori.

Žurnālā ievietoto rakstu pārpublicēšana iespējama tikai ar redakcijas atļauju.
Citēšanas gadījumā atsauce uz „Baltijas Juridisko žurnālu” ir obligāta.

ŠAJĀ NUMURĀ TIEK IZMANTOTI STARPTAUTISKĀS ZINĀTNISKI PRAKTISKĀS KONFERENCES
„ZINĀTNE. TIESĪBAS. STABILITĀTE”, 2018. MATERIĀLI

**№2
(49)
2018**

BALTIC JOURNAL OF LAW

Scientific – practical international journal of law
Registration number 000702731,
certificate of reg. number M1334, ISSN 1691-0702

The Founder and Publisher: Ltd „Baltic International Academy”
Nr.of Reg. Nr.4000310180, Address: Lomonosova 4, Riga, Latvia, LV-1019

Baltic Journal of Law is registered in:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Ulrich's Periodicals Directory
Index Copernicus International (ICI)
Central and Eastern European Online Library (CEEOL)
<https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1932>

CONTENTS

Civil Law

Nadezhda Novozilova	Improvements to legal regulation of insurance business in Latvia 4
Irina Cvetkova	Legal status of crypto currencies..... 15
Aleksandrs Linovickis	Tax and duties on lotteries and gambling 24
Antons Sorochenko	Public procurement system as a part of PPP under the legislation of Ukraine 34
Aleksandrs Chicherins	Some aspects of application of a guarantee 46

Civil process

Viorica Carare	The procedural competition law as distinct branch of law 54
Anatolie Caraganciu	Challenging of the transactions in insolvency proceedings 62
Elga Uzare	Enforcement of child support payments 71
Edgars Golts	
Olesya Lapteva	

International law

Nikolai Sambor	Right to exercise the freedom of peaceful assembly: the scope of implementation and interpretation in the present-day world 77
-----------------------	--

Европейское право

Oleg Sedyakin	Regulation 2016/679: Introduction of the right to data portability 84
----------------------	---

All articles are peer reviewed. Reviews are available in the journal.
The point of views of the authors may not coincide with the views and opinions of the editorial board.
For the accuracy of facts and information the responsibility lies with the authors.

Reproduction of any materials is permitted only after prior consultation with the editors.
In the case of citation, a reference to the «Baltic Journal of Law» is required.

THIS BJT ISSUE USES THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH-TO-PRACTICE CONFERENCE
“SCIENCE. LAW. STABILITY”, 2018

Учредитель и издатель: SIA „Baltijas Starptautiskā akadēmija”
регистрационный №4000310180, ул.Ломоносова 4, Рига, Латвийская Республика, LV-1019

Балтийский Юридический Журнал включен в международные базы данных:
Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ)
Ulrich's Periodicals Directory
Index Copernicus International (ICI)
Central and Eastern European Online Library (CEEOL)
<https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1932>

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское право

Надежда Новожилова	Совершенствование правового регулирования страховой деятельности в Латвии.....	4
Ирина Цветкова	Правовой статус криптовалют	15
Александрс Линовицкис Антон Сороченко	Налог и пошлина на лотереи и азартные игры	24
	Публичные закупки в системе отношений публично-частного партнерства согласно законодательству Украины.....	34
Александр Чичерин	Некоторые аспекты применения поручительства.....	46

Гражданский процесс

Виорика Кэраре	Процессуальное законодательство о защите конкуренции как особый раздел права	54
Анатолие Караганчу Элга Узаре	Оспаривание сделок по делам о несостоятельности	62
Эдгарс Голтс Олеся Лаптева	Принудительное взыскание денежных средств на содержание ребенка	71

Международное право

Николай Самбор	Право на мирные собрания: сфера осуществления и понимания в современном мире	77
----------------	--	----

Европейское право

Олег Седакин	Регламент 2016/679: Учреждение права на переносимость личных данных	84
--------------	---	----

Все статьи рецензированы. Рецензии доступны в редакции журнала.
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.
За достоверность фактов и информации ответственность несут авторы.

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.
В случае цитирования, ссылка на «Балтийский юридический» журнал обязательна.

В НОМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАУКА. ПРАВО. СТАБИЛЬНОСТЬ», 2018

*Nadežda Novožilova, Dr.ing.sc., asociēta profesore
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija*

Apdrošināšanas darbības tiesiskā regulējuma pilnveidošana Latvijā

Anotācija. Rakstā tiek aprakstīti Latvijas apdrošināšanas tirgus tiesiskās regulēšanas attīstības pamata etapi. Tiek analizēti apdrošināšanas attiecību tiesiskās nodrošināšanas jautājumi Latvijā. Tiek analizētas tiesiskā regulējuma aktuālās problēmas. Tiek iezīmētas apdrošināšanas tiesību pilnveidošanas iespējas Latvijā, jo noteiktās nepilnības apgrūtina apdrošināšanas līgumisko attiecību realizāciju ES unificētajā tiesiskajā vidē.

Atslēgas vārdi: apdrošināšanas tiesības, tiesisks regulējums, apdrošināšana.

*Nadezhda Novozilova, Dr.ing.sc, assoc. professor
Baltic International Academy
Latvia*

Improvements to legal regulation of insurance business in Latvia

Abstract. The paper examines the principal stages of development of legal regulation of insurance market in Latvia. It comprises the issues of legal groundwork for insurance relationships in Latvia. The paper comprises the analysis of particular weaknesses and the urgent problems of legal regulation of property insurance in the Latvian Republic. The paper contains the description of the improvement opportunities for legal regulation of Insurance Law, since the revealed shortcomings impede the implementation of insurance contractual relationships in the EU unified legal framework.

Key words: insurance law, legal regulation, insurance.

*Надежда Новожилова, Dr.ing.sc., ассоц.профессор
Балтийская Международная Академия
Латвия*

Совершенствование правового регулирования страховой деятельности в Латвии

Аннотация. В статье описываются основные этапы развития правового регулирования страхового рынка Латвии; рассматриваются вопросы правового обеспечения страховых отношений в Латвии; анализируются отдельные недостатки и актуальные проблемы правового регулирования страхования; описываются возможности совершенствования правового регулирования страхового права в Латвии, т.к. выявленные недостатки затрудняют реализацию страховых договорных отношений на унифицированном правовом пространстве ЕС.

Ключевые слова: страховое право, правовое регулирование, страхование.

Введение

Развитие и совершенствование нормативно-правовой базы добровольного страхования в Латвии можно представить в виде последовательных этапов, начиная с 1991 года и по настоящий момент. Нормативно-правовые акты определяют порядок регулирования страховой деятельности, деятельности по перестрахованию и страховых посредников. Современная нормативно-правовая база страхового дела в Латвии основывается на соответствующих Директивах ЕС по страхованию и развивается в соответствии с их требованиями. Современная система правового регулирования страховой деятельности в Латвии включает общие правовые акты, специальное страховое законодательство, подзаконные акты и ведомственные нормативные документы. Следует констатировать, что объем аналитических печатных литературных источников ограничен. Некоторые юридические аспекты рассмотрены и проанализированы автором данной статьи [1-5]. После восстановления независимости Латвии появилась необходимость гармонизации национального страхового права в соответствии с нормами ЕС, изменения норм права и создание новых правовых норм, т.к. в перспективе планировалось вхождение Латвии в единое правовое пространство Европы. Постепенное изменение страховой нормативной базы отражает уровень понимания возможностей реализации правового регулирования в страховой сфере и совершенствования правового обеспечения страховой защиты субъектов страховых отношений на каждый конкретный момент. На каждом этапе после принятия очередных нормативных актов выявлялись отдельные юридические проблемы, которые решались внесением соответствующих изменений в действующие закон или принятием нового закона.

Целью данного исследования является определение последовательных этапов развития страхового права, выявление и анализ отдельных проблем правового регулирования страховой деятельности в

современной Латвии. Автор предлагает краткую характеристику законов и нормативных документов по страховому праву в Латвии. Традиционно, при изучении нормативных актов существует практика использования комментариев к конкретному правовому документу. Наличие комментариев позволяет определить последовательность освоения материала и рассмотреть предлагаемую специалистами разъяснения отдельных положений, что обеспечивает достаточный уровень освоения материала. На настоящий момент отсутствуют публикации с детальными комментариями и рекомендациями по добровольному страхованию (кроме кратких комментариев автора к русскому переводу законов ВІВ).

Характеристика системы страхового права в ЕС

Причиной, побудившей страны-участницы Европейского Союза к началу обсуждения вопроса о формировании единого страхового пространства на территории Европы и единообразной страховой нормативной базы, стало принятие в марте 1957 года Римского соглашения, которое устанавливает свободу учреждения, удаление барьеров в торговле страховыми услугами между государствами – членами ЕС. Детализация нормативных документов по регулированию страховой деятельности остаются за государствами Европейского Союза, осуществляющими самостоятельное правовое регулирование, свою систему страхового надзора, которые, несмотря на общие черты, обладают несомненной национальной спецификой. Отличаются предлагаемые страховые продукты, условия страхования, условия деятельности страховщиков. Система страхового права ЕС (интеграционного страхового права) отражает его специфику и причину возникновения - на современном этапе европейской интеграции налицо преобладание административно-правовых норм, которые обеспечивают функционирование единого рынка страховых услуг и свободу предоставления страховых услуг на территории ЕС независимо от места фактической регистрации страховой

организации. Современная структура страхового права ЕС имеет отраслевой характер. В свою очередь, нормы права о страховом надзоре за деятельностью страховых организаций могут быть разделены как по направлениям деятельности: страхование жизни и страхование иное, чем страхование жизни, так и по типам осуществления страхового надзора: при учреждении и лицензировании страховых организаций, при обеспечении текущего контроля за финансовой устойчивостью и платежеспособностью, а также в случае их ликвидации.

Источниками европейского страхового права наравне с источниками страхового права ЕС (учредительные договоры, директивы, регламенты, решения Суда ЕС и другие) также являются нормативные акты национальных законодательств государств-членов ЕС, регулирующие страховые правоотношения (например, нормы гражданского права в части регулирования договора страхования).

В результате длительной подготовительной работы были приняты Директивы ЕС «первого поколения» по страхованию иному, чем страхование жизни, в 1973 г. и по страхованию жизни в 1979 г. Указанные директивы устанавливают: формирование единого понятийного инструментария в целях формирования единого страхового права; принцип разделения страховых обществ на общества, занимающиеся страхованием жизни, и общества, занимающиеся страхованием иным, чем страхование жизни; единую классификацию видов страхования в целях лицензирования и страхового надзора; единые правовые основы, определяющие порядок и условия учреждения страховых организаций, требования к размеру уставного капитала, бизнес-планам, персоналу страховых организаций и т.д.; единые правила и состав формирования страховых резервов; единые правила инвестирования страховых резервов.

Директивы «второго поколения» в области страхования, принятые в 1988 г. (страхование иное, чем страхование жизни) и 1990 г. (страхование жизни), установили

единые принципы оценки финансового положения страховых организаций, правила применимости к договору страхования национального права, отдав некоторое преимущество праву стране местонахождения страхового риска, и правила применимости финансового права к доходам от страховой деятельности.

Директивы «третьего поколения», принятые в 1992 г., предусмотрели возможность свободы предоставления страховых услуг страховщиками, учрежденными на территории одного из государств и контролируемые страховым надзором этого государства, страхователям на территории любого другого государства ЕС.

Одним из основополагающих принципов для построения единого и свободного рынка страховых услуг на территории ЕС — является принцип введения свободы продвижения услуг. Формирование единого страхового и правового пространства происходит постепенно в двух направлениях: обеспечение свободы деятельности страховщиков во всех странах Европейского Союза и гармонизация страховой нормативной базы. Руководитель и координатор этой деятельности — Европейский комитет страховщиков, в котором представлены все национальные союзы и ассоциации страховщиков. Для достижения результата Европейский Союз счел необходимым потребовать, чтобы законы всех государств — членов ЕС включали некоторые общие положения. Первым шагом формирования общего страхового пространства стали выработка и принятие основных общих принципов, которые признаются всеми его участниками. Такими принципами являются:

- свобода создания филиалов внутри стран — членов Европейского Союза для любого его члена;
- свобода распространения страхового продукта в рамках Союза для любого его члена без обязательного открытия филиалов;
- честная конкуренция на добросовестных и равных условиях;
- невозможность использования запрещенных элементов конкуренции.

В результате последовательных действий путём принятия нормативных актов в виде Директив по страхованию на уровне Комиссии Европейского Союза, которые стали в последствии частью национальных правовых систем, были созданы правовые основания для формирования единого страхового пространства на территории Европейского Союза, которые включают в себя Директивы и рекомендации по перестрахованию, страхованию автотранспорта, страхованию от убытков и т. д. [6].

Первый этап создания нормативно - правовой базы.

От 12 января 1993 года принят закон «О страховании» (30 статей) – закон определял правовое регулирование страховой деятельности, деятельности перестраховщиков и посредников в Латвии [7]. Закон достаточно кратко трактовал необходимые положения и порядок реализации страховых договорных отношений. Деятельность по перестрахованию представлена в виде только трактовки понятия и отдельных положений (ст. 3,7,24). Основной проблемой было отсутствие порядка и необходимости регистрации перестраховочного общества, юридического статуса, определения минимального размера гарантийного фонда, подотчетность латвийскому госнадзору и других положений, для обеспечения «прозрачности» и финансовой надежности перестраховщика. Данный «пробел» активно использовался для «оптимизации налогообложения и создания внебюджетных средств». Латвийские страховщики активно использовались на постсоветском пространстве для данной цели. В Латвии закон запрещал работать иностранным страховщикам, но учреждать страховое общество с иностранным капиталом разрешалось и доля капитала не ограничивалась. Следовательно, страховую деятельность осуществляли латвийские страховщики, но с полным капиталом немецким, финским, швейцарским, узбекским, украинским, российским и т.д. Иностранные перестраховщики имели право работать на страховом рынке Латвии.

В страховой деятельности важную

роль играют страховые посредники. Виды деятельности посредников описываются в статье 6, где кратко объясняется, что посредником может быть агент или брокер, но нет описания порядка регистрации или лицензирования, требований к брокеру или агенту как юридическому лицу и т.д.

При изучении данного закона создается впечатление, что это «краткий конспект» нормативного акта, т.к. отсутствует детализация и не представлены отдельные юридические аспекты. Тем не менее с 1993 года по 1998 год страховая деятельность в Латвии существовала, развивалась и регулировалась в соответствии с вышеупомянутым законом.

Второй этап развития нормативно правовой базы

1998 год – приняты два закона: **закон «О договоре страхования»** от 10 июня 1998 года и **закон «О страховых обществах и надзоре за ними»** от 30 июня 1998 года. До 1998 года на территории Латвии действовал закон «О страховании» от 12 января 1993 года, который утратил силу со вступлением в силу новых законов [8, 9].

Закон «О договоре страхования» закрепляет порядок регулирования договорных отношений, в нем предлагается трактовка основных терминов, понятий и принципов страхования и определены виды договоров и их особенности, а также представлена информация о порядке заключения и расторжения договоров. При заключении договора страхования возможны сложности в связи с тем, что трактовка даже основных терминов (застрахованный – ст.1.12, выгодоприобретатель – ст.1.18, риск – ст.1.13) не полностью отвечают общепринятым международным понятиям, наиболее часто применяемым в страховании и определяемым законодательствами других стран, как членов ЕС (Англия, Франция, Германия, Литва и т.д.), так и других стран (Россия, Украина и т.д.). В законах Латвии «застрахованным» является лицо, которое имеет страховой интерес и в пользу, которого заключен договор страхования, а «выгодоприобретатель» может быть только в договорах личного страхования, и он получает

страховое обеспечение, если застрахованный умер (ст. 53). В законодательстве других стран используется общепринятое толкование: «выгодоприобретатель» – это лицо, указанное в полисе страхователем в качестве получателя страхового возмещения или компенсации. «Застрахованный» определяется как лицо, застраховавшее свою жизнь, или лицо, в пользу которого составлен полис. Различная трактовка терминов требует от страхователя не только знания закона «О договоре страхования», но и дополнительных знаний по нормативным актам других стран, чтобы идентично толковать условия договора.

В настоящий момент, существует проблема определения оценочной стоимости имущества для целей страхования, которая является ключевой в страховании имущества. Величина оценочной стоимости непосредственно влияет на определение размера как страховой суммы, так и страхового возмещения, т.к. применяются основополагающие принципы страхования: «страховая сумма не должна превышать оценочную стоимость» и «страховое возмещение не должно превышать убытки». Оценочная стоимость – это рыночная стоимость недвижимого и движимого имущества, производимая для обеспечения целей страхования. В законе «О договоре страхования» [7] отсутствуют определение данного понятия. Законодатель использует термин «восстановительная стоимость объекта», но при этом понятие данного термина в законе отсутствует, так же как понятие и описание метода оценки стоимости объекта (ст.41). Понятие «восстановительной стоимости» требует конкретизации и стандартизации в нормативных документах Латвии. Практически все виды оценочной стоимости имущества определяются, исходя из расчетных значений восстановительной стоимости. Договор страхования может включать в себя и условия, в которых устанавливается размер собственного участия страхователя/застрахованного в покрытии убытка практически в каждом виде договора (термин «собственный риск» или «франшиза»). В законе данные термины не представлены

и нет разъяснения их применения. Для страхователя данное положение часто бывает предметом конфликта со страховщиком из-за невыплаты возмещения или выплаты неполного возмещения [4,5]. Следует отметить, что в законе «О договоре страхования» существует важная статья (ст. 61) – «Язык договора страхования», по обеспечению права страхователя по использованию не только государственного языка при заключении договора страхования, а именно «...Если страхователь желает заключить договор страхования на иностранном языке, такое изъяснение желания страхователя должно быть недвусмысленно указано в договоре страхования». Статья действует с 2003 года. Если проанализировать условия договоров страхования латвийских страховщиков, то следует констатировать, что ни одни правила не содержат данной информации. Возможность применения данной статьи во многих случаях было бы желательна для страхователя.

Законом «О страховых обществах и надзоре за ними» определяется правовое обеспечение деятельности страховых обществ: порядок получения лицензии для осуществления страховой деятельности; типы организационно-правовых форм (акционерное общество, европейское коммерческое общество, кооперативное общество взаимного страхования или филиала иностранного страховщика) и т.д. Данным законом также регламентируются отношения с Комиссией рынка финансов и капитала, которая, помимо выдачи лицензии также осуществляет государственный надзор и дополнительный надзор за страховой деятельностью (ст.99.1) [9]. Организационно-правовые аспекты самого процесса создания непосредственно страхового общества, его внесения в коммерческий регистр, страховая деятельность (которая является коммерческой, а заключение договора страхования – коммерческой сделкой), ликвидации страхового общества регламентируются соответствующими правовыми нормами и коммерческим правом.

Достаточно спорно введение новых терминов: «страховой коммерсант

- юридическое лицо, имеющее право на оказание страховых услуг в стране-участнице» (ст. 1.26, 1.12) и «коммерсант перестрахования - юридическое лицо, которое в стране - участнице имеет право заниматься перестрахованием» (ст.1.11). Речь идет о страховщиках и перестраховщиках, которые имеют право работать в государства ЕС или ЕЭЗ. Принятие таких «терминов» вызывают законный вопрос о том, с какой целью они вводятся. Практика показала, что термины не используются в правилах (условиях договоров) страхования, т.к. не являются общепринятыми стандартизованными международными терминами, принятыми в страховании. Данные «термины» применяются в тексте определений, представленных в соответствующих законах и значительно затрудняют толкование текста. Помимо национальных страховщиков в Латвии разрешается заниматься страхованием и иностранным инвесторам (иностранному страховщику), которые могут осуществлять в Латвии операции по страхованию путем учреждения страховых акционерных обществ, как с участием латвийских предпринимателей, так и без. Особый порядок предусмотрен для страховщиков стран – участниц (ст.6.1,7,8,8.1-8.7) Под страной участницей понимается государство Европейского Союза или Европейского экономической зоны (п.12,ч.1,ст.1). Для страховщиков из этих стран предусмотрен более упрощенный порядок, связанный с началом осуществления страховой деятельности в Латвии.

Существенные изменения в законе «О страховых обществах и надзоре за ними» произошли в 2000 году. Изменения предусматривали, что с 2001 года государственный надзор за страховой деятельностью осуществляет Комиссия рынка финансов и капитала, а не инспекция страхового надзора. Латвийские структуры по надзору за финансовыми учреждениями в пределах своей компетенции согласно взаимной договорённости обмениваются информацией, необходимой для осуществления надзора. Одной из функций Комиссии рынка финансов и капитала является выдача лицензии на 19 видов добровольного

страхования (ст.12). Для получения лицензии страховое общество представляет Комиссии определенную информацию (ст.13). После получения требуемых сведений Комиссия рассматривает заявление страховщика и не позднее трех месяцев принимает решение о выдаче лицензии (ст.14). Согласно статье 15 Закона, Комиссия может отказать в выдаче лицензии на осуществление страхования.

В Разделе 8 представлен порядок регулирования деятельности по перестрахованию и сформулировано, кто имеет право быть перестраховщиком. Закон страховщику определяет обязанность информировать госнадзор об операциях перестрахования и дает праве госнадзору получать финансовые отчеты, но не введена обязательность представления отчета. Определены 20% от гарантийного фонда как максимальная ответственность страховщика по договору. Вся остальная ответственность по договору передается на перестрахование. Не сняли проблему по финансовым требованиям к перестраховщику (ст. 60-63). Несмотря на более детальное определение правового регулирования перестрахования, к сожалению, не удалось снизить риск использования перестрахования для «оптимизации налогообложения и создания внебюджетных средств».

В Разделе 10 дано описание правового обеспечения деятельности посредников - юридических и физических лиц. Введено понятие страховой агентуры. Представлена информация о необходимости лицензирования и регистрации, но требования и порядок не определены. Дается ссылка, что будут приняты соответствующие Правила Кабинета Министров. Определен увеличенный размер уставного капитала. Повышение размера уставного капитала в 15 раз «сработало» как финансовый барьер, что сразу сократила количество страховых брокерских обществ. Впервые упоминается о страховании гражданской ответственности брокерского общества, но лимиты и условия не определены (ст. 77- 90).

Закон был принят в 1998 году, когда Латвия не являлась членом ЕС. В законе,

в первую очередь, декларировалась правовая защита страхового рынка Латвии от иностранных страховщиков. Вступление 2004 году в ЕС предполагало принципиальные изменения. Вхождение в единое правовое и страховое пространство определяет: единый порядок лицензирования, действие лицензий на всем унифицированном пространстве, следовательно, на страховой рынок входят иностранные страховщики. Данное нововедение потребовало значительных изменений в законе. В закон введено достаточно много изменений. Выделены Разделы VIII и X в отдельные законы по правовому регулированию перестрахования и деятельности посредников.

Третий этап развития нормативно - правовой базы

Принят Закон «О деятельности страховых посредников и посредников по перестрахованию» от 17 марта 2005 года [10]. До принятия данного правового акта деятельность посредников регламентировалась законом «О страховых обществах и надзоре за ними» [9]. Из данного закона изъят Раздел X. В принятом законе определяется правовой статус страховых посредников и посредников по перестрахованию. Согласно вышеуказанному закону страховыми посредниками являются: страховые брокеры, страховые агенты, привлеченные страховые агенты – новый субъект в деятельности посредников (ст.1.3). Услугами страховых посредников могут пользоваться страховщики, перестраховщики и страхователи. Страховые агенты – это лица, которые представляют интересы страховщика и чью деятельность определяет заключенный со страховщиком договор. В соответствии с договором страховой агент, это важно, уполномочен действовать в интересах страховщика (ст.1.6). Перед тем как приступить к выполнению обязанностей страхового посредника, страховые агенты (также страховое агентство и работающие в нём страховые агенты) должны зарегистрироваться в регистре страховых посредников Комиссии рынка финансов и капитала. Порядок регистрации и условия необходимые для этого

указаны в статьях 9 – 11.1. Страховой агент имеет право представлять интересы только одного страховщика. За договоры страхования, заключенные страховыми агентами и страховыми агентствами, ответственность несёт страховщик. Привлеченный страховой агент отличается от страхового агента тем, что не имеет права принимать платежи, имеет право работать с несколькими страховщиками, но один вид страхового продукта предлагает только от одного страховщика (ст.1.7). Деятельность брокера заключается в том, что, обслуживая клиента и выступая доверенным лицом клиента, он предлагает страхователю заключить именно тот договор страхования, который требуется для данного риска. Однако, являясь уполномоченным лицом страхователя (перестрахователя), а не страховщика (перестраховщика), он может отобрать для страхователя наилучшие условия страхования, т.к. использует предложения нескольких страховых обществ. На основе анализа потенциальных рисков страховые брокеры разрабатывают и рекомендуют страхователю оптимальную страховую программу. Брокер является арбитром для страховщика и страхователя при возмещении убытков (ст.1.5). Специфика деятельности страхового брокера состоит в независимости его мнения, что гарантируется правилом, в соответствии с которым брокер не может быть учрежден страховой группой андеррайтеров. Независимость мнения обеспечивает максимальный учет интересов его клиентов. Как консультант, брокер обязан помочь клиенту в определении рисков, которым тот подвержен. Если брокер допустил небрежность при выполнении своих обязанностей, в результате которой нанесен ущерб страхователю (перестрахователю), последний имеет право потребовать от брокера возмещение ущерба.

Данный закон ввел нового посредника – привлеченного страхового агента (в Латвии часто привлеченными страховыми агентами являются банки). Важным нововедением является ОСТА страхового брокера - обязательная гражданско-правовая ответственность с определением минимальных лимитов в год и для одного

страхового случая. В законе определяется порядок получения налоговых льгот на комиссионное вознаграждение для всех страховых посредников, что часто определяет заинтересованность в сотрудничестве со страховщиком.

Четвертый этап развития нормативно - правовой базы

Сейм принимает **закон «О перестраховании»** от 12 июня 2008 года [11]. До принятия этого правового акта деятельность по перестрахованию регламентировалась законом «О страховых обществах и надзоре за ними». Из данного закона изъят Раздел VIII.

Перестрахование - это вторичное распределение риска, или система экономических отношений, в соответствии с которой страховщик, принимая на страхование риски, часть ответственности по ним, исходя из своих финансовых возможностей, передает на согласованных условиях другим страховщикам с целью обеспечения финансовой устойчивости. 16 ноября 2005 года Европейский парламент и Европейский Совет приняли Директиву 2005/68/ЕС «О ведении перестраховочной деятельности и о внесении изменений в Директиву Совета 73/239/ЕС, 92/49/ЕЭС, а также в Директивы 98/78.ЕС и 2002/83/ЕС. В ней определены основные условия для ведения деятельности по перестрахованию. Директива определяет перестрахование как деятельность, заключающуюся в передаче рисков, уступаемых страховщиком или другим перестраховщиком. Разрешение на ведение деятельности по перестрахованию обусловлено получением лицензии в соответствующем органе страны-участницы, в которой расположено предприятие. Лицензии выдаются как в случае, если специализированное предприятие по перестрахованию ходатайствует о получении лицензии до начала ведения деятельности по перестрахованию (и после создания фактического местонахождения на территории страны-участницы), так и в случае расширения деятельности по перестрахованию за рамки уже разрешенных видов деятельности. В

таком случае эта лицензия действительна на территории всего Сообщества, в котором можно вести деятельность либо на основе права свободного учреждения, либо права свободного перемещения услуг. В Директиве также определяется организационно-правовая форма, которую специализированное предприятие по перестрахованию как коммерческое общество для деятельности по перестрахованию обязано соблюдать. Необходимо, чтобы коммерческое общество было учреждено либо как акционерное общество, либо в форме так называемого Европейского общества, как определено в постановлении Совета № 2157/2001 и директиве Совета № 2001/86/ЕС. Перестрахование является одним из наиболее эффективных методов обеспечения финансовой стабильности страхового общества и защиты интересов застрахованных. Страховщик, не производя перестрахования, не имеет права заключать договор страхования с одним страхователем, если взятые страховщиком обязательства в соответствии с настоящим договором превышают 20% от собственных средств страховщика, как отмечалось выше. Свою деятельность перестраховщик может начинать только после получения лицензии на перестрахование (ст.12). Деятельность перестраховщиков, порядок лицензирования и надзора за ними, также подвергнуты детальной регламентации.

В законе дано понятие не только перестраховщика, но и впервые введено понятие коммерсанта по перестрахованию, под ним понимается юридическое лицо, которое в стране участнице имеет право заниматься перестрахованием (п.11 ч.1 ст.1), даны четкие требования к финансовому статусу перестраховщика и его рейтингу надежности, что во многом определило снижение возможностей использования перестрахования для реализации схем по уходу от налогов.

Пятый этап развития нормативно - правовой базы

Принят новый «Закон о страховании и перестраховании» (290 статей) от 18

июня 2015 год, который объединил порядок правового регулирования страхования и перестрахования в Латвии [12]. Утратили силу закон «О страховых обществах и надзоре за ними» от 30 июня 1998 года и закон «О перестраховании» от 12 июня 2008 года. Объединение законов было правомерно и обоснованно, т.к. практически, в большинстве других страна эти два вида деятельности регулируются одним законом, как это было и в принятом в 1998 году законе «О страховых обществах и надзоре за ними». В законе рассмотрены правовые основы регулирования страховой деятельности и деятельности по перестрахованию с равноценной детализацией. Данным законом также регламентируются отношения с Комиссией рынка финансов и капитала, которая, помимо выдачи лицензий, так же осуществляет государственный надзор за страховой деятельностью и деятельностью по перестрахованию (ст.99.1), представлены организационно-правовые аспекты самого процесса создания непосредственно страхового общества и общества по перестрахованию, внесения в коммерческий регистр, осуществления страховой деятельности и ликвидации страхового и перестраховочного обществ.

Решены проблемы по финансовым условиям, которым обязательно должны соответствовать перестраховщики, по требованиям принадлежности к конкретной стране и наличия рейтинга надежности, что повышает надежность и прозрачность страховых и перестраховочных операций.

Следует отметить, вместо одной общей лицензии по страхованию жизни (ст. 12 закона «О страховых обществах и надзоре за ними») введены новые семь видов и лицензий по страхованию жизни. (ст. 19). В законе не представлены описания этих видов, что даже у профессионалов вызывает неоднозначное толкование. В Разделе E, Главы XXII («Предоставляемая перед заключением договора страхования информация») фактически описаны обязанности страховщика при заключении договора. Возникает вопрос, почему

информация в включена в закон о правовом регулирование страховой деятельности, а не в закон «О договоре страхования», в котором нет ссылки на статьи 179 – 182. В статье определена обязанность страховщика перед заключением договора разъяснить клиенту суть самориска и сверхстрахования или недострахования, если это может влиять на интересы клиента. В латвийском законодательстве нет определения термина «самориск». Понятия «сверхстрахования» и «недострахования» определены в законе «О договоре страхования», но ссылок нет, что затрудняет понимание обязанностей. В законе дано толкование, что понимается под страхованием помощи. Если ранее под этим понималась помощь при несчастном случае и внезапном заболевании, то на настоящий момент сюда включена и помощь транспортному средству после ДТП. (ст.188 – 191). В Разделе XXV впервые представлена трактовка страхования юридических расходов. (ст.191-193), Данный факт достаточно важен, т.к. ранее отсутствовало четкое понимание, того, что и как страхуется. Начиная с 1993 года, первый раз лицензия была получена страховым обществом ВТА только в 2009 году. Страхование юридических расходов, устанавливается пунктом 17 части первой статьи 19 настоящего закона, предусматривается покрытие расходов на судопроизводство. Обеспечиваются услуги юридического характера, непосредственно связанные со страхованием при защите и представительстве застрахованного: в гражданском процессе, уголовном процессе, административном процессе или производстве по делам административных правонарушений, а также при достижении возмещения причиненных убытков и повреждений застрахованному без вовлечения в эти процессы. Без ссылок на закон «О договоре страхования», в соответствии с которым заключаются договора, представлены исключения (ст 191), обязанности страховщика и страхователя (ст.192,193). В законе «О договоре страхования» информация о вышеупомянутых данных отсутствует, что может создать определенные проблемы при заключении договоров.

Следует отметить, что принятие данного

закон, безусловно, выводит правовое регулирование страховой деятельности на более высокий уровень.

Современные перспективы

Следует констатировать, что развитие страхового права в Латвии продолжается. На настоящий момент во втором чтении принят закон, который должен заменить закон «О договоре страхования». В новом законе учтены и исправляются некоторые недостатки предыдущего закона: предлагается более четкое трактование термина «страховая сумма», применение термина «выгодоприобретатель» расширено на договоры по страхованию от убытков и повреждений, в отличие от использования термина «выгодоприобретатель» только в договорах личного страхования, как в ныне действующем законе (ст.1.18, ст 53). Введены такие термины, как «страховой период», «принцип компенсации», «регрессный иск» и «суброгация». Определение понятия «суброгация» достаточно значимо, особенно для договоров страхования морских рисков, т.к. в Латвии применяются Международные английские правила. Данный термин используется традиционно, и его отсутствие затрудняло решение отдельных проблем после выплаты возмещения. Следует отметить, что и в новом законе отсутствует такой общепотребимый термин как «собственный риск», который используется, практически, в условиях всех видов страховых договоров. В каждом случае предлагается конкретная трактовка, где отражается главная сущность условия как части убытка, которую покрывает сам застрахованный. Не введено понятие «двойное страхование», которое на настоящий момент обычно применяется в договорах морского страхования. В новом законе, как и в действующем, используется в тексте «...один и более договоров» (ст.36, 37). В этом случае для определения возмещения используется так называемый «принцип контрибуции», т.е. выплата осуществляется пропорционально размеру страховой суммы, что и описывается в статье

37, но термин «контрибуции», и в новом законе не используется. В новом законе достаточно профессионально представлена трактовка терминов, понятий и условий все видов договоров. Анализ отдельных статей подтверждает повышение уровня правовой защиты, что позволяет говорить о совершенствовании правового регулирования страховой деятельности в Латвии.

Выводы

В статье рассматриваются основные этапы развития страхового права в современной Латвии. Следует констатировать, что законы, относящиеся к современному правовому регулированию страховой деятельности в Латвии, в основном, приведены к общеевропейским требованиям, т.е. проведена унификация в соответствии с Директивами Европейского Союза. Однако, имеется необходимость в профессиональном анализе и комментариях к нормативным актам по страховому праву, которые в печатном виде практически не представлены. В результате анализа отдельных аспектов, представленных в данной статье, выявлены некоторые проблемы правового обеспечения и недостатки, имеющиеся в нормативных актах по регулированию страховой деятельности, которые требуют доработки и совершенствования. В современной версии законов отсутствуют некоторые общепринятые в страховании термины и понятия, например, такие как «собственный риск», «франшиза», «двойное страхование», «контрибуция» и др. Следует отметить, что в законах присутствуют понятия, такие как «восстановительная стоимость объекта», которые не раскрываются или являются спорными по факту применения, например: «коммерсант по страхованию или перестрахованию», что затрудняет или делает невозможным адекватно и однозначно воспринимать условия страхового договора и т.д. Устранение выявленных недостатков, в частности, в новом законе для заключения договоров страхования, позволит более полно обеспечить правовое регулирование страховой деятельности в Латвии.

Список использованной литературы

1. Novožilova, N. Apdrošināšanas tiesību attīstība mūsdienas Latvijā. – Baltijas juridiskais žurnāls. 2014, № 1, Rīga, Latvija, ISSN 1691-0702, 56-68 c.
2. Novožilova, N. Latvijas apdrošināšanas tirgus attīstība un tiesiskās regulēšanas problēmas. – Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomika un ekonomiskajā politikā; ekonomiski-politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas: 2013. gada 10. decembra II Starptautiskās zinātniski praktiskās konferences rakstu krājums. - Rīga, Baltijas Starptautiskā akadēmija, 2014, ISSN 978-9984-47-096-2, 72-77c.
3. Novožilova, N. Jūras apdrošināšanas prakse un problēmas Latvijā. Baltijas Juridiskais žurnāls/ Zinātniski praktiskais starptautiskais juridiskais žurnāls, 2013, №1/2, Rīga, Latvija, ISSN 1691- 07702, 147-153 c.
4. Novožilova, N. J. Puškina. Īpašuma apdrošināšanas tiesiskās problēmas Latvijā. - BSA zinātniski teorētiskā žurnālā „Administratīvā un Kriminālā Justīcija”, Nr. 4 (61), BSA, , 2012.g., Rīga, 46 – 55 lpp.
5. Likuma „Par apdrošināšanas līguma” trūkumi. BSA zinātniski teorētiskā žurnāla „Administratīvā un Kriminālā Justīcija”, Nr. 2/3(55/560), BSA, ISSN 1407-2971, 2011. g., Rīga, 188 – 193 c.
6. Страховой рынок стран Европейского союза (материалы конференции). <http://insuranceconsulting.ru> (от 02.04.2014).
7. “Par apdrošināšanu” Latvijas Republikas likums. 1993. gada 12. janvārī // Ziņotājs 28.01.1993, Nr.3.
8. Par apdrošināšanas līgumu. Latvijas Republikas likums. 1998.gada 10.jūnijs, spēkā no 01.09.1998., Latvijas Vēstnesis Nr.188/189 (1249/1250) ar grozījumiem uz 18.04.2007.
9. Apdrošināšanas sabiedrību un to uzraudzības likums. Latvijas Republikas likums. 1998.gada 10.jūnijs, spēkā no 01.09.1998., Latvijas Vēstnesis Nr.188/189 (1249/1250) ar grozījumiem uz 21.12.2012.
10. Apdrošināšanas un pārapirošināšanas starpnieku darbības likums. Latvijas Republikas likums. 2005. gada 17.marts, spēkā no 15.04.2005., Latvijas Vēstnesis Nr.52 (3210) ar grozījumiem uz 13.08.2009.
11. Pārapirošināšanas likums. Latvijas Republikas likums. 2008.gada 12.jūnijs, spēkā no 16.07.2008., Latvijas Vēstnesis Nr.100 (3884) ar grozījumiem uz 01.01.2010.
12. Apdrošināšanas un pārapirošināšanas likums. Pieņemts: 18.06.2015. Stājas spēkā: 01.07.2015. Publicēts: “Latvijas Vēstnesis”, 124 (5442), 30.06.2015 ar grozījumiem.

References

1. Novozhilova N. Contemporaneity of Insurance Law development in Latvia. – Baltic Journal of Law, 2014, № 1, Riga, Latvia, ISSN 1691-0702, 56-68 p.
2. Novozhilova N. The development of the Latvian insurance market and the problems of legal regulation. – Transformation process in law, regional economic and economic policy; economically - the current challenges of political and legal relations: 2013. (II) The International Science and Practical Conference’s stock of GADA10. -Riga, Baltic International Academy, 2014, ISSN 978-9984-47-096-2, 72-77p.
3. Novozhilova N. Marine insurance practices and problems in Latvia. Baltic Legal Journal/Scientifically Practical International legal journal, 2013, № 1/2, Riga, Latvia, ISSN 1691-07702, 147-153 p.
4. Novozhilova N., J. Pushkin. Property insurance. Legal problems in Latvia. BIA scientific and theoretical journal “Administrative and Criminal justice”, No. 4 (61), BSA, 2012, Riga, 46 – 55p.
5. Novozhilova N. The shortcomings of the Law on Insurance contract. BSA’s Scientific theoretical magazine ‘ Administrative And Criminal Justice ‘, No 2/3 (55/560), BSA, ISSN 1407-2971, 2011, Riga, 188-193, p.
6. Insurance market of countries of the European Union (materials of conference). <http://insuranceconsulting.ru> (from 02.04.2014).
7. “Insurance Law” of Republic of Latvia. 12 January 1993 28.01.1993, No 3.
8. “The Insurance Contract Law. Law of the Republic of Latvia. 10 June 1998 in force from 01.09.1998, Latvia Journal No 188/189 (1249/1250), as amended by 18.04.2007.
9. “Insurance Companies and their Supervisory Law”. Law of the Republic of Latvia. 10 June 1998 in force from 01.09.1998, Latvia Journal No 188/189 (1249/1250), as amended by 21.12.2012.
10. “The Activities of Insurance and Reinsurance Intermediaries Low”. Law of the republic of Latvia. 17 March 2005, effective from 15.04.2005, Latvia Journal No 52 (3210), as amended by 13.08.2009.
11. “Reinsurance Law”. Law of the Republic of Latvia. 12 June 2008, in force from 16.07.2008, Latvia, Journal No 100 (3884), as amended by 01.01.2010.
12. “Insurance and Reinsurance Law”. Accepted: 18.06.2015. Entry into force: 01.07.2015. Submitted: Latvijas Gazette, 124 (5442), 30.06.2015 amended.

*Ирина Цветкова, докторант
Балтийская Международная Академия
Латвия*

Правовой статус криптовалют

Аннотация. Криптовалюта является криптографически защищенной децентрализованной цифровой валютой, которая используется как средство обмена и расчетов. Благодаря развитию новых технологий и инноваций темп использования криптовалюты быстро увеличивается во всем мире, заменяя не только оплату наличными и платежи банковским переводом, но также и электронные расчеты. В настоящий момент среди ученых-правоведов нет единой позиции о правовой природе и правовом статусе криптовалют, в разных странах подход к правовому регулированию оборота криптовалют отличается как и отличается определение его правового статуса.

Ключевые слова: Биткоин, блокчейн, криптовалюта, токен.

*Irina Cvetkova, doktorante
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija*

Kriptovalūtu tiesiskais statuss

Anotācija: Kriptovalūta ir kriptogrāfiski aizsargāta decentralizēta digitāla valūta, kuru izmanto kā apmaiņas un norēķinu līdzekli. Pateicoties jaunu tehnoloģiju un inovāciju attīstībai, kriptovalūtu izmantošanas tempi pieaug, aizstājot ne tikai skaidras un bezskaidras naudas, bet arī elektroniskas naudas maksājumus. Tiesību zinātnieku vidū pagaidām nav vienotas nostājas par kriptovalūtas dabu un tiesisko statusu, dažādās valstīs pieeja kriptovalūtas apgrozījuma tiesiskajam regulējumam ir atšķirīga.

Atslēgas vārdi: bitcoins, blockčeins, kriptovalūta, tokens.

*Irina Cvetkova, doctoral student
Baltic International Academy
Latvia*

Legal status of cryptocurrencies

Abstract. The cryptocurrency is a cryptographically protected decentralized digital currency used as means of exchange. Due to development of new technologies and innovations, the rate of using of cryptocurrency is rapidly increasing throughout the globe, replacing not only cash payment and payments by bank transfer, but also electronic payments. The law scholars have not yet reached a consensus regarding the nature and legal status of the virtual currency. The cryptocurrency possesses both the nature of obligations rights and property rights, since it may be both a commodity and means of payment. In some countries the approach to definition of cryptocurrencies is different.

Keywords: bitcoin, blockchain, cryptocurrency, token.

Актуальность статьи обусловлена тем, что криптовалюта как абсолютно ликвидное средство обмена, заменяет не только наличные и безналичные деньги, но и электронные платежные средства. Возникновение децентрализованных систем и криптовалют привело к эволюционным изменениям международной правовой системы, и в разных странах наблюдаются различные подходы к определению правового статуса криптовалют.

Целью статьи является изучение и анализ правового статуса криптовалют.

Методы исследования: логическо-правовой метод, метод моделирования, сравнительно-правовой метод, формально-нормативный метод.

1. Терминология

На сегодняшний день ни в странах Европейского Союза, ни в других странах мира среди юристов-правоведов нет единого мнения о том, можно ли считать криптовалюту деньгами как таковыми или же это денежный суррогат.

Разрешение этого вопроса напрямую влияет на дальнейшую судьбу криптовалют - получают ли они признанный государством статус, а также как будут вести себя в отношении криптовалют налоговые органы, прокуратура и суды.

По содержанию имущественных прав криптовалюта представляет собой не что иное, как субъективные права субъектов правоотношений и связана с владением, пользованием и распоряжением каким-либо имуществом, а также с теми материальными требованиями, которые возникают между участниками оборота в распределении данного имущества либо обмене, например, товаров.

2. Криптовалюта - это деньги

Сторонники этой позиции отмечают схожесть некоторых функций криптовалюты с денежными средствами. Криптовалюта может быть средством платежа за товары и услуги, а в законодательстве США, например, специально оговаривается, что она может быть платёжной единицей, в которой выдаётся заработная плата.

Американская Комиссия по расследованию финансовых преступлений (FinCEN) объявила, что операции по обмену любых криптовалют на фиатные деньги (fiat money) должны регулироваться так же, как и операции по обмену фиатных денег между собой [1]. Юридические лица, занимающиеся движением средств с криптовалютами, должны были получить лицензии.

Кабинет министров Японии признал криптовалюту Биткоин фиатными деньгами, которые имеют функции, схожие с деньгами, и постановил разработать нормативную базу для полного интегрирования криптовалюты в банковскую систему Японии [2]. Национальным регулятором в отношении криптовалют стало Агентство по финансовым услугам Японии, которое регулирует вопросы эмиссии национальной валюты. Это означает, что в некоторых странах криптовалюта стала единицей расчёта, которая признаётся и принимается различными субъектами на рынке.

3. Криптовалюта — это денежный суррогат

Противники восприятия Биткоина как обычных денег отмечают: для денежных средств характерно быть продуктом государственного порядка. Государство осуществляет эмиссию, обеспечивая определённую ценность денег и устанавливает обязательность их в качестве законного средства платежа.

Исходя из такого определения очевидно, что криптовалюта не является денежным средством, поскольку не эмитируется государством, и государство не гарантирует его ценность и не устанавливает обязанность его принимать.

В подавляющем большинстве юрисдикций Биткоин не признаётся официальным средством платежа и не относится к деньгам. Например, налоговая служба Нидерландов не рассматривает криптовалюту как законное средство платежа [3], а Центральный банк Дании в 2014 году объявил, что Биткоин не является валютой. С точки зрения датского регулятора, «он не имеет реальной торговой стоимости по сравнению с золотом или серебром и более подобен стеклянным бусам».

4. Криптовалюта — это электронные деньги

В международном праве определение электронных денег закреплено в 1998 году докладом об электронных деньгах Европейского центрального банка – ЕЦБ. Электронные деньги в широком смысле определяются как электронное хранение денежной стоимости на техническом устройстве, которое может широко применяться для осуществления платежей в пользу не только эмитента, но и других фирм, и которое не требует обязательного использования банковских счетов для проведения транзакций, а действует как предоплаченный инструмент на предъявителя [4].

Сторонники мнения, что криптовалюта является разновидностью электронных денег, указывают на то, что криптовалюта не имеет эмитентов, как и электронные средства платежа. Ее можно рассматривать как денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому, без открытия банковского счёта, для исполнения денежных обязательств.

Согласно Директиве об электронных деньгах (2009/110/ЕС), электронные деньги являются денежной ценностью, что вытекает из представленных требований к эмитентам: эта ценность должна быть сохраненной в электронном виде; сами электронные деньги должны выдаваться на получение средств [5].

В системах криптовалют расчётная единица изменена. Это немаловажная проблема определена ЕЦБ следующим образом:

Эти системы полагаются на определённый обменный курс, который может колебаться, так как ценность криптовалюты обычно основана на её собственном спросе и предложении.

Связь с традиционной валютой некоторой степени теряется, которая могла бы быть проблематичной при восстановлении фондов, даже если это может быть разрешено.

То, что валюта называется по-другому (то есть не евро, доллар США, и так далее) и то, что денежные фонды не должны быть выкуплены по номиналу означает, что полный контроль над криптовалютой оставлен её эмитенту,

который обычно является некоммерческой организацией.

Системы электронных денег регулируются нормативными актами, а учредители систем электронных денег, которые проводят эмиссию средств оплаты в форме электронных денег, подвергаются соответствующим административным требованиям и контролю. Для систем криптовалюты риски, с которыми сталкивается каждый тип валюты, отличаются.

Электронные деньги прежде всего подвергаются эксплуатационному риску, связанному с потенциальными сбоями системы, на которой хранятся электронные деньги. Криптовалюты не только находятся под влиянием кредитного и операционного рисков, риска ликвидности без какой-либо юридической защиты, но эти схемы подвергаются и юридическому риску неуверенности и мошенничества, в результате отсутствия регулирования и общественного надзора.

Определение систем криптовалюты, используемых в упомянутом отчете ЕЦБ исключает такой объект как PayPal - платежную систему основанную в Интернете [6]. Счёт PayPal финансируется через кредитный перевод банковского счёта или посредством платежа по кредитной карте, то есть он работает в пределах банковской системы. Кроме того, PayPal подпадает под регулирование Commission de Surveillance du Secteur Financier Люксембурга, а за системой электронных денег наблюдает Banque centrale du Luxembourg [7].

Противники этой точки зрения указывают, что главным отличием криптовалюты от электронных денег является отсутствие посредника в расчётах, который верифицирует платёж. Так как при платеже криптовалютой расчёт осуществляется от одного субъекта к другому напрямую.

5. Криптовалюта — это финансовый инструмент

Финансовый инструмент — это ценная бумага или её производное. Причём производным считается договор, предусматривающий одним из вариантов

реализации обязанность купить или продать ценные бумаги, валюту или товар.

Базовым активом производного финансового инструмента может быть валюта, товар, ценные бумаги, а также различные статистические показатели, индексы и проценты. Соответственно, если криптовалюта не является товаром или ценной бумагой, он и не будет являться базовым активом для производного финансового инструмента.

Позицию, согласно которой криптовалюта может быть финансовым инструментом, заняло министерство финансов Германии. В 2013 году оно вынесло постановление о признании криптовалюты официальным средством расчётов [8]. При этом закон чётко разграничивает этот статус со статусом законного средства платежа — такого свойства криптовалюта в Германии не получила.

6. Криптовалюта — это товар

Под товаром понимается материальный или нематериальный объект, который может быть использован в экономическом смысле. В ряде стран криптовалюта рассматривается именно как имущество или товар и подвергается соответствующему налогообложению.

Налоговая служба Австралии не рассматривает криптовалюту в качестве денег или иностранной валюты, приравнивая операции с ее участием к бартерным соглашениям (barter arrangement) [9].

Налоговая служба Израиля в 2017 году опубликовала проект циркуляра, в котором криптовалюта квалифицирована как обладающая номинальной стоимостью цифровая единица, которую можно использовать для бартера либо в инвестиционных целях [10].

Комиссия по торговле товарными фьючерсами США (CFTC) в сентябре 2015 года признала криптовалюту Биткоин товаром [11].

Правовые системы этих стран квалифицируют криптовалюту как неисчерпаемый нематериальный товар с определённой в каждый конкретный момент времени стоимостью.

7. Криптовалюта — это ценная бумага

Комиссия по ценным бумагам США (SEC) в отчёте по расследованию ситуации с блокчейн-стартапом The DAO указала, что выпущенные на ICO токены (token — это единица стоимости, выпущенная частной организацией в системе блокчейн) следует рассматривать как ценные бумаги вне зависимости от того, как называется то, во что инвесторы вкладывали деньги и как это работает [12].

Противники подобной позиции утверждают, что криптовалюта не содержит обязательственных прав и не является денежным обязательством. Они исходят из того, что отношения, которые содержатся в транзакции криптовалют наиболее близки по своей природе к договору мены.

Эмиссия криптовалюты осуществляется децентрализованно в интернете и поэтому не отвечает понятию эмиссии ценных бумаг. Эмитентом является каждый участник платёжной системы, так как транзакция создаёт новый блок в цепочке транзакций. Исходя из этого, криптовалюта не отвечает признакам ценных бумаг и не является таковой.

8. Криптовалюта — это имущество

Служба внутренних доходов (IRS) США выпустила руководство по налогообложению операций с Биткоинами и другими виртуальными валютами, в соответствии с которым криптовалюты могут быть квалифицированы как:

- 1) валюта,
- 2) имущество,
- 3) инвестиционный инструмент

(долгосрочные инвестиции в акции) [13].

Для целей уплаты федеральных налогов Биткоин рассматривается как имущество, при продаже которого владельцы получают не прибыль от курсовой разницы, а прибыль от прироста капитала.

При этом выплата заработной платы в криптовалютах облагается подоходным налогом и налогом с заработной платы, а выплаты в криптовалютах независимым подрядчикам облагаются налогом на самозанятость.

9. Правовое регулирование криптовалют в Латвии

В Латвии официальное мнение в отношении криптовалют было выражено Комиссией по рынку финансов и капитала (КРФК) и Службой государственных доходов (СГД) [14].

21 сентября 2017 года КРФК дополнило свое мнение «О правовом регулировании Bitcoin и похожих инструментов» ссылкой на мнение Суда Европейского Союза о том, что «...в настоящее время виртуальная валюта Bitcoin по своей сути скорее воспринимается как договорное платежное средство...» [15].

9 ноября 2017 года были приняты изменения в законе «О предотвращении легализации средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» [16].

Изменения были разработаны для введения в законодательство Латвии требований Директивы №2015/849 ЕС по борьбе с отмыванием денег (4th AMLD) - Директива, в них также были включены и предложения 2016/0208 (COD) по внесению изменений в упомянутую Директиву [17, 18].

Поправками определено понятие «виртуальная валюта» - это цифровое отражение стоимости, которое функционирует в цифровой среде и может быть отправлено, подлежать хранению или торговле в цифровой форме и функционировать как средство обмена, но не признанное в качестве законного платежного средства, не считается банкнотой и монетой, безналичными деньгами и электронными деньгами, а также не является монетарной стоимостью, накопленной в платежном инструменте [19].

«Лицо, оказывающее услуги виртуальной валюты» - это лицо, оказывающее услуги виртуальной валюты, в том числе, лицо, оказывающее услуги по обмену виртуальной валюты, выпущенной другими лицами, обеспечивающее пользователям возможность произвести обмен виртуальной валюты на другую виртуальную валюту, получая за это комиссионную плату, или предлагающее приобрести и выкупить цифровую валюту, используя признанное законное платежное средство.

Как указано в аннотации к изменениям в упомянутом законе, технология виртуальной валюты требует осторожного наблюдения, но не ограничивающего регулирования, чтобы не подавить инновационного развития идеи [20]. Предложения №2016/0208 (COD) к Директиве дают определение виртуальной валюты и включают платформы для обмена виртуальной валюты субъектов лиц, контролирующими выполнение требований по борьбе с отмыванием денег.

Лица, оказывающие услуги виртуальной валюты, включены в список субъектов закона наряду с кредитными и финансовыми учреждениями, налоговыми консультантами, организаторами азартных игр, взыскателями долгов и другими лицами. Закон определяет, что СГД будет осуществлять надзор над лицом, оказывающим услугу виртуальной валюты.

Включение таких лиц в список означает, что на них распространяются следующие основные обязанности:

- 1) Осуществлять и документировать оценку риска легализации в своей деятельности;
- 2) Создать систему внутреннего контроля предотвращения легализации, основанную на оценке риска легализации;
- 3) Регулярно пересматривать и актуализировать оценку рисков, оценивать и улучшать эффективность работы системы внутреннего контроля;
- 4) Назначить ответственных за выполнение требований о предотвращении легализации работников, обеспечивая для них необходимый уровень знаний в области предотвращения легализации;
- 5) Осуществлять регулярные мероприятия по изучению клиента, надзор за деятельностью клиента и сделок, актуализировать информацию о хозяйственной и личной деятельности клиента;
- 6) Соблюдать запрет на осуществление сделок с shell-банками;
- 7) Незамедлительно сообщать в Службу по предотвращению легализации средств, полученных преступным путем о каждой необычной или подозрительной сделке,

предоставлять информацию по запросу службы;

8) Воздерживаться от осуществления подозрительных сделок и незамедлительно сообщать о таких случаях в службу;

9) Обеспечивать заморозку средств по распоряжению службы. Надзор и контроль за исполнением требований закона лицом, оказывающим услуги по обмену виртуальной валюты, осуществляет СГД.

10) Упомянутый субъект обязан информировать СГД о своем виде деятельности в течение 10 рабочих дней после начала деятельности. Данная норма вступает в силу 01 июля 2019 года.

Внесение предприятий, действующих, например, как биржи по обмену криптовалюты, в список субъектов закона будет способствовать развитию операций и оборота криптовалют. Нововведения о виртуальных валютах несомненно улучшают рейтинг конкурентоспособности ведения бизнеса в Латвии, особенно в сфере инновационных услуг.

Выводы

Криптовалюта является новым продуктом исторического развития и прогресса, который выполняет одну из

важнейших функций, присущих деньгам – это обмен информацией того сообщества, которое признает ее в качестве обращения. Криптовалюта уже получила признание как средство обмена наряду с фиатными деньгами.

В разных странах наблюдается отличный друг от друга подход к определению правового статуса криптовалют как денег, денежного суррогата, финансового инструмента, товара.

В настоящее время существует международное криптовалютное сообщество, которое не имеет единого центра координации, а правовое регулирование криптовалют в разных странах отстаёт от технических разработок на несколько лет, затрагивая отдельные вопросы налогообложения и борьбы с отмыванием денег.

Совершенно очевидно, что необходимо определить сущность и природу криптовалют, а также их правовой статус и функции, наряду с наличными и электронными деньгами.

Только прогрессивная юрисдикция и государственное регулирование криптовалютной деятельности позволит создать условия, обеспечивающие осуществление законных и безопасных криптовалютных отношений. Правовая наука стоит в преддверии создания теории криптовалют.

Список использованной литературы

- [1] Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies (FIN-2013-G001), The Financial Crimes Enforcement Network. Available at: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf> (просмотрено 18.04.2018.)
- [2] Virtual money poses accounting dilemma for Japan's early adopters, см.: <https://asia.nikkei.com/Business/Trends/Virtual-money-poses-accounting-dilemma-for-Japan-s-early-adopters> (просмотрено 18.04.2018.)
- [3] How to Tax Bitcoin?, International Bureau for Fiscal Documentation, Amsterdam, The Netherlands, см.: <http://scitechconnect.elsevier.com/wp-content/uploads/2016/01/Chapter-14--How-to-Tax-Bitcoin.pdf> (просмотрено 18.04.2018.)
- [4] Report on electronic money, European Central Bank, см.: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/emoneyen.pdf> (просмотрено 18.04.2018.)
- [5] DIRECTIVE 2009/110/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC
- [6] PayPal. см.: <https://en.wikipedia.org/wiki/PayPal> (просмотрено 18.04.2018.)
- [7] Commission de Surveillance du Secteur Financier (CSSF). см.: <http://www.cssf.lu/en/> (просмотрено 18.04.2018.)
- [8] Merkblatt-Hinweise zum Zahlungsdiensteaufsichtsgesetz (ZAG), November 2017, см.: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Merkblatt/mb_111222_zag.html (просмотрено 18.04.2018.)
- [9] Tax treatment of cryptocurrencies, Australian Government, см.: <https://www.ato.gov.au/General/Gen/Tax-treatment-of-crypto-currencies-in-Australia--specifically-bitcoin/> (просмотрено 18.04.2018.)
- [10] Israel Seeks Tax on Bitcoin, Virtual Currency Transactions, The Bureau of National Affairs, 2017, см.: <https://www.bna.com/israel-seeks-tax-n73014450141/> (просмотрено 18.04.2018.)
- [11] ORDER INSTITUTING PROCEEDINGS PURSUANT TO SECTIONS 6(c) AND 6(d) OF THE COMMODITY EXCHANGE ACT, MAKING FINDINGS AND IMPOSING REMEDIAL SANCTIONS, 17.09.2015. см.: <https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@lrenforcementactions/documents/legalpleading/enfcoinfliprorder09172015.pdf> (просмотрено 18.04.2018.)
- [12] U.S. Securities Laws May Apply to Offers, Sales, and Trading of Interests in Virtual Organizations, см.: <https://www.sec.gov/news/press-release/2017-131> (просмотрено 18.04.2018.)
- [13] New IRS Notice Confirms Tax Treatment of Bitcoins as Property and not Currency - Expected To Increase Popularity for Self-Directed IRAs, According to IRA Financial Group, см.: <http://www.prweb.com/releases/bitcoins-self-directed-ira-tax-property-currency/prweb11704323.htm> (просмотрено 18.04.2018.)
- [14] Valsts ieņēmumu dienests, Par darījumiem ar kriptovalūtu un nodokļiem, см.: <http://m.lvportals.lv/visi/e-konsultacijas/11918-par-darijumiem-ar-kriptovalutu-un-nodokliem/> (просмотрено 18.04.2018.)
- [15] FKTK viedoklis par Bitcoin un līdzīgo instrumentu tiesisko regulējumu, см.: <http://www.fktk.lv/lv/jaunumi/33-mediju-telpa/jaunumi/110-2014-02-12-fktk-viedoklis-par-bitcoin-un-lidzigo-instrumentu-tiesisko-regulejumu.html> (просмотрено 18.04.2018.)
- [16] Grozījumi Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas likumā, см.: <https://likumi.lv/ta/id/294868-grozijumi-noziedzigi-iegutu-lidzeklu-legalizacijas-un-terorisma-finansesanas-noversanas-likuma> (просмотрено 18.04.2018.)
- [17] DIRECTIVE (EU) 2015/849 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC, см.: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:JOL_2015_141_R_0003&from=ES (просмотрено 18.04.2018.)
- [18] 2016/0208(COD) Priekšlikums EIROPAS PARLAMENTA UN PADOMES DIREKTĪVA, ar ko groza Direktīvu (ES) 2015/849 par to, lai nepieļautu finanšu sistēmas izmantošanu nelikumīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanai vai teroristu finansēšanai, un Direktīvu 2009/101/EK, см.: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A52016PC0450> (просмотрено 18.04.2018.)
- [19] Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas likums, pieņemts 17.07.2008., stājas spēkā 13.08.2008., publicēts "Latvijas Vēstnesis", 116 (3900), 30.07.2008., "Ziņotājs",

16, 28.08.2008. ar grozījumiem līdz 09.11.2017.

[20] Likumprojekta "Grozījumi Noziedzīgi iegūtu līdzekļu legalizācijas un terorisma finansēšanas novēršanas likumā" sākotnējās ietekmes novērtējuma ziņojums (anotācija), см.: <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/FEB181B5B41A0CA4C2258144002CC7CC?OpenDocument#b> (просмотрено 18.04.2018.)

References

[1] Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies (FIN-2013-G001), The Financial Crimes Enforcement Network. Available at: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf> (18.04.2018.)

[2] Virtual money poses accounting dilemma for Japan's early adopters, Available at: <https://asia.nikkei.com/Business/Trends/Virtual-money-poses-accounting-dilemma-for-Japan-s-early-adopters> (18.04.2018.)

[3] How to Tax Bitcoin?, International Bureau for Fiscal Documentation, Amsterdam, The Netherlands, Available at: <http://scitechconnect.elsevier.com/wp-content/uploads/2016/01/Chapter-14---How-to-Tax-Bitcoin.pdf> (18.04.2018.)

[4] Report on electronic money, European Central Bank, Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/emoneyen.pdf> (18.04.2018.)

[5] DIRECTIVE 2009/110/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC

[6] PayPal, Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/PayPal> (18.04.2018.)

[7] Commission de Surveillance du Secteur Financier (CSSF). Available at: <http://www.cssf.lu/en/> (18.04.2018.)

[8] Merkblatt-Hinweise zum Zahlungsdienststeuergesetz (ZAG), November 2017, Available at: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Merkblatt/mb_111222_zag.html (18.04.2018.)

[9] Tax treatment of cryptocurrencies, Australian Government, Available at: <https://www.ato.gov.au/General/Gen/Tax-treatment-of-crypto-currencies-in-Australia---specifically-bitcoin/> (18.04.2018.)

[10] Israel Seeks Tax on Bitcoin, Virtual Currency Transactions, The Bureau of National Affairs, 2017, Available at: <https://www.bna.com/israel-seeks-tax-n73014450141/> (18.04.2018.)

[11] ORDER INSTITUTING PROCEEDINGS PURSUANT TO SECTIONS 6(c) AND 6(d) OF THE COMMODITY EXCHANGE ACT, MAKING FINDINGS AND IMPOSING REMEDIAL SANCTIONS, 17.09.2015.cm.:<https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@Irenforcementactions/documents/legalpleading/enfcoinflprorder09172015.pdf> (18.04.2018.)

[12] U.S. Securities Laws May Apply to Offers, Sales, and Trading of Interests in Virtual Organizations, Available at: <https://www.sec.gov/news/press-release/2017-131> (18.04.2018.)

[13] New IRS Notice Confirms Tax Treatment of Bitcoins as Property and not Currency - Expected To Increase Popularity for Self-Directed IRAs, According to IRA Financial Group, Available at: <http://www.prweb.com/releases/bitcoins-self-directed-ira-tax-property-currency/prweb11704323.htm> (18.04.2018.)

[14] Service of state revenues. About transactions and taxes with cryptocurrencies, Available at: <http://m.lvportals.lv/visi/e-konsultacijas/11918-par-darījumiem-ar-kriptovalutu-un-nodokliem/> (18.04.2018.)

[15] Opinion of the FCMC on the legal framework for Bitcoin and similar instruments, Available at: <http://www.fktk.lv/lv/jaunumi/33-mediju-telpa/jaunumi/110-2014-02-12-fktk-viedoklis-par-bitcoin-un-lidzigo-instrumentu-tiesisko-regulejumu.html> (18.04.2018.)

[16] Amendments to the Law on the Prevention of Money Laying and Terrorism Financing, Available at: <https://likumi.lv/ta/id/294868-grozijumi-noziedzigi-iegutu-lidzeklu-legalizacijas-un-terorisma-finansesanas-noversanas-likuma> (18.04.2018.)

[17] DIRECTIVE (EU) 2015/849 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC, Available at: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:JOL_2015_141_R_0003&from=ES (18.04.2018.)

[18] Proposal for a DIRECTIVE OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL amending Directive

(EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing and amending Directive 2009/101/EC, Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A52016PC0450> (18.04.2018.)

[19] Law on the Prevention of Money Laundering and Terrorism Financing. Publication: "Latvijas Vestnesis", 116 (3900), 30.07.2008., "Ziņotajs", 16, 28.08.2008.

[20] Proposal for an initial impact assessment report (annotation) of the "Amendments to the Law on the Prevention of Money Laying and Terrorism Financing", Available at: <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/FEB181B5B41A0CA4C2258144002CC7CC?OpenDocument#b> Available at: (18.04.2018.).

Aleksandrs Linovickis, maģistrants
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija

Nodokļi un nodevas loterijām un azartspēlēm

Anotācija. Raksts atspoguļo pašreizējo civiltiesisko regulējumu azartspēļu un izložu jomu Latvijas Republikā. Jēdzienu “azartspēles” tiesību doktrīnā. Juridisko definīciju “azartspēlēs”, “uzvara” un “loterija” Latvijas Republikas normatīvajos aktos. Atspoguļo pašreizējo azartspēļu un izložu regulējumu Eiropas Savienība un Latvijas Republikā Nodokļu politiku Izložu un azartspēļu joma Latvijas Republikā. Nodokļa priekšmets. Nodokļu likmes un valsts nodeva. Azartspēļu nodokļa aprēķināšana. Ieņēmumus no nodokļiem.

Atslēgas vārdi: azartspēles, nodokļi, nodevas, loterijas, nodokļu politika.

Aleksandrs Linovickis, Master’s student
Baltic International Academy
Latvia

Tax and duties on lotteries and gambling

Abstract. The article highlights current civil law problems of gambling and lotteries regulating in the Republic of Latvia. The article considers the concept of “gambling” in the doctrine of law, the legal definition of “gambling”, “winnings” and “lotteries” in the normative acts of the Republic of Latvia. Characteristics of the gambling and lotteries regulation in European Union and Latvian Republic are looked into. Implementation of the tax policy on gambling and lotteries in the Republic of Latvia, object of tax, tax rates and state fees, calculation of the tax on gambling, proceeds from duty and tax are covered.

Keywords: gambling, taxes, duties, lotteries, tax policy.

Александр Линовицкис, магистрант
Балтийская Международная Академия
Латвия

Налог и пошлина на лотереи и азартные игры

Аннотация. Статья освещает актуальные гражданско-правовые проблемы регулирования азартных игр и лотерей в Латвийской республике. Рассмотрены: понятие «азартных игр» в доктрине права, легальное определение «азартных игр», «выигрышей» и «лотерей» в нормативных актах Латвийской Республики. В статье анализируются: характеристика нормативного регулирования азартных игр и лотерей в праве Европейского союза и Латвии, осуществление налоговой политики азартных игр и лотерей в Латвийской Республике, а также приводится описание лиц, платящих

налоги и пошлины на азартные игры и лотереи, объекта налога, ставки налога и государственной пошлины, расчета налога на азартные игры, поступлений от пошлины и налога.

Ключевые слова: азартные игры, налоги, пошлины, лотереи, налоговая политика.

**Понятие «азартных игр» в доктрине права.
Юридическое определение «азартных игр»,
«выигрышей» и «лотерей» в нормативных
актах Латвийской Республики**

Ст. 1 Закона «Об азартных играх и лотереях» [1] интерпретирует термин «азартная игра» следующим образом: это игра, в которой физическое лицо, уплатив ставку участия в игре, может получить выигрыш, который частично или полностью зависит от случая или обстоятельств, которые заранее не могут быть известны. Азартной игрой не считается такая игра в игровой автомат, в которой единственный выигрыш – бесплатная игра в этот игровой автомат, а так же игра в игровой автомат с выигрышем имущественного характера (исключая денежные выигрыши), ценность которого не более 15 евро.

Азартная игра – основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное между организатором азартной игры и участником или участниками такого соглашения, либо только между участниками азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры, исход которого зависит главным образом от случая [2]. В Латвии легальное определение азартных игр в Гражданском законе и Законе «Об азартных играх и лотереях», кажется, не вызывает никаких сложностей интерпретации. Единственное пояснение относительно азартных игр в 2009 году в интервью давала Сигне Бирне - начальница Инспекции по надзору за лотереями и азартными играми [3]. Комментируя телевизионные игры – «laimes spēles», «veiksmes spēles» она сказала: прежде чем вступать в игру, необходимо подробно ознакомиться с правилами игры; необходимо помнить, что эти игры – азартные игры по телефону, каждый звонок приравнивается к монете, забрасываемой в игральный автомат, но не каждый разговор соединяется со студией; за каждый звонок, вне зависимости от того, будет ли соединение с автоответчиком или со

студией, будет изъята определенная сумма денег. В поправках, которые были приняты в Законе «Об азартных играх и лотереях» с 2013 по 2016 годы замечания относительно «veiksmes spēles» по телефону были закреплены в ст.1.

Гражданский закон дает определение **пари** в ст. 2282 как такой договор, по которому в связи с каким-либо оспариваемым утверждением приходят к соглашению о том, что тот, чье утверждение окажется неправильным, должен выполнить что-то определенное в пользу другой стороны или третьего лица. Пари представляет собой азартную игру, по условиям которой стороны делают противоположные друг другу прогнозы относительно того или иного неизвестного обстоятельства. Выигрыш получает тот, чей прогноз оказался верным [4].

Розыгрышем или **лотереей** в соответствии со ст. 2285 Гражданского закона является такой договор, по которому хозяин вещи разыгрывает ее по определенному плану, а участники розыгрыша, за известную ставку или бесплатно, приобретают надежду ее выиграть. В отличие от игр и пари (ст. 2283), победивший участник розыгрыша может требовать выдачу выигрыша в принудительном порядке [5].

Сигне Бирне - начальница Инспекции по надзору за лотереями и азартными играми пояснила, что в Инспекции четко отделены терминологические понятия «лотерея» и «розыгрыш». Под термином «лотерея» понимают лотереи товаров и услуг, а термин «розыгрыш» предполагает понимание, данное Законом «Об азартных играх и лотереях», в том числе и «Латвиея лото» [6]. Исходя их разделения терминологии «лотерея» и «розыгрыш», перевод названия Закона «Azartspēļu un izložu likums» сделан не вполне корректно, исходя из приведенного выше терминологического разделения, перевод названия закона должен звучать следующим образом: закон «Об азартных

играх и розыгрышах». В данной работе будет использован традиционный перевод - Закон «Об азартных играх и лотереях».

Характеристика нормативного регулирования азартных игр и лотерей в праве Европейского союза и Латвии

Рынок азартных игр Европейского союза оценивается примерно в 85 млрд. евро (а точнее 84900000000) и растет, по данным Еврокомиссии, на 3% в год [7]. Нормативное регулирование азартных игр и лотерей, а также их налогообложение, основываясь на принципе субсидиарности осуществляется по усмотрению стран-участниц ЕС. Однако в 2012 году Европейская комиссия подготовила сообщение Европейскому парламенту, Совету Европы, Европейский социально-экономический комитету и Комитет Регионов Европейского союза «Соглашение о сотрудничестве в сфере онлайн-гемблинга между регулируемыми органами стран ЕЭЗ» (Cooperation Arrangement between the gambling regulatory authorities of the EEA Member States concerning online gambling services [8]) - Ceļā uz visaptverošu Eiropas regulējumu tiešsaistes azartspēlēm [9]. Основываясь на углубленном изучении общественного мнения, в этом Сообщении изложен план действия по улучшению и разъяснению вопросов, связанных с вопросами азартных игр во всем Европейском союзе: в отношении государственных учреждений, операторов, представителями медиа-услуг и потребителей.

В Латвийской Республике нормативное регулирование азартных игр осуществляется на национальном уровне, так же как и их налогообложение. Основные нормативные акты, регулирующие налог и пошлину на азартные игры и лотереи:

Закон «Об азартных играх и лотереях»[10];

Закон «О лотереях товаров и услуг» [11];

Закон «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры»[12];

Правила Кабинета министров № 1043 «Единый порядок бухгалтерского учета организации азартных игр и лотерей [13];

Правила Кабинета министров № 3 «Об образцах форм отчетности по налогу на лотереи и азартные игры и порядке ее предоставления» [14];

Правила Кабинета министров № 105 «Порядок, в соответствии с которым, организатор азартных игр и лотерей предоставляет сообщение об отчетном квартале» [15];

Правила Кабинета министров № 16 «Порядок надзора и контроля за организацией лотерей товаров и услуг» [16].

Закон «Об азартных играх и лотереях»: устанавливает правила лицензирования и организации игорного бизнеса - лотерей и азартных игр, а также их ограничения с соблюдением норм ст. 2281 - 2288 Гражданского закона. Ст.1 Закона «Об азартных играх и лотереях» содержит перечень лотерей и азартных игр с их подробным описанием (например, к лотереям товаров и услуг, которые не приносят прямой прибыли их организаторам, поскольку носят рекламный характер - товары и услуги предоставляются победителям бесплатно, - этот закон не относится).

Основные нормативные акты, регулирующие налог и пошлину на азартные игры и лотереи.

Закон «О лотереях товаров и услуг» регулирует деятельность по организации лотерей рекламного характера. Организаторы лотерей платят не налог, а пошлину в размере 25% от призового фонда (ст. 24). Организаторы таких лотерей, как правило, должны получить разрешение на проведение таких лотерей в соответствующей инспекции Министерства финансов и уплатить вышеупомянутую пошлину. Исключения из этого правила составляют (ст. 3 Закона «О лотереях товаров и услуг»), о них подробнее в части, посвященной «Льготам».

Основной нормативный акт, регулирующий налог и пошлину на азартные игры и лотереи - Закон «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры»: устанавливает ставки налога; порядок расчета и уплаты налога

в бюджет (ст. 3 и 7); льготы для некоторых налогоплательщиков (ст. 8, 9); ответственность организатора бизнеса за сокрытие налогов (ст. 13); или задержки уплаты налога в бюджет (ст.14); игорный бизнес лицензируется, за получение лицензии следует платить пошлину.

Осуществление налоговой политики азартных игр и лотерей в Латвийской Республике

Налоги – это обязательные платежи, взимаемые государством с физических и юридических лиц. Налоги выполняют несколько функций [17]:

- 1) обеспечение доходов государственного бюджета;
- 2) стимулирование или ограничение определенных видов деятельности;
- 3) защита определенных отраслей промышленности от импортных товаров;
- 4) перераспределение доходов и богатства между членами общества и регулирование экономической активности;
- 5) снижение последствий, вызванных потреблением или производством;
- 6) осуществление платежной функции за товары и услуги, которые члены общества пытались бы получить бесплатно;
- 7) сдерживание таких действий населения, которые правительство считает вредными.

Субъекты азартных игр. Лица, платящие налоги и пошлины на азартные игры и лотереи

Организатор азартных игр – лицо, которое организует в Латвийской Республике азартные игры и получает доходы от такой деятельности. В соответствии со ст.8 и ст. 9 Закона «Об азартных играх и лотереях» организаторы азартных игр должны соответствовать следующим критериям: общество капитала, зарегистрированное в коммерческом регистре Латвийской республики, основной капитал которого не менее 1400000 евро; доля иностранных участников или акционеров в основном капитале общества капитала не превышает 49%. Это требование не относится к вкладчикам (резидентам) стран-участниц Европейского

союза, Европейской экономической зоны и Организации европейского экономического сотрудничества, а также к случаям, когда различные условия зарубежных вкладов предусматривают утвержденные Сеймом международные договоры; не менее половины членом совета организатора азартных игр, если таковой в обществе капитала организован, и членом правления должны быть плательщиками налогов (резидентами) стран-участниц Европейского союза, Европейской экономической зоны и Организации европейского экономического сотрудничества; членом совета, членом правления и резидентом может быть лицо, имеющее безупречную репутацию и иметь право осуществлять коммерческую деятельность.

Организаторы лотерей в соответствии со ст. 63 и ст.75 Закона «Об азартных играх и лотереях», право организовывать лотереи после получения соответствующих лицензий имеют право следующие юридические лица: в масштабе государства лотереи и интерактивные лотереи имеет право организовывать общество капитала, все части капитала которого принадлежат государству и акции которого не могут быть отчуждены или приватизированы – Государственное акционерное общество «Latvijas loto» [18]; лотереи местного масштаба организуют общества капитала, зарегистрированные в коммерческом регистре Латвийской республики, основной капитал которых не менее 14300 евро; общества, профсоюзы и религиозные организации имеют право организовывать одноразовые лотереи местного масштаба, если эти лотереи происходят в виде публичных мероприятий или общественным собранием в связи с демонстрацией музыкальных художественных или спортивных мероприятий.

Налогоплательщики: ст. 1 Закона «Об азартных играх и лотереях»: налог на лотереи и азартные игры уплачивают предприятия (предпринимательские общества), получившие в установленном законом порядке специальное разрешение (лицензию) на организацию и содержание

лотерей и азартных игр. Общества капитала, получившие лицензию на организацию азартных игр и розыгрышей, платят два вида налогов: 1) специальные отраслевые налоги и пошлины; 2) общие налоги на коммерческую деятельность. **Специальные налоги** – это плата за лицензию на организацию азартных игр и розыгрышей: пошлина за игровые залы, залы бинго, казино и т.д.; пошлина за маркировочные знаки игорного оборудования. Все государственные пошлины зачисляются в государственный бюджет. **Специальные налоги** – это фиксированная плата за каждое игорное место; уплата процентов за оборот организации розыгрышей, бинго, телевизионных игр и тотализатора. Налоги делятся: 75% в государственный бюджет и 25% в тот муниципальный бюджет, где конкретная игра организована. **Общие налоги** – социальный налог, налог на добавленную стоимость, подоходный налог, налог на природные ресурсы, таможенный налог, налог на прибыль предприятия рассчитываются и выплачиваются в общем порядке. **Льготы** - от уплаты государственной пошлины за выдачу специального разрешения (лицензии) освобождаются и налогом на лотереи не облагаются общественные организации и их объединения и религиозные организации, если они организуют установленные законом лотереи местного масштаба разового характера; налогом на азартные игры не облагаются азартные игры, которые организуются на транспортных средствах, совершающих международные рейсы, если игровой зал могут использовать только зарегистрированные пассажиры.

Объект налога [19]

Все облагаемые налогом объекты делятся на три группы: имущество, доход и расход. облагаемым налогом на азартные игры объектом является организатор азартных игр - общество капитала, место проведения азартных игр и игровое оборудование. «Обществом капитала является коммерческое общество, основной капитал которого состоит из общей суммы номинальной стоимости долей основного капитала или акций (долей). Существует два вида общества капитала –

общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество» [20]. С каждого оборудованного или установленного места непосредственного проведения азартных игр взимается налог по следующим ставкам за каждый текущий календарный год: рулетка (цилиндрическая игра) - каждый присоединенный к вращающемуся оборудованию рулетки игровой стол – 18000 евро, налоговая база - 1/12 часть годовой ставки; игры в карты и кости - за каждый стол - 18000 евро, налоговая база - 1/12 часть годовой ставки; видеоигры и механические автоматы - за каждое игровое место каждого автомата – 3204 евро.

Ставки налога и государственная пошлина [21]

Налог на азартные игры для игры на удачу по телефону составляет 15% от доходов от организации этой игры, налоговая база доходы от организации игры. Налог на азартные игры за тотализатор и пари составляет 15% от доходов от организации этой игры, налоговая база - доходы от организации игры. Налог на азартные игры за бинго составляют 10% от доходов от организации этой игры, налоговая база доходы - от организации игры. Налог на азартные игры, организованные с использованием телекоммуникации, независимо от вида игры составляет 10% от доходов от организации этой игры, налоговая база - доходы от организации игры. Налог на лотереи исчисляется по следующим ставкам от стоимости реализованных билетов: налоговая база - доходы от реализации билетов, а именно: лотереи - 10%; моментальные лотереи - 10%; интерактивные лотереи – 10%.

Государственная пошлина [22]

Государственная пошлина за специальное разрешение (лицензию), в том числе, за выдачу лицензии, если организация азартных игр происходит при посредничестве услуг электронной связи, на организацию и содержание азартных игр взимается в следующем размере (ст. 2 Закона «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры») – 427000 евро. За перерегистрацию лицензии на организацию азартных игр – 37000 евро. За выдачу лицензии на организацию азартных

игр, если организация азартной игры происходит только при посредничестве услуг электронной связи (интерактивные азартные игры), - 200000 евро. За перерегистрацию этой лицензии на организацию азартных игр - 37000 евро. За выдачу лицензии на место организации азартных игр или перерегистрацию, которая дает право организовывать азартные игры в конкретном месте организации азартных игр (казино, игровой зал, зал для игры бинго, тотализатор или место принятия ставок заключения пари): казино - 30000 евро; игровой зал или зал для бинго - 4500 евро; тотализатор или место принятия ставок заключения пари - 2000 евро; государственная пошлина за специальное разрешение (лицензию) с организаторов лотерей взимается в следующем размере (ст. 6 Закона «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры»). За лотереи государственного масштаба за каждый календарный год - 14230 евро. За лотереи местного масштаба за каждый календарный год - 720 евро. За моментальные лотереи государственного масштаба за каждую лотерею - 1000 евро. За моментальные лотереи местного масштаба за каждую лотерею - 720 евро. За однократную лотерею местного масштаба за каждую лотерею - 35 евро. За издание новых билетов серии моментальной лотереи (начиная со второй серии) государственная пошлина составляет [23]. За моментальные лотереи государственного масштаба за каждую лотерею - 720 евро. За моментальные лотереи местного масштаба - за каждую лотерею - 720 евро.

Расчет налога на азартные игры

Налог на азартные игры и лотереи является прямым налогом. Как рассчитывается налог? Налог на азартные игры исчисляется за каждое игровое место находящегося непосредственно в каждом месте проведения азартных игр каждого игрового автомата и игрового стола ежемесячно, включая месяц, в котором игровой автомат или игровой стол установлен или демонтирован, как $1/12$ часть от ставок налога, упомянутых в ст. 3 Закона «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры». Налоговая база - $1/12$ часть годовой

ставки. Организатор азартных игр до первого числа каждого месяца сообщает в Инспекцию по надзору за лотереями и азартными играми предполагаемое количество эксплуатируемых автоматов для азартных игр и игровых столов в соответствующем месяце в каждом лицензионном месте проведения азартных игр. Налог на азартные игры уплачивается ежемесячно как $1/12$ часть от общегодовой ставки налога. Налог на азартные игры за игру на удачу по телефону уплачивается ежемесячно в соответствии с доходами от организации игры на удачу по телефону. Налог на азартные игры 15% от доходов от организации тотализатора или пари уплачивается ежемесячно в соответствии с доходами от организации тотализатора или пари в соответствующем месяце. Налог на азартные игры за азартные игры, которые организуются с использованием телекоммуникаций, уплачиваются ежемесячно от доходов от организации азартных игр в этом месяце. Налог от лотереи уплачивается ежемесячно в соответствии с доходами от реализации билетов. Налог на азартные игры за бинго уплачивается ежемесячно в соответствии с доходами от организации бинго. Налог на лотереи и азартные игры уплачивается за предыдущий месяц до 15-го числа (включительно) следующего месяца. Организаторы лотерей и азартных игр в 15-дневный срок по окончании квартала представляют в службу государственных доходов отчет о налоге на лотереи и азартные игры в отношении исчисленного налога на лотереи и азартные игры за отчетный квартал.

Поступления от пошлины и налога

Поступления от пошлины на лотереи и азартные игры (плата за специальное разрешение (лицензию)) зачисляются в специальный бюджет и используются в порядке, установленном законом «О лотереях и азартных играх». Поступления от налога на азартные игры в размере 75% зачисляются в специальный бюджет, а в размере 25% в бюджет того самоуправления, на территории которого организуется лотерея. Поступления от пошлины на лотереи государственного масштаба зачисляются в специальный бюджет, а от налога на лотереи местного

масштаба - в бюджет того самоуправления, на территории которого организуется лотерея. Закон «О лотереях товаров и услуг» регулирует деятельность по организации лотерей рекламного характера. Организаторы таких лотерей платят не налог, а пошлину (ст.24) в размере 25% от призового фонда (или 25% плюс 47 евро в зависимости от срока подачи и получения разрешения на проведение лотереи в соответствии со ст. 10¹). «Когда-то такую же сумму в бюджет в виде 25-процентного подоходного налога с населения должны были платить физические лица – получатели бесплатно предоставляемых в виде приза товаров и услуг. Теперь налог заменен на пошлину, и бремя ее уплаты возложено на тех, кто эти призы разыгрывает» [24].

Санкции

В случае сокрытия облагаемого налогом на лотереи или азартные игры объекта или предоставления ложных сведений учреждения службы государственных доходов в соответствии с законодательными актами в бессортном порядке производят взыскание в государственной основной бюджет всей суммы налога, подлежащей уплате за объект, а также штрафа в размере 100% от этой суммы, а если упомянутые нарушения повторяются в течение 3 календарных лет, то в размере 250% (ст. 13 Закона «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры»). Если общество капитала просрочило срок уплаты налога, то за

каждый просроченный день начисляется пеня в размере 5% от своевременно неуплаченной суммы (которая в 100 раз превышает обычную пеню - 0,05% пеню по налогам [25]). Если срок уплаты просрочен более, чем на 30 дней, учреждения Службы государственных доходов приостанавливают деятельность общества капитала по организации лотерей и азартных игр и вносят предложение аннулировать специальное разрешение (лицензию). В случае аннулирования специального разрешения (лицензии) уплаченная за ее выдачу пошлина не возвращается. (ст. 14 Закона «О пошлине и налоге на лотереи и азартные игры»).

Статистические данные, по показателям Анализа экономически-финансовой предпринимательской деятельности по азартным играм и лотереям на **1 четверть 2015 года и 1 четверть 2016 года** [26] представлены на сайте Инспекции Латвийской Республики по надзору над лотереями и азартными играми. **Азартные игры** - выплаты за эксплуатацию приспособлений и устройств – в 2015 году – 34.558 млн. евро, в 2016 году 37.453 млн. евро, налог за азартные игры – в 2015 году 7.183 млн. евро, в 2016 году 7.743 млн. евро. Налог на **лотереи** – в 2015 году 0.583 млн. евро, в 2016 году 0.770 млн. евро. По данным Службы государственных доходов за первое полугодие 2016 года налог на азартные игры и лотереи составил 104,8% от запланированного [27].

Список нормативных актов и использованной литературы

1. Azartspēju un izložu likums ("LV", 195 (3353), 07.12.2005., Ziņotājs, 24, 22.12.2005.) [stājas spēkā 01.01.2006.] ar grozījumiem 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016./Stājas spēkā 01.01.2017.
2. Баргов Д.В. Игры азартные и неазартные (к вопросу о правовом регулировании)// Актуальные проблемы экономики и права. 2012, №2, - с.183.
3. L. Dārziņa. Azartspēju bizness. Arvien vairāk ļaužu pēc laimes sūta SMS.21.10.2009.// <http://www.lvportals.lv/visi/viedokli/199381>
4. Баргов Д.В. Игры азартные и неазартные (к вопросу о правовом регулировании)// Актуальные проблемы экономики и права. 2012, №2, - с.183.
5. Latvijas Republikas Civillikuma komentāri/ Rīga: Mans īpašums, 2000., - 569.lpp.
6. L. Dārziņa. Azartspēju bizness. Arvien vairāk ļaužu pēc laimes sūta SMS.21.10.2009.// <http://www.lvportals.lv/visi/viedokli/199381> (31.03.2017)
7. 52012DC0596 KOMISIJAS PAZIŅOJUMS EIROPAS PARLAMENTAM, PADOMEI, EKONOMIKAS UN SOCIĀLO LIETU KOMITEJAI UN REĢIONU KOMITEJAI Ceļā uz visaptverošu Eiropas regulējumu tiešsaistes azartspēlēm /* COM/2012/0596 final */ <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/HTML/?uri=CELEX:52012DC0596&from=EN> (04.04.2017)
8. http://ec.europa.eu/growth/sectors/gambling_lv
9. 52012DC0596 KOMISIJAS PAZIŅOJUMS EIROPAS PARLAMENTAM, PADOMEI, EKONOMIKAS UN SOCIĀLO LIETU KOMITEJAI UN REĢIONU KOMITEJAI Ceļā uz visaptverošu Eiropas regulējumu tiešsaistes azartspēlēm /* COM/2012/0596 final */ <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/HTML/?uri=CELEX:52012DC0596&from=EN> (04.04.2017)
10. Azartspēju un izložu likums ("LV", 195 (3353), 07.12.2005., Ziņotājs, 24, 22.12.2005.) [stājas spēkā 01.01.2006.] ar grozījumiem: 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016./
11. Preču un pakalpojumu loteriju likums ("LV", 101 (2866), 08.07.2003 Ziņotājs, 15, 14.08.2003.) [stājas spēkā 01.01.2004.] ar grozījumiem 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016./Stājas spēkā 01.01.2017.
12. Par izložu un azartspēju nodevu un nodokli ("LV", 76 (207), 02.07.1994.) [stājas spēkā 01.01.1995.] ar grozījumiem: 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016./Stājas spēkā 01.01.2017.
13. 19.12.2006. MK noteikumi Nr.1043 "Azartspēju un izložu organizācijas vienotā grāmatvedības uzskaites kārtība" ("LV", 208 (3576), 30.12.2006.) [stājas spēkā 01.01.2007.] ar grozījumiem: Ministru kabineta 25.02.2014. noteikumi Nr. 111/LV, 42 (5102), 27.02.2014./Stājas spēkā 01.03.2014.
14. 06.01.2015. MK noteikumi Nr.3 "Noteikumi par izložu un azartspēju nodokļa pārskatu veidlapu paraugiem un izložu un azartspēju nodokļa pārskatu iesniegšanas kārtību" ("LV", 4 (5322), 08.01.2015.) [stājas spēkā 09.01.2015.]
15. 13.02.2007. MK noteikumi Nr.105 "Kārtība, kādā interaktīvo azartspēju un izložu organizētājs iesniedz paziņojumu par pārskata ceturksni ar grozījumiem Ministru kabineta 07.04.2015. noteikumi Nr. 173/LV, 73 (5391), 15.04.2015./Stājas spēkā 16.04.2015.
16. 02.01.2007. MK noteikumi Nr.16 "Preču un pakalpojumu loteriju organizēšanas uzraudzības un kontroles kārtība" ar grozījumiem Ministru kabineta 20.12.2016. noteikumi Nr. 825/LV, 250 (5822), 22.12.2016./Stājas spēkā 01.01.2017.
17. Цауркубуле Ж. Основы экономики и предпринимательства. Рига, 2007., - с. 116.
18. <http://company.lursoft.lv/latvijas-loto/40003083998> (08.04.2017)
19. Azartspēju un izložu nodoklis un nodeva// http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
20. Цауркубуле Ж. Основы экономики и предпринимательства. Рига, 2007., - с.47.
21. Azartspēju un izložu nodoklis un nodeva// http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
22. Azartspēju un izložu nodoklis un nodeva// http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
23. Azartspēju un izložu nodoklis un nodeva// http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
24. Лукашина О., Байков А. Предпринимательское право. Рига, 2014., - с.142.
25. Кетнерс К., Лукашина О. Налоги в Европейском союзе и Латвии. Рига: Merkurij LAT, 2008., - с. 271.

26. Приложение „Izložu un azartspēļu uzņēmējdarbības ekonomiski-finansiālās darbības analīze 2015. gada 1.cet. un 2016. gada 1.cet. (dati pēc kapitālsabiedrību operatīviem pārskatiem)”// <https://www.iaui.gov.lv/lv/statistika/tirgus-2016-gada>

27. L. Dārziņa. Kā nodokļu maksātāji pildījuši 2016.gada valsts budžetu// <http://www.lvportals.lv/visi/likumi-prakse/280860-ka-nodoklu-maksataji-pildijusi-2016-gada-valsts-budzetu/>

References

1. On Gambling and Lotteries (“LV”, 195 (3353), 07.12.2005., Ziņotājs, 24, 22.12.2005.) [stājas spēkā 01.01.2006.] ar grozījumiem 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016./Stājas spēkā 01.01.2017.
2. Bagrov D.V. Games gambling and non-negotiable (to the issue of legal regulation) // Actual problems of economics and law. 2012, №2, - p.183.
3. L. Dārziņa. Gambling business. More and more people are sending SMS by joy. 21.10.2009..// <http://www.lvportals.lv/visi/viedokli/199381>
4. Bagrov D.V. Games gambling and non-negotiable (to the issue of legal regulation) // Actual problems of economics and law. 2012, №2, - p.183.
5. Comments of the Civil Law of the Latvian Republic / Rīga: Mans ģipšums, 2000, - p. 569./
6. L. Dārziņa. Gambling business. More and more people are sending SMS by joy. 21.10.2009..// <http://www.lvportals.lv/visi/viedokli/199381>
7. 52012DC0596 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS Towards a comprehensive European framework for online gambling /* COM/2012/0596 final */// <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52012DC0596>
8. http://ec.europa.eu/growth/sectors/gambling_lv
9. 52012DC0596 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS Towards a comprehensive European framework for online gambling /* COM/2012/0596 final */// <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52012DC0596>
10. On Gambling and Lotteries (“LV”, 195 (3353), 07.12.2005., Ziņotājs, 24, 22.12.2005.) [stājas spēkā 01.01.2006.] ar grozījumiem 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016./Stājas spēkā 01.01.2017.
11. Law On Lotteries of Goods and Services (“LV”, 101 (2866), 08.07.2003 Ziņotājs, 15, 14.08.2003.) [stājas spēkā 01.01.2004.]
12. On Lotteries and Gambling Fee and Tax “LV”, 76 (207), 02.07.1994.) [stājas spēkā 01.01.1995.] ar grozījumiem: 23.11.2016. likums/LV, 241 (5813), 10.12.2016.
13. 19.12.2006. Cabinet of Ministers Regulation No. 1043 Procedure for the uniform accounting of gambling and lotteries organization (“LV”, 208 (3576), 30.12.2006.)
14. Cabinet Regulations N 3 On samples of lottery and gambling tax report forms and procedure for submission of reports on lotteries and gambling tax (“LV”, 4 (5322), 08.01.2015.)
15. Cabinet of Ministers Regulations No.105 The order in which the organizer of interactive gambling and lotteries submits a statement for the reporting quarter LV, 73 (5391), 15.04.2015
16. Republic of Latvia Cabinet Regulation No. 16 Adopted 2 January 2007 Procedures for Supervision and Control of Organising of Lotteries of Goods and Services LV, 250 (5822), 22.12.2016.
17. Caurkubile Ž. Fundamentals of Economics and Entrepreneurship. Riga, 2007., - p.116
18. <http://company.lursoft.lv/latvijas-loto/40003083998> (08.04.2017)
19. Tax and fee for gambling and lotteries // http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
20. Caurkubile Ž. Fundamentals of Economics and Entrepreneurship. Riga, 2007., - p.116
21. Tax and fee for gambling and lotteries // http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
22. Tax and fee for gambling and lotteries // http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
23. . Tax and fee for gambling and lotteries // http://www.fm.gov.lv/lv/sadalas/nodoklu_politika/nodoklu_un_nodevu_sistema_latvija/azartspelu_un_izlozu_nodoklis/ (12.04.2017)
24. Lukashina O., Baikov A. Entrepreneurial law. Riga, 2014., - p.142.

25. Ketners K., Lukashina O. Taxes in the European Union and Latvia. Riga: Merkuris LAT, 2008., - p. 271.
26. "Analysis of the economic and financial activities of lotteries and gambling companies by the 1st of December 2015. and 1 st of 2016 (data from the operational accounts of corporations) // <https://www.iaui.gov.lv/lv/statistika/tirgus-2016-gada>
27. L. Dārziņa. How have taxpayers completed the state budget of 2016 <http://www.lvportals.lv/visi/likumi-prakse/280860-ka-nodoklu-maksataji-pildijusi-2016-gada-valsts-budzetu/>

*Anton Soročenko, juridisko zinātņu kandidāts, asoc. prof.
Valsts pārvaldes Nacionālā akadēmija pie Ukrainas prezidenta
Ukraina*

Publiskais iepirkums publisko - privātās partnerības partnerības attiecību sistēmā saskaņā ar Ukrainas likumdošanu

Anotācija. Šis raksts ir veltīts publisko iepirkumu subjektu tiesiskā statusa izpētei, kā arī likumdošanas problēmu, kas rodas, regulējot attiecības Ukrainas publisko iepirkumu un publiskās un privātās partnerības jomā, risināšanai. Pamatota jēdziena "kompānija noteiktam nolūkam" ieviešanas praktiska nepieciešamība. Veikta detalizēta ārvalstu pieredzes analīze publiskās un privātās partnerības projektu realizācijas jomā (uz Austrālijas, Šveices, Nīderlandes u.c. valstu piemēra). Tēzes pamatojums, ka PPP projektu īstenošana ir iespējama, izmantojot t.sauc." ģipašuma tiesību konstrukciju".

Atslēgas vārdi: publiskā un privātā partnerība, publiskie iepirkumi, tiesisko attiecību subjekti, konkurss.

*Anton Sorochenko, Candidate of Legal Sciences, assoc. prof.
National Academy for Public Administration
under the President of Ukraine
Ukraine*

Public procurement system as a part of PPP under the legislation of Ukraine

Abstract. The article looks into the legal status of public procurement members and the settlement of legislative problems, arising with regards to unification of PPP and public procurement procedures. The necessity of implementing the concept of "special purpose company" in the legislation of Ukraine is substantiated. The experience of foreign countries in implementing public-private partnership projects in Australia, Switzerland, the Netherlands, and others is analyzed in detail. It is substantiated that the implementation of PPP projects is possible through the application of the so-called "property right consolidation".

Key words: public-private partnership, public procurement procedures, members of relations in public procurement sphere, tenders.

*Антон Сороченко, к. ю. н., доцент
Национальная академия государственного управления
при Президенте Украины
Украина*

Публичные закупки в системе отношений публично-частного партнерства согласно законодательству Украины

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию правового статуса субъектов правоотношений в сфере публичных закупок, а также решению законодательных проблем, которые возникают при регулировании отношений в сфере публичных закупок и публично-частного партнерства в Украине. Обосновано практическую необходимость понятия “компания специального назначения”. Детально проанализирован опыт зарубежных стран в части реализации проектов публично-частного партнерства на примерах Австралии, Швейцарии, Нидерландов и др. Обосновано: реализация проектов ППП возможна путем применения так называемой “конструкции вещного права”.

Ключевые слова: публично-частное партнерство, публичные закупки, субъекты правоотношений, тендер.

Постановка проблемы

Публично-частное партнерство (ППП, международная аббревиатура) как отношения, основанные на сотрудничестве [1, с. 109] (коллаборации) субъектов публичного и частного секторов экономики могут иметь различные направления, в рамках которых реализуются соответствующие проекты. К таким направлениям, в частности, относятся публичные закупки (тендеры), то есть приобретение заказчиком товаров, работ и услуг в порядке, установленном Законом Украины “О публичных закупках” [2] (далее - Закон).

Анализ последних публикаций по проблематике исследования

Наработки путей решения проблем реализации проектов ППП в Украине требуют обращения к научным трудам как отечественных (О. М. Винник, О. Э. Симсон и многих других), так и зарубежных ученых (М. Геддс, Х. ван Хам, Д. д “Уг де ла Кюль, А. Регинато, В. Варнавский, Ф. Хизер, Б. Чарли, В. Хайме и многих других).

Цель исследования. Целью данной статьи является исследование проблем, возникающих при сочетании отношений ППП

и публичных закупок, а также наработке путей по решению этих проблем.

Изложение основных результатов исследования

Традиционно отношения ППП являются более широкими, чем отношения публичных закупок и, соответственно, процесс реализации проектов ППП характеризуется масштабностью и более сложным процессом подготовки. Джеффри Делмон [3, с. 2] определяет этот термин “ППП” так: “Термин публично-частное партнерство” употребляется в самом широком смысле и означает любые контрактные или юридические отношения между государственными и частными структурами с целью улучшения и / или расширения инфраструктурных услуг, исключая контракты по государственному заказу (публичные закупки). Термин “государство” в данном случае будет использоваться для обозначения определенного уровня публичной власти, отвечающий за процессы реформирования на национальном, региональном или муниципальном уровнях управления. Публично-частное партнерство является способом предоставления услуг в

области инфраструктуры, который в корне отличается от традиционных публичных закупок, и связан с рядом вызовов “.

Подобной точки зрения придерживается и законодатель Украины, установив в ч.1 ст. 6 Закона Украины “О государственно-частном партнерстве” [4] норму, согласно которой государственные закупки в рамках государственно-частного партнерства осуществляются в соответствии с законодательством о закупке товаров, работ и услуг за государственный счет. Отметим определенное несовершенство законодательства в данной сфере, поскольку Закон Украины “Об осуществлении государственных закупок” от 01.06.2010 № 2289-VI [5], который устанавливал правовые и экономические принципы осуществления закупок товаров, работ и услуг за государственный счет и содержал определение “государственная закупка “и” государственные средства “, утратил силу 20.04.2014. Закон Украины “Об осуществлении государственных закупок” от 10.04.2014 № 1197-вii [6] (утратил силу 01.08.2016) вводил новый подход к определению заказчиков и уже не содержал понятия “государственные средства”.

Кроме того, 19.02.2016 вступил в силу Закон от 25.12.2015 № 922-VIII [2], который введен в действие с 01 апреля 2016 года для центральных органов исполнительной власти и заказчиков, осуществляющих деятельность в отдельных сферах хозяйствования, а с 01 августа 2016 года - для всех заказчиков и который устанавливает правовые и экономические принципы осуществления закупок товаров, работ и услуг для обеспечения нужд государства и территориальной общины. Сфера применения этого Закона определена статьей 2 Закона.

Определение понятия “заказчик” приведены в пункте 9 части первой статьи 1 Закона. Так, заказчиками являются органы государственной власти, органы местного самоуправления и органы социального страхования, созданные в соответствии с законом, а также юридические лица (предприятия, учреждения, организации) и их объединения, обеспечивающие нужды

государства или территориальной общины, если такая деятельность не осуществляется на промышленной или коммерческой основе, при наличии одного из следующих признаков: 1) юридическое лицо является распорядителем, получателем бюджетных средств; 2) органы государственной власти или органы местного самоуправления или другие заказчики обладают большинством голосов в высшем органе управления юридического лица; 3) в уставном капитале юридического лица государственная или коммунальная доля акций (долей, паев) превышает 50 процентов. Кроме того, к заказчикам в понимании Закона относятся также юридические лица и/или субъекты хозяйствования, которые осуществляют деятельность в отдельных сферах хозяйствования и соответствуют хотя бы одному из следующих признаков: 1) органам государственной власти, органам власти Автономной Республики Крым, органам местного самоуправления принадлежит доля в уставном капитале предприятия в размере более чем 50 процентов или такие органы обладают большинством голосов в высшем органе субъекта хозяйствования или правом назначать более половины состава в иконавчого органа или наблюдательного совета предприятия; 2) наличие специальных или эксклюзивных прав: это касается в основном государственных и коммунальных предприятий, а иногда даже частных, частично приватизированных компаний, которые обеспечивают потребности общества в инфраструктурных отраслях, на рынках, характеризующихся состоянием естественной монополии. Государство, считая необходимым гарантировать доступность, стабильность и надежность так называемых коммунальных услуг населению, с одной стороны, обязывает соответствующие компании-операторы предоставлять их услуги на установленных государством условиях (регулируемые рынки), а с другой стороны, придает этим компаниям монопольные, исключительные или специальные права и защищает их от конкурентного давления. В частности это касается деятельности в сферах энергообеспечения, тепло- и водоснабжения,

транспорта [7].

Научная классификация государственных заказчиков в понимании Закона позволяет выделить следующие категории:

- 1) традиционные “заказчики-бюджетники”;
- 2) “предприятия” (при наличии соответствующих признаков, перечисленных выше - пункт 9 части первой статьи 1 Закона);
- 3) “монополисты” - субъекты хозяйствования (преимущественно государственной или коммунальной формы собственности), занимают преимущественно монопольное положение в четко перечисленных в Законе (пункт 4 статьи 1) общественно важных видах деятельности (коммунальные услуги, электроснабжение, аэропорты и морские порты, железнодорожный и городской электротранспорт и т.п.) [7].

При этом понятие “нужды государства / территориальной общины” Законом не определено. Предлагается понимать нужды государства (публичные / общественные потребности) как те, которые необходимы для выполнения им своих конституционных функций, в том числе функций публичного управления, а потребности территориальной общины - как потребность в более высоком качестве жизни общины, что реализуется в медицинском обслуживании, образовании, безопасности, транспортном обеспечении, коммунально-бытовых условиях, культурному развитию и т.д. [7].

Учитывая изложенное, настоящий Закон применяется именно субъектами, которые являются заказчиками в понимании пункта 9 части первой статьи 1 настоящего Закона.

Таким образом, заказчик в понимании Закона осуществляет закупки путем применения одной из процедур, установленных статьей 12 Закона, руководствуясь ценовыми пределами, определенными в статье 2 Закона (200000 гривен - для товаров и услуг, 1,5 миллиона гривен - для работ; в отдельных случаях, когда закупка осуществляется заказчиками в отдельных сферах хозяйствования (в частности, монополистами) - 1 и 5 миллионов гривен соответственно).

Кроме того, ст. 12 Закона предусмотрены следующие виды процедур: открытые торги, конкурентный диалог, переговорная процедура.

В то же время субъектный состав отношений ППП является различным в зависимости от направления такого партнерства:

1) публичные закупки - приведены выше;

2) концессии - исключительно орган исполнительной власти или соответствующий орган местного самоуправления, уполномоченный соответственно Кабинетом Министров Украины или органами местного самоуправления на заключение концессионного договора (абзац пятый статьи 1 Закона Украины “О концессиях” [8])

3) соглашения о разделе продукции - государство в лице Кабинета Министров Украины (часть первая статьи 5 Закона Украины “О соглашениях о разделе продукции” [9]);

4) аренда государственного / коммунального имущества: а) Фонд государственного имущества Украины, его региональные отделения и представительства - относительно целостных имущественных комплексов предприятий, их структурных подразделений и недвижимого имущества, а также имущества, не вошедшего в уставной (складочный) капитал хозяйственных обществ, созданных в процессе приватизации (корпоратизации), являющихся государственной собственностью, кроме имущества, принадлежащего имущественному комплексу Национальной академии наук Украины и отраслевых академий наук, а также имущества, принадлежащего высшим учебным заведениям / или научным учреждениям, которое предоставляется в аренду научным паркам и их партнерам; б) органы, уполномоченные Верховным Советом Автономной Республики Крым и органами местного самоуправления управлять имуществом, - относительно целостных имущественных комплексов предприятий, их структурных подразделений и недвижимого имущества, которое соответственно

принадлежит Автономной Республике Крым или находится в коммунальной собственности; в) государственное предприятие по обеспечению функционирования дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций в Украине Государственного управления делами - в отношении недвижимого имущества и другого отдельного индивидуально определенного имущества этого предприятия, которое передается дипломатическим представительством и консульским учреждениям иностранных государств, представительством международных организаций в Украине; г) предприятия, учреждения и организации - в отношении недвижимого имущества, общая площадь которого не превышает 200 квадратных метров на одно предприятие, учреждение, организацию, и другого отдельного индивидуально определенного имущества (статья 5 Закона Украины "Об аренде государственного и коммунального имущества" [10])

5) приватизация государственного имущества - Фонд государственного имущества Украины, его региональные отделения и представительства в районах и городах, органы приватизации в Автономной Республике Крым, составляют единую систему государственных органов приватизации в Украине (часть первая статьи 7 "О приватизации государственного имущества" [11]).

Отметим, что в отдельных странах законодательное урегулирование реализации проектов ППП отождествляется с законодательством в сфере публичных закупок. К таким странам следует относить, в частности Австрию, Австралию, Казахстан, Мальту, Нидерланды, Швейцарию [12 с. 69].

Так, наиболее применяемой формой сотрудничества между публичным и частным секторами, которая является традиционной для отношений ППП в Австралии (сфера обеспечения и развития инфраструктуры, а также предоставления публичных услуг на

всей территории этой страны), есть обычные публичные закупки, включающие в себя такой вид взаимодействия, как DB ("Design - Build": "Проектируй - Строй"), а также предусматривают наличие специальных субъектов в сфере публичных закупок - так называемые "альянсы" (соглашения между государственными бизнес-единицами (государственными холдинговыми компаниями) и частным сектором, которые (соглашения) включают в себя положения о распределении рисков и доходов). При реализации проектов в рамках ППП, в соответствии с договорами о которых частный партнер выполняет обязательства по проектированию, строительству, финансированию, а также эксплуатации инфраструктурного сооружения в течение 25-30 лет, в результате чего происходит предоставление услуг в течение всего срока существования объекта используется (по международной терминологии) модель DBFO (Проектирование - Строительство - Финансирование - Управление»). Использование данной модели ППП привело к появлению более широких возможностей по предоставлению публичных услуг населению по наилучшему соотношению "цена - качество", по сравнению с традиционными механизмами публичных закупок [13 с. 10, 15].

В Бельгии активно применяются 2 способа реализации проектов ППП [12 с. 196]:

1) договоры, подпадающие и не подпадающие под действие законодательства в сфере публичных закупок;

2) использование институциональной / корпоративной формы ППП.

Законодательство Бельгии [14, 15, 16, 17] определяет контракты о государственных закупках как контракты, заключаемые между органами государственной власти или, при определенных обстоятельствах, частным юридическим лицом и предпринимателем, поставщиком или поставщиком услуг с целью приобретения работ, товаров и услуг. Такого рода контракты должны включать в себя пункты о совершении финансовых

переводов между сторонами. В Бельгии применяются главным образом два способа осуществления государственных закупок: договоры концессии на выполнение работ и договоры о развитии, которые в любом случае предусматривают финансирование проекта частным сектором. В рамках договора о концессии выполнения работ частный партнер осуществляет строительство и финансирование всего объема работ или его части, а также в дальнейшем эксплуатирует объект в течение определенного периода времени. При осуществлении государственных закупок в рамках государственно-частного партнерства по договору о развитии, частное предприятие осуществляет финансирование работ и дальнейшее строительство, после чего передает право собственности или сдает в аренду государственному партнеру или третьей стороне. Государственный партнер или вышеупомянутая третья сторона дальше выплачивают частной компании арендную плату или лицензионное вознаграждение. Бельгийские законы о государственных закупках не распространяются на договоры концессии услуг, которые, однако, должны соответствовать требованиям общих принципов договоров, таких, как принципы прозрачности и состоятельности.

При этом допускается также создание так называемых компаний специального назначения, к которым относят те, чей капитал состоит из ресурсов государственного партнера и частного сектора, такие, как, например, совместные предприятия или компании, созданные в соответствии с законодательством о государственных предприятиях, в частности, Федеральным законом Бельгии от 02.04.1962 [12 с. 197]. В Швейцарии организационно-правовой формой таких компаний является акционерное общество [12, с. 380]. Таким образом, законодательство Бельгии предусматривает возможность использования при проведении процедур публичных закупок корпоративной формы ППП.

Исключением для реализации проектов ППП не по законодательству о публичных закупках может быть так называемая “конструкция вещного права” [18, с. 10-11].

Она предусматривает, что проекты ППП могут быть реализованы за счет отчуждения или передачи прав государства на недвижимое имущество (купля-продажа, долгосрочное вещное право пользования недвижимостью (bail emphytéotique) или “право суперфиция”. В качестве примеров можно привести продажу земель железнодорожной компании SNCB (федеральная компания “Союз бельгийских железных дорог” (фр. - Société Nationale des Chemins de fer Belges), а также переданную в долгосрочное вещное право пользования недвижимостью сеть паркингов в Брюсселе. Законодательство о публичных закупках не применяется, если субъекты публичного сектора не устанавливают конкретные условия, на которых частный партнер приобретает вещное право на соответствующее недвижимое имущество, пользуется этим правом (когда, например, орган государственной власти продает землю частному партнеру при условии, что комплекс на ней будет автостоянкой), а также если не может быть наложено никакое обязательство приобретения или аренды, которое подпадает под действие законодательства о публичных закупках (пример: предусмотренные Соглашением от 26.06.1987 между Брюссельским столичным регионом и группой инвесторов проекты строительства железных дорог и международного конгресс-центра [19]).

Среди нормативно-правовых актов национального законодательства Нидерландов следует отметить Декрет Нидерландов о государственных закупках и правила проведения тендеров на общественные работы, поставки и услуги от 16.07.2005 [20], который вступил в силу 01.12.2005 и имплементировал в законодательство этой страны положения Директивы 2004 / 18 / ЕС Европейского Парламента и Совета от 2004 года о процедурах заключения контрактов на выполнение работ, поставок и общественных услуг (на данный момент утратило силу), а также Декрет Нидерландов о регулировании порядка заключения контрактов в секторах водных ресурсов, энергетики, транспорта и почтовых услуг от 16.07.2005 [21], вступившего в силу

01.12.2005 и имплементировал положения Директивы Европейского Парламента и Совета от 31.03.2004 № 2004/17 / ЕС (утратило силу) о процедурах проведения закупок для объектов хозяйствования в отраслях почтовой связи, энергии, транспорта и водоснабжения.

Данные Декреты, в частности также содержат положение о проведении концессий для выполнения публичных работ. Так, в параграфе 14 Декрета о государственных закупках и правила проведения тендеров на общественные работы содержатся положения о требованиях, предъявляемых к концессионным договорам на выполнение общественных работ.

В обоих указанных декретах содержится уточнение, что их положения не применяются к концессионным соглашениям на предоставление услуг. Особенностью данных декретов является то, что они применяются к договорам стоимостью выше определенных порогов. В других случаях осуществление государственных закупок и заключение концессионных договоров регулируется Правилами проведения тендеров на общественные работы от 2012 г. [22 с. 76-82].

Таким образом, законодателем Нидерландов был сделан шаг к унификации законодательства в сфере отношений ППП.

В Швейцарии отсутствуют профильные специальные нормативно-правовые акты, регламентирующие отношения в сфере ППП, поэтому эти отношения урегулированы актами, касающимися публичных закупок.

Швейцарская Конфедерация и все 26 кантонов имеют собственные законы о публичных закупках, кроме того, обязательными являются положения международных нормативных документов в данной сфере, которые являются ратифицированными в установленном порядке. Соответственно возможность реализации проектов ППП по направлению публичных закупок может быть реализована как на федеральном, так и на региональном уровнях [23].

В частности, в Швейцарии на региональном уровне была успешно решена проблема реализации на принципах ППП проекта футбольного стадиона в Цюрихе.

“Партия зеленых” по экологическим соображениям и местные жители, обеспокоенные ростом транспортных проблем, были против строительства спортивного сооружения. Для разрешения спора в сентябре 2003 года был проведен референдум, которым также планировалось провести утверждение плана строительства, отвода земли, бюджетного финансирования (37500000 швейцарских франков или 10% от общего объема). Результаты референдума показали, что 63,3% жителей согласились с планом, а 59,2% - с финансированием проекта. Кредитная компания Credit Suisse, как инвестор, обеспечила предоставление займа в размере 370 млн. швейцарских франков, другие инвесторы вложили недостающую сумму. Благодаря учету связанных аспектов реализации проекта ППП по строительству спортивного стадиона в г. Цюрихе оно было успешно завершено одновременно с завершением строительства новой трамвайной и автобусной линии (в ответ на растущую транспортную нагрузку) [24, с. 379].

Сейчас в Украине имеет место имплементация лучшей европейской практики в сфере публичных закупок, одним из элементов которой является создание так называемых “централизованных закупочных организаций” (далее - ЦЗО) [25]. Такие ЦЗО создаются для проведения закупок по рамочным соглашениям. Последние имеют место в случае, когда закупки являются однотипными, повторяющимися, происходит отбор отдельных субъектов хозяйствования, которые в определенное время смогут удовлетворить потребности покупателя. Таким образом, фактически, заказчиком не нужно будет каждый раз проводить повторные торги для осуществления стандартных закупок, которое призвано обеспечить соответствующую экономию средств и времени в государственном секторе в целом. Срок действия рамочных соглашений не должен превышать 4 лет (статья 13 Закона). Сторонами рамочного соглашения со стороны частного партнера может быть как один, так и несколько субъектов хозяйствования.

Следует отметить, что эти правила практически аналогичны правилам ЕС. В частности, в Директиве № 24 от 2014 г. [26], а именно в приложении V по форме содержания объявления о торгах указано, что в случае заключения рамочного соглашения указывается максимальное конкретное количество участников сделки. Зато использование в объявлении формулировки “не менее” или диапазона количества участника (от - до) не допускаются.

Рамочные соглашения заключаются с соблюдением следующих требований:

1) в случае заключения рамочного соглашения с одним участником все существенные условия договора о закупке определяются в рамочном соглашении, а такой договор считается заключенным после представления заказчиком участнику предложения выполнить указанные условия и получения письменного согласия участника;

2) в случае заключения рамочного соглашения с несколькими участниками: если все существенные условия договора о закупке определены в рамочном соглашении, заказчик вправе заключить такой договор с соблюдением указанных в рамочном соглашении условий отбора среди участников, с которыми заключено соответствующее рамочное соглашение.

Если не все существенные условия договора о закупке определены в рамочном соглашении, такой договор заключается заказчиком с победителем процедуры конкурентного отбора, проводимого заказчиком среди участников, с которыми заключено соответствующее рамочное соглашение [7].

**Выводы. С учетом всего
вышеизложенного предлагаем:**

1) создать на уровне Кабинета Министров Украины специальное структурное подразделение, которое будет наделено правом администрирования Единого государственного реестра субъектов публичного сектора, уполномоченных быть партнерами при реализации проектов ППП независимо от направления, в том числе в сфере публичных закупок. Другими

словами, заказчики в понимании Закона Украины “О публичных закупках” должны иметь возможность концессионерами независимо от сферы применения моделей ППП: концессии, соглашения о распределении продукции, инновации, научно-технические разработки и т. д. Также требует уточнения срок государственных контрактов при проведении процедур публичных закупок с целью унификации законодательства в данной сфере.

Примером подобных шагов, являются, в частности подготовка Министерством экономического развития и торговли Украины [27] как Уполномоченным органом в сфере осуществления государственно-частного партнерства нового законопроекта “О концессиях” [28]. Предполагается, что законопроект, разработанный Министерством, синтезирует четыре предыдущие закона о концессиях в разных отраслях экономики, усовершенствует механизмы, в частности выбора и замены частного партнера, а максимальная четкость процедур гарантирует прозрачное сотрудничество и увеличения доверия - именно те принципы партнерства, на которых строится весь механизм;

2) соглашаясь с точкой зрения о необходимости закрепления за конкретным органом исполнительной власти компетенции по координации реализации проектов ППП в соответствующей сфере, считаем необходимым создание отдельного независимого органа: консультационного совета с исчерпывающим перечнем функций (зарубежный пример: Национальный совет США по государственно-частному партнерству) [29], специализированного фонда (зарубежный пример: Мексиканский фонд по инвестициям и технологическому развитию по содействию государственно-частному партнерству) [30] или государственной корпорации (государственной холдинговой компании) (зарубежные примеры: государственные корпорации “Инфраструктура Онтарио” и “Партнерство Британская Колумбия” в Канаде или акционерное общество “Государственно-частное партнерство - Германия (Партнерство Германия)” в ФРГ) [12, с. 428] в зависимости от

формы реализации проекта ППП договорная, институциональная / корпоративная или ППП во внешнеэкономической деятельности, связанное с реализацией приоритетных инновационных проектов в соответствующей сфере;

3) дополнить часть первую статьи 1 Закона пунктом 9-1 следующего содержания: “заказчик специального назначения - юридическое лицо частной формы собственности, хозяйственные общества, хозяйственные объединения, физические

лица-предприниматели и другие субъекты хозяйствования, которые не являются государственными, коммунальными предприятиями или заказчиками в понимании настоящего Закона, определенные в установленном законодательством порядке частным партнером в рамках реализации проекта государственно-частного партнерства и которые обязаны проводить процедуры публичных закупок товаров, работ и услуг исключительно с целью надлежащей реализации проекта”.

Список использованных источников

1. Винник А. Н. Корпоративные и партнерские отношения: проблемы правового регулирования: монография. - К., Научно-исследовательский институт частного права и предпринимательства НАПрН Украины, 2010. - 166 с.
2. Закон Украины «О публичных закупках» от 25.12.2015 г.. № 922-VIII // Ведомости Верховного Совета Украины (ВВСУ). - 2016. - № 9. - Ст. 89 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/922-19>.
3. Делмон Д. Государственно-частное партнерство в инфраструктуре: Практическое руководство для органов государственной власти. - Астана Апельсин, 2010. - 250 с.
4. Закон Украины «О государственно-частном партнерстве» от 01.07.2010 г.. // ВВСУ. - 2010. - № 40. - Ст. 524 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2404-17>.
5. Закон Украины «Об осуществлении государственных закупок» от 01.06.2010 г.. № 2289-17 // ВВСУ. - 2010. - № 33. - Ст. 471 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2289-17>
6. Закон Украины «Об осуществлении государственных закупок» от 10.04.2014 г.. № 1197-VII // ВВСУ. - 2014. - № 24. - Ст. 883 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1197-18>
7. А. Шатковский, С. Яременко. Комментарии к законодательству Украины о публичных закупках. Декабрь 2016. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.me.gov.ua/InfoRez/DocumentsList?lang=uk-UA&id=f2e30594-ba6c-420f-9c24-2a852415a884&tag=InfarezKnowledgeDb&pageNumber=2&fCtx=inName&fSort=date&fSdir=desc>
8. Закон Украины «О концессиях» от 16.07.1999 г.. № 997-VIV // ВВСУ. - 1999. - № 41. - Ст. 372 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/997-14/page>
9. Закон Украины «О соглашениях о разделе продукции» от 14.09.1999 г.. № 1039-VIV // ВВСУ. - 1999. - № 44. - Ст. 391 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/ru/1039-14>
10. Закон Украины «Об аренде государственного и коммунального имущества» от 10.04.1992 г.. № 2269-XII // ВВСУ. - 1992. - № 30. - Ст. 416 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2269-12>
11. Закон Украины «О приватизации государственного имущества» от 04.03.1992 г.. № 2163-XII // ВВСУ. - 1992. - № 24. - Ст. 348 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2163-12>
12. Сазонов В. Е. Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты / Кафедра административного и финансового права Российского университета дружбы народов / Предисл. д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова. - М., 2012. - 560 с.
13. Public Private Partnerships in Australia and Japan. Facilitating Private Sector Participation / Japan External Trade Organization (JETRO); Asia and Oceania Division, Overseas Research Department. - Tokyo, 2010. - 27 p.
14. Loi du 15 juin 2006 relative aux marchés publics et à certains marchés de travaux, de fournitures et de services // Moniteur Belge. - 15.02.2007. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www>.

publictendering.com/pdf/legislation/15-16062006.pdf

15. Arrêté royal du 26 septembre 1996 établissant les règles générales d'exécution des marchés publics et des concessions de travaux publics // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&cn=1996092635&table_name=loi;http://www.publictendering.com/pdf/legislation/26091996.pdf.

16. Arrêté royal du 08 janvier 1996 relatif aux marchés publics de travaux, de fournitures et de services et aux concessions de travaux publics // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publictendering.com/pdf/legislation/08011996.pdf>.

17. Arrêté Royal du 15 juillet 2011 relatif à la passation des marchés publics dans les secteurs classiques // Moniteur Belge. – 9 août 2011. – № 224. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publictendering.com/pdf/legislation/AR15072011.pdf>.

18. Nyfte, van B. Partenariat Public-Privé: Aperçu général en Droit belge [Государственно-частное партнерство: общий обзор бельгийского права]. – Bruxelles, 2003. – 18 p.

19. Flamme P. Quel est l'état des lieux des partenariats public-privé en Belgique? [Каково место государственно-частного партнерства в Бельгии?] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flamme.be/site/fr/archives/partenariatspublicprivé>.

20. Besluit van 16 juli 2005, houdende regels betreffende de procedures voor het gunnen van overheidsopdrachten voor werken, leveringen en diensten (Besluit aanbestedingsregels voor overheidsopdrachten) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rijksoverheid.nl/documenten-en-publicaties/besluiten/2008/12/10/besluit-aanbestedingsregels-voor-overheidsopdrachten-bao-recent.html>

21. Besluit van 16 juli 2005, houdende regels betreffende de procedures voor het gunnen van opdrachten in de sectoren water- en energievoorziening, vervoer en postdiensten (Besluit aanbestedingen speciale sectoren) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rijksoverheid.nl/documenten-en-publicaties/besluiten/2008/12/10/besluit-aanbestedingen-speciale-sectoren-bass-recent.html>

22. Scheenstra E. The Netherlands // PPP in Europe. – London: CMS Legal Services EEIG, 2010. – 154 p.

23. Müller-Tschumi T. Contractual framework of infrastructure PPPs under Swiss law // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://us.practicallaw.com/8-519-2090?q=&qo=&qe=>

24. Кабашкин В.А. Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. – М.: Международный инновационный центр, 2010. – 576 с.

25. Приказ Минэкономразвития Украины от 22.03.2016 № 490 “Об утверждении форм документов в сфере публичных закупок” // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0449-16>

26. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0024>

27. Положение о Министерстве экономического развития и торговли Украины, утвержденное постановлением КМУ от 20.08.2014 № 459 // [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/459-2014-%D0%BF>

28. Новый Закон Украины “О концессиях”. Презентация // [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: https://www.slideshare.net/Easy_Business/presentation-of-law-draft-on-concession-79562598/1

29. Национальный совет США по ППП // [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ncppp.org>.

30. Мексиканский фонд по инвестициям и технологическому развитию по содействию государственно-частному партнерству // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fumec.org.mx>

References

1. Vinnik O. M. Korporativnye i partnerskie otnoshenija: problemy pravovogo regulirovanija: monografija. - K., Nauchno-issledovatel'skij institut chastnogo prava i predprinimatel'stva NAPrN Ukrainy, 2010. - 166 s.

2. Zakon Ukrainy «O publichnyh zakupkah» ot 25.12.2015 g.. № 922-VIII // Vedomosti Verhovnogo Soveta Ukrainy (VVSU). - 2016. - № 9. - St. 89 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/922-19>.

3. Delmon D. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v infrastrukture: Prakticheskoe rukovodstvo dlja organov gosudarstvennoj vlasti. - Astana Apel'sin, 2010. - 250 s.

4. Zakon Ukrainy «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve» ot 01.07.2010 g. // VVSU. - 2010. - № 40. - St. 524 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2404-17>.
5. Zakon Ukrainy «Ob osushhestvlenii gosudarstvennyh zakupok» ot 01.06.2010 g. № 2289-17 // VVSU. - 2010. - № 33. - St. 471 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2289-17>
6. Zakon Ukrainy «Ob osushhestvlenii gosudarstvennyh zakupok» ot 10.04.2014 g. № 1197-VII // VVSU. - 2014. - № 24. - St. 883 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1197-18>
7. A. Shatkovskij, S. Jaremenko. Kommentarii k zakonodatel'stvu Ukrainy o publichnyh zakupkah. Dekabr' 2016. [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.me.gov.ua/InfoRez/DocumentsList?lang=uk-UA&id=f2e30594-ba6c-420f-9c24-2a852415a884&tag=InfarezKnowledgeDb&pageNumber=2&fCtx=inName&fSort=date&fSdir=desc>
8. Zakon Ukrainy «O koncessijah» ot 16.07.1999 g. № 997-VIV // VVSU. - 1999. - № 41. - St. 372 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/997-14/page>
9. Zakon Ukrainy «O soglashenijah o razdele produkcii» ot 14.09.1999 g. № 1039-VIV // VVSU. - 1999. - № 44. - St. 391 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/ru/1039-14>
10. Zakon Ukrainy «Ob arende gosudarstvennogo i kommunal'nogo imushhestva» ot 10.04.1992 g. № 2269-XII // VVSU. - 1992. - № 30. - St. 416 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2269-12>
11. Zakon Ukrainy «O privatizacii gosudarstvennogo imushhestva» ot 04.03.1992 g. № 2163-HII // VVSU. - 1992. - № 24. - St. 348 [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2163-12>
12. Sazonov V. E. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: grazhdansko-pravovye, administrativno-pravovye i finansovo-pravovye aspekty / Kafedra administrativnogo i finansovogo prava Rossijskogo universiteta druzhby narodov / Predisl. d.ju.n., prof. A.B. Zelencova. - M., 2012. - 560 s.
13. Public Private Partnerships in Australia and Japan. Facilitating Private Sector Participation / Japan External Trade Organization (JETRO); Asia and Oceania Division, Overseas Research Department. - Tokyo, 2010. - 27 p.
14. Loi du 15 juin 2006 relative aux marchés publics et à certains marchés de travaux, de fournitures et de services // Moniteur Belge. - 15.02.2007. [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: <http://www.publictendering.com/pdf/legislation/15-16062006.pdf>
15. Arrêté royal du 26 septembre 1996 établissant les règles générales d'exécution des marchés publics et des concessions de travaux publics // [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&cn=1996092635&table_name=loi;http://www.publictendering.com/pdf/legislation/26091996.pdf.
16. Arrêté royal du 08 janvier 1996 relatif aux marchés publics de travaux, de fournitures et de services et aux concessions de travaux publics // [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: <http://www.publictendering.com/pdf/legislation/08011996.pdf>.
17. Arrêté Royal du 15 juillet 2011 relatif à la passation des marchés publics dans les secteurs classiques // Moniteur Belge. - 9 aout 2011. - № 224. [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: <http://www.publictendering.com/pdf/legislation/AR15072011.pdf>.
18. Hyfte, van B. Partenariat Public-Privé: Aperçu général en Droit belge [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: obshhij obzor bel'gij'skogo prava]. - Bruxelles, 2003. - 18 p.
19. Flamme P. Quel est l'état des lieux des partenariats public-privé en Belgique? [Kakovo mesto gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Bel'gii?] // [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: <http://www.flamme.be/site/fr/archives/partenariatspublicprive>.
20. Besluit van 16 juli 2005, houdende regels betreffende de procedures voor het gunnen van overheidsopdrachten voor werken, leveringen en diensten (Besluit aanbestedingsregels voor overheidsopdrachten) // [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: <http://www.rijksoverheid.nl/documenten-en-publicaties/besluiten/2008/12/10/besluit-aanbestedingsregels-voor-overheidsopdrachten-bao-recent.html>
21. Besluit van 16 juli 2005, houdende regels betreffende de procedures voor het gunnen van opdrachten in de sectoren water- en energievoorziening, vervoer en postdiensten (Besluit aanbestedingen speciale sectoren) // [Elektronnij resurs]. - Rezhim dostupu: <http://www.rijksoverheid.nl/documenten-en-publicaties/>

besluiten/2008/12/10/besluit-aanbestedingen-speciale-sectoren-bass-recent.html

22. Scheenstra E. The Netherlands // PPP in Europe. – London: CMS Legal Services EEIG, 2010. – 154 p.

23. Müller-Tschumi T. Contractual framework of infrastructure PPPs under Swiss law // [Elektronnij resurs]. – Rezhim dostupu: <http://us.practicallaw.com/8-519-2090?q=&qp=&qo=&qe=>

24. Kabashkin V.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie perspektivy. – M.: Mezhdunarodnyj innovacionnyj centr, 2010. – 576 s.

25. Prikaz Minjekonomrazvitija Ukrainy ot 22.03.2016 № 490 “Ob utverzhdenii form dokumentov v sfere publicznyh zakupok” // [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0449-16>

26. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // [Elektronnij resurs]. – Rezhim dostupu: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0024>

27. Polozhenie o Ministerstve jekonomicheskogo razvitija i trgovli Ukrainy, utverzhdennoe postanovleniem KMU ot 20.08.2014 № 459 // [Jelektron. resurs]. - Rezhim dostupa: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/459-2014-%D0%BF>

28. Novyj Zakon Ukrainy “O koncessijah”. Prezentacija // [Jelektron. resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.slideshare.net/Easy_Business/presentation-of-law-draft-on-concession-79562598/1

29. Nacional'nyj sovet SShA po PPP // [Jelektron. resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.ncppp.org>.

30. Meksikanskij fond po investicijam i tehnologicheskomu razvitiju po sodejstviju gosudarstvenno-chastnomu partnerstvu // [Elektronnij resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.fumec.org.mx>

*Aleksandrs Chicherins, Master's student
Baltic International Academy
Latvia*

Some aspects of application of a guarantee

Abstract. The guarantee is one of the means for reinforcement of obligations, regulation of which in the Latvian law is rather succinct and does not cover all the facts and circumstances. The discussions among legal scholars, in recent years, have been periodically focused on the issues of guarantee in Latvia. One of the problematic economic aspects of the guarantee is the participants of the proceedings within a process of the recovery of debt reinforced with a guarantee. The other challenge is the distinction between the regulation of guarantee in civil law of Latvia and the internationally accepted commercial practice. The third range of questions relates to the legal force of the guarantee resulting from the insolvency proceedings. For more effective application of the guarantee in economic activity the changes of legislation or its interpretation are possible in Latvia.

Key words: obligations, guarantee, guarantor, insolvency, parties, Latvian civil law, international practice.

*Александр Чичерин, магистрант
Балтийская Международная Академия
Латвия*

Некоторые аспекты применения поручительства

Аннотация. Поручительство является одним из средств усиления обязательств, регулирование которого в правовых актах Латвии является довольно сжатым и не включает все обстоятельства. В течение последних лет дискуссии правоведов периодически уделяют пристальное внимание проблемным вопросам поручительства в Латвии. Один из проблематических экономических аспектов поручительства - участники судопроизводства в процессе взыскания задолженности усиленной поручительством. Другая проблема — отличие регулирования поручительства в гражданском праве Латвии от международной принятой коммерческой практики. Третий круг вопросов связан с юридической силой поручительства в результате процесса неплатежеспособности. Для повышения эффективности применения поручительства в хозяйственной деятельности в Латвии возможны изменения в правовых актах или их толковании.

Ключевые слова: обязательства, поручительство, поручитель, неплатежеспособность, участники процесса, гражданское право Латвии, международная практика.

*Aleksandrs Čičerins, maģistrants
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija*

Daži galvojuma piemērošanas aspekti

Anotācija. Galvojums ir viens no saistību pastiprināšanas līdzekļiem, kura regulējums Latvijas tiesību aktos ir diezgan lakonisks un neaptver visus apstākļus. Tiesību zinātnieku diskusijās pēdējo gadu laikā periodiski pievērsta uzmanība galvojuma problēmjautājumiem Latvijā. Viens no galvojuma problemātiskajiem aspektiem ir tiesvedības dalībnieki ar galvojumu pastiprināta parāda piedziņas procesā. Otrā problēma ir galvojuma regulējuma Latvijas civiltiesībās atšķirība no starptautiski pieņemtās komercprakses. Trešais jautājumu loks saistīts ar galvojuma juridisko spēku maksātnespējas procesa rezultātā. Galvojuma efektīvākai piemērošanai saimnieciskajā darbībā Latvijā iespējamās izmaiņas tiesību aktos vai to interpretācijā.

Atslēgas vārdi: saistības, galvojums, galvinieks, maksātnespēja, lietas dalībnieki, Latvijas civiltiesības, starptautiskā prakse.

Ievads

Nepārtraukti mainīgajos ekonomiskajos apstākļos aktuāla ir finanšu plūsmas stabilitātes nodrošināšana, kas ietekmē visu tautsaimniecību kopumā. Ja kāds no finanšu plūsmas posmiem nesedz savas saistības, tad ir jāizmanto pieejamie efektīvie līdzekļi parādu piedziņai, lai finanšu līdzekļi atgriežas normālā ekonomikas apritē un iegūst visi tautsaimniecības posmi – valsts, mājsaimniecības, saimniecības darbības veicēji, arī kredītiestādes. Viens no saistību pastiprināšanas līdzekļiem civiltiesībās ir galvojums, kura piemērošanā Latvijas tiesību aktos un pēdējā laika tiesību zinātnieku publikācijās ir konstatētas vairākas problēmas, dažas no tām apskatītas šajā pētījumā līdz ar piedāvātajiem risinājumiem.

Pēdējā laika publikācijas par raksta tēmu.

Nemeikšis, 2017; Medne, 2017; Neilands, 2016; Neilands, 2011; Torgāns, 2010.gada 9.novembris; Torgāns, 2010.gada 24.augusts.

Pētījumā izmantotās metodes un materiāli

Pētījuma satura atklāšanai analizēti Latvijas tiesību akti, to interpretācija tiesu judikatūrā un daži no tiesību zinātnieku vērtējumiem un ieteikumiem, kuri papildināti arī ar autora ietei-

kumiem.

Galvojuma vispārējais jēdziens Latvijas tiesību aktos

Latvijas tiesību aktos iekļautie galvojuma tiesisko attiecību jautājumi, galvenokārt, ir fragmentāri komentēti mācību izdevumos vai analizēti zinātniskos rakstos. Ar galvojumu un galvinieku saistītās tiesību normas pamatā meklējamas Civillikuma [1] 1692.-1715.pantā, kas atrodas Ceturtās daļas "Saistību tiesības" Piektais nodaļas "Saistību tiesību pastiprināšana" Pirmajā apakšnodaļā, un nav mainītas kopš Civillikuma pieņemšanas 1937.gada 28.janvārī un stāšanās spēkā 1938.gada 1.janvārī, kā arī pēc Civillikuma spēka atjaunošanas 1992.-1993.gadā. Galvojums ir ar līgumu uzņemts pienākums atbildēt kreditoram par trešās personas parādu, neatsvabinot tomēr pēdējo no viņas parāda (Civillikuma 1692.pants), ko uzņemas galvinieks. Tostarp Civillikumā paredzēts, ka "galvojums izbeidzas ar katru darbību, kas dzēš galveno saistību, atsvabinot no tās parādnieku" (1710.pants) un "galvojums izbeidzas ar ikvienu notikumu, kas atsvabina galveno parādnieku" (1712.pants).

Civilprocesa likumā [2] galvojums īpaši

nav minēts, bet ar galvinieku saistītās tiesību normas atrodamas 401.pantā, kur starp personām, kuras var iesniegt pieteikumu par bezstrīdus piespiedu izpildīšanu, 4.punktā minēts galvinieks, kurš samaksājis parādnieka vietā uz tiesas sprieduma pamata vai piespiedu izpildīšanas kārtībā, vai arī kura izdarītā samaksa ir apstiprināta ar uzrakstu uz akta, bet 6.punktā pēc protestētiem vekseliem tostarp arī galvinieks, kurš vekseli samaksājis un ceļ regresa prasījumu. Civilprocesa likuma 402.panta 2.punktā norādīts, ka bezstrīdus piespiedu izpildīšana pieļaujama pret galvinieku, ja viņš uzņēmis saistību kā pats parādnieks (Civillikuma 1702.panta otrā daļa).

Galvojuma juridiskais spēks maksātnespējas procesā

Pēdējā laikā Latvijā tiesiskās domas zināmākā attīstība saistībā ar galvojuma interpretāciju judikatūrā attiecas uz maksātnespējas procesu.

Tā izpaužas tiesu praksē vairākos nolēmumos civillietās un pamatota ar Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta (paplašinātā sastāvā) 2011.gada 27.aprīļa sprieduma lietā Nr.SK-86/2011 [3] 12.2.2. un nākamajos punktos iekļautajām atziņām, ka Civillikuma 1694.pantā nostiprinātais galvojuma papildu jeb akcesoritātes princips (galvojumam ir nepieciešams spēkā esošs galvenais parāds) nav absolūts un parādnieka izbeigšanās sakarā ar tā izslēgšanu no komercreģistra, izbeidzot maksātnespējas procesu, nav uzskatāma par notikumu, kas saskaņā ar Civillikuma 1712.pantu izbeidz galvojumu, proti „galvinieka pienākums atbildēt kreditoram izriet nepastarpināti no galvojuma līguma – galvojot par parādnieka saistībām, galvinieks uzņemas risku atbildēt kreditoram par parādnieka saistībām arī tad, ja pēdējais nonāktu finansiālās grūtībās. Līdz ar to loģiski izriet secinājums, ka galvinieka atbildības pienākums kreditoram par tāda parādnieka, kurš nonācis maksātnespējas situācijā, saistībām tieši atbilst galvojuma mērķim. Turpretī galvinieka atsavināšana no pienākuma atbildēt kreditoram par galvenā parādnieka saistībām tikai tā iemesla dēļ, ka parādnieka sliktais finansiālais stāvoklis to novedis līdz maksātnespējai, ir

pretrunā ar galvojuma mērķi”.

1.1 Una Medne gan uzskata, ka līdz pat 2016.gadam galvotāji varēja justies visai mierīgi, jo Civillikuma 1710.pants un 1712.pants noteica, ka galvojums izbeidzas ar katru darbību, kas dzēš galveno saistību, vai ar ikvienu notikumu, kas atbrīvo galveno parādnieku, un tikai „2016.gada vasarā viss būtiski mainījās, jo Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departaments 16. jūnijā pieņēma nolēmumu lietā Nr.C12183912 (SKC-178/2016), kurā Augstākā tiesa nonāca pie viedokļa, ka galvenā parādnieka maksātnespēja un viņa atbrīvošana no neizpildītajām saistībām neizbeidz galvojumu, jo netiek sasniegts galvojuma mērķis – atbildēt kreditoram par trešās personas parādu” [4]. **Autore vēl piebilst, ka** „neatkarīgi no tā, kad galvenais parādnieks ir pasludinājis maksātnespēju, Civillikuma 1703.panta 2.punkts dod kreditoram tiesības vispirms prasīt parāda piedziņu no galvinieka, jo piedziņa no galvenā parādnieka noteikta ar ģpašu (maksātnespējas) regulējumu, kur piedziņas darbības tiek atliktas uz nenoteiktu laiku un piedziņas rezultāti nav prognozējami. No tā izriet, ka kreditoram nav jāgaida, kad būs beidzies galvenā parādnieka maksātnespējas process. Kreditoram jau no tā brīža, kad publicētajos reģistros ir pieejama informācija par galvenā parādnieka maksātnespējas procesu, ir tiesības celt prasību tiesā par parāda piedziņu no galvotāja”.

Kurzemes apgabaltiesa 2014.gada 23.oktobra spriedumā lietā Nr.C33303412 [5] ir izteikusi pretēju viedokli. Tiesas ieskatā, ja atbilstoši Maksātnespējas likuma [7] 165.pantā noteiktajam galvenajam parādniekam ir izbeigta saistību dzēšanas procedūra un ir dzēstas galvenā parādnieka atlikušās saistības, arī galvojums ir izbeidzies.

Tomēr, pretēji tam, Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2017.gada 3.marta sprieduma lietā Nr.SK-81/2017 [6] 7. un nākamajos punktos atzīts, ka akcesorā galvojuma saistība kļūst par patstāvīgu saistību parādnieka maksātnespējas gadījumā, jo galvojuma jēga ir kreditora papildus aizsardzība pret parādnieka maksātnespēju, papildināta arī ar fiziskās personas maksātnespējas procesa apskatīšanu, ka “maksātnespējas process tiesā

notiek sevišķās tiesāšanas, bet ne prasības kārtībā, tādēļ lēmums, ar kuru parādnieks atbrīvots no saistībām sakarā ar saistību dzēšanas procedūras pabeigšanu (Maksātnespējas likuma [7] 165.pants), nav uzskatāms par kreditora prasījuma noraidīšanu Civillikuma 1892.panta izpratnē”, ņemot vērā arī to, ka vēsturiski Civillikuma sastādīšanas laikā nepastāvēja tāds tiesību institūts kā parādnieka atbrīvošana no saistībām maksātnespējas procesā [8., 536]”, tāpēc parādnieka atbrīvošana no saistībām tā maksātnespējas procesā nav uzskatāma par galvenā parādnieka atsvabināšanu no saistībām Civillikuma 1710. un 1712.panta izpratnē un tas attiecas arī uz fiziskās personas maksātnespējas procesu. Par galvojuma vienādām sekām fiziskas vai juridiskas personas saistībām raksta arī [9].

Lietas dalībnieki galvojuma prasībā

Latvijas Senāta Civilās kasācijas departamenta spriedumos, kas skar galvojumus, ir atspoguļotas kreditora tiesības prasīt saistību izpildi uzreiz no ekspromisoriskā galvinieka (t.i. galvinieks uzņēmis saistību kā pats parādnieks), kā arī no galvinieka, ja galvenais parādnieks ir maksātnespējīgs [10]. Tiesu prakse pēc Latvijas neatkarības atjaunošanas turpina pirmās neatkarības laika tiesu praksi un nošķir ekspromisorisko galvojumu no vienkāršā galvojuma jau no Senāta 1997.gada 8.janvāra sprieduma lietā Nr.SPC-6: “Galvinieks, ja viņš uzņemas saistību kā pats parādnieks, nevar prasīt, lai kreditors ar prasību vispirms griežas pie galvenā parādnieka.” [11., 404]. 2010.gada 26.oktobrī Vidzemes apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģijas lēmumā lietā Nr.3-12/1206-10 [12] „...kolēģija uzskata, ka šajā gadījumā tiesneša lēmuma pamatošanai nevar būt profesora Dr. habil. iur. K. Torgāna izteiktais viedoklis par aizliegumu šķīrējtiesām apmierināt prasības, kas celtas pret galvinieku, nepieaicinot lietā par atbildētāju galveno parādnieku [13]. Tas, ka lietā nav pieaicināts galvenais parādnieks, neliedz tiesības galviniekam griezties ar prasījumu pret galveno parādnieku regresa kārtībā, ko pieļauj likums.

Pretēji Kalvja Torgāna uzskatam, ka galvenais parādnieks ir jāpieaicina kā atbildētājs, izņemot to, ka “...maksātnespējīgu personu nevar iesaistīt lietā kā atbildētāju, taču viņš var

būt un viņam jābūt trešajai personai.” [14], Rolands Neilands uzskata, ka vēršot prasību pret ekspromisorisko galvinieku, tiesai pēc savas iniciatīvas nav jāpieaicina galvenais parādnieks ne atbildētāja, ne trešās personas statusā, un tiesai nav paredzētas tiesības pašai uzaicināt trešās personas tādēļ, ka atbilstoši Civilprocesa likuma 78.panta trešajai daļai trešās personas var pieaicināt piedalīties lietā pēc pušu vai prokurora lūguma. “Ja tiesnesis izrādītu iniciatīvu un norādītu kādai no pusēm, ka lietā nepieciešams pieaicināt trešo personu, tad jāsaprot, vai tiesnesis šādi nepārkāptu Civilprocesa likuma 78.panta trešo daļu un vai nerīkotos pretēji dispozitivitātes principam” [10].

Rolanda Neilanda viedoklis noteikti ir papildināms ar atsauci uz Civilprocesa likuma 78.panta trešās daļas pirmo teikumu, kas trešajām personām ļauj iestāties lietā – tādad trešās personas ne tikai pieaicina piedalīties lietā, bet tās arī iestājas lietā. Trešo personu institūts ir ieviests civilprocesā, lai sekmētu lietas apstākļu vispusīgu noskaidrošanu un panāktu procesuālu ekonomiju [15., 220], pie tam puses nevar pārsūdzēt tiesas lēmumu, ar kuru trešā persona pieaicināta vai pielaista lietā. Pat Satversmes tiesa nav tiesīga pārvērtēt civilprocesa ietvaros pieņemtos tiesas nolēmumus un nav tiesīga lemt par to, vai vispārējās jurisdikcijas tiesa, izskatot konkrētu lietu, pareizi piemērojusi materiālās un procesuālās normas. Lēmumu par trešās personas pieaicināšanu vai pielaistānu lietā pieņem tiesa, izvērtējot konkrētās lietas apstākļus un to, vai spriedums konkrētajā lietā var skart trešās personas tiesības vai pienākumus [16].

Tādad, manuprāt, tiesai pēc savas iniciatīvas varbūt arī nav jāpieaicina galvenais parādnieks trešās personas statusā un nav jādod pusēm norādījumi par šāda pieaicināšanas lūguma izteikšanu, taču galvenais parādnieks varētu iestāties lietā trešās personas statusā. Cits jautājums, vai galvenais parādnieks gribēs izmantot šādu iespēju.

Galvojuma efektivitāte komercdarbību regulējošajās starptautiskajās tiesībās

Vēl viens svarīgs aspekts ir saistīts ar banku pieprasījuma garantijām. Bankas ne tikai izmanto galvojumus izsniegto aizdevumu no-

drošināšanai, bet arī pašas izsniedz galvojumus, tas ir, sniedz banku garantijas. Latvijas Civillikumā atšķirībā, piemēram, no Krievijas Federācijas Civilkodeksa [17] un Lietuvas Republikas Civilkodeksa [18] nav atsevišķi izdalītas banku garantijas. Līdz ar to tām ir piemērojami Civillikuma noteikumi par galvojumiem, ja vien puses nav vienojušās par Starptautiskās tirdzniecības palātas vienoto noteikumu par pieprasījuma garantijām pielietošanu [19]. Garantijas parasti ir neatsaucamas un ar tām bankas uzņemas saistības samaksāt noteiktu naudas summu (garantijas summu) gadījumā, ja bankas klients (principāls) nepilda savas saistības pret trešo personu (garantijas saņēmēju, beneficiāru). Profesors Kalvis Torgāns mācību grāmatā "Saistību tiesības" (I daļa) ir norādījis uz banku garantiju un ekspromisoriskā galvojuma līdzību, kā arī norādījis, ka "nav nepieciešamības dalīt nodrošinājumus (pastiprinājumus) divās grupās: galvojumos un garantijās" [20., 97]. Garantijām, kurās puses ir vienojušās par Starptautiskās tirdzniecības palātas noteikumu piemērošanu, ir piemērojami tieši šie noteikumi, nevis Civillikuma normas [10].

Galvojums kā saistību izpildes instruments ir piesaistījis starptautiskās komercdarbības prakses biznesa subjektu uzmanību, īpaši sakarā ar savu abstrakto raksturu, kas droši nošķir galvojumu saistības no līgumsaistībām, nodrošina šādu galvojumu un kam ir neatsaucams un nepieļaujams raksturs. Tomēr šīs īpatnības nebija pietiekamas uzņēmējdarbības subjektiem, kas nodarbojas ar starptautiskās komercdarbības praksi, kā rezultātā tika izstrādāti jauni drošāki galvojuma veidi, kuru atbilstība starptautiskās tirdzniecības prakses vajadzībām ir pietiekamāka, t.i., pirmā pieprasījuma galvojums (zināms arī kā bankas galvojums), kura kopējās darbības pamatā ir solvet et repete princips, t.i., galvnieka saistības samaksāt galvojumā noteikto summu kreditoram saskaņā ar tā prioritātes prasību pret parādnieka iespēju apstrīdēt šādu maksājumu. Šāds galvojums sniedz daudz vairāk vērā ņemamu drošību un "komfortu" kreditoram, kurš mēģina nodrošināt savas intereses un samazināt darbības risku, kā arī pašam galvniekam, jo viņam nav pienākuma iedzīlīnāties iekšējās kreditora-parādnieka

attiecībās, izpildot neformālā tiesneša pienākumus un risinot jautājumu par līgumsaistībām, kas nodrošinātas ar galvojumu, un neatkarīgi no tā, vai tās ir ievērotas vai nav ievērotas, kas bieži vien tiek atrisināts tikai strīdos tiesā [21., 4].

Secinājumi, ieteikumi

Iespējams, arī Latvijas likumdevēju varētu aicināt pievērsties galvojuma regulējumam. Kā jau teicu, Civillikumā ar galvojumu un galvnieku saistītās tiesību normas nav mainītas (t.i. nav grozītas vai papildinātas) kopš Civillikuma pieņemšanas 1937.gada 28.janvārī. Šajā laikā ir izkristalizējušies vairāki problēmjautājumi, kurus varētu risināt tieši likumdevējs.

Varbūt, vienu no šiem problēmjautājumiem, kas saistīts ar galvenā parādnieka pieaicināšanu vai nepieaicināšanu trešās personas statusā likumdevējs varētu arī papildus neregulēt.

Taču iespējams, likumdevējam būtu detalizētāk jāregulē banku garantijas un citas galvojuma niānses saistībā ar risinājumu efektīvāko instrumentu meklēšanu saistību izpildei, lai labāk nodrošinātos pret iespējamo otras līgumslēdzēja puses saistību neizpildi vai citām neparedzētām negatīvajām parādībām saistībā ar ekonomikas formu attīstību. Latvijas tiesību sistēmā galvojuma institūta un pirmā pieprasījuma galvojuma tiesisko attiecību regulējums, kā arī tā īstenošanas veids nav efektīvs, kas tādējādi jāuzlabo atbilstoši starptautisko dokumentu normatīvajai praksei [21., 4].

Latvijas likumdevējs varētu apsvērt iespēju ieviest jaunas tiesību normas, lai regulētu iespējamās līgumattiecības starp galvnieku un parādnieku, detalizētāk definētu šādu attiecību raksturu un īpatnības attiecībā uz galvojuma tiesisko attiecību juridiskajām īpatnībām un regulētu iespējamu jaunprātīgu izmantošanu.

Tiesību normu skaidrībai un pārredzamībai, likumdevējam būtu jāpievēršas arī Civillikuma 1710. un 1712.panta normām, kas līdz šim tikušas dažādi interpretētas, bet pašreizējā interpretācija judikatūrā šķiet atbilstoša galvojuma būtībai, taču noteikti neatbilst šo tiesību normu tekstam.

Uzskatu, ka attiecībā uz Civillikuma 1710. pantu ("galvojums izbeidzas ar katru darbību, kas dzēš galveno saistību, atsvabinot no tās

parādnieku”) pamatota un taisnīga ir judikatūrā nostiprinātā pieeja, ka parādnieka atbrīvošana no saistībām tā maksātnespējas procesā nav uzskatāma par galvenā parādnieka atsvabināšanu no saistībām un tas attiecas gan uz juridiskās, gan fiziskās personas maksātnespējas procesu. Tomēr, manuprāt, judikatūrā trūkst interpretācijas un nav pietiekama pamatojuma, kāpēc galvojuma neizbeigšanās galvenā parādnieka saistību dzēšanas rezultātā maksātnespējas procesā piemērojama Civillikuma 1712.panta normai, ka “galvojums izbeidzas ar ikvienu notikumu, kas atsvabina galveno parādnieku”. Šajā gadījumā tiesai būtu jāanalizē, ko likumdevējs ir domājis ar „ikvienu notikumu” – vai tas atšķiras no „katras darbības, kas dzēš galveno saistību” un, ja neatšķiras, kāpēc Civillikumā šajā ziņā iekļautas divas šādas tiesību normas dažādos pantos.

Vai galvojums neizbeidzas galvenā parādnieka saistību dzēšanas rezultātā maksātnespējas procesā tikai tāpēc, ka Civillikuma sastādīšanas laikā nepastāvēja tāds tiesību institūts kā parādnieka atbrīvošana no saistībām maksātnespējas procesā? Tad ir jāmaina Civillikums.

Vai arī gluži pretēji - Civillikuma sastādītāji, civiltiesību speciālisti, tā 1712.pantā tālredzīgi iekļāva „ikvienu notikumu”, lai katram tiesību normas interpretētājam nepārprotami paziņotu, ka tas aptver ikvienu notikumu, kad parādnieks tiek atbrīvots no saistībām, arī sakarā ar saistību dzēšanas procedūras pabeigšanu, un „ikviens notikums” nav interpretējams sašaurināti kā kreditora prasījuma noraidīšana Civillikuma 1892.panta izpratnē? Tad ir jāmaina interpretācija.

Izmantotas literatūras saraksts

1. Civillikums. LATVIJAS REPUBLIKAS LIKUMS. Piejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=225418>
2. Civilprocesa likums. Piejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=50500>
3. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta 2011.gada 27.aprīļa spriedums lietā Nr.SK-86/2011. Pieejams: <http://at.gov.lv/downloadlawfile/3205>
2. Medne U. Galvotāja atbildība aizņēmēja maksātnespējas gadījumā. 2017.gada 8.februāris, LV portāls, Pieejams: <http://www.lvportals.lv/visi/skaidrojumi/285040>
4. Kurzemes apgabaltiesas 2014.gada 23.oktobra spriedums lietā Nr.C33303412. Citēts pēc [9]
5. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2017.gada 3.marta spriedums lietā Nr.SK-81/2017. Pieejams: <http://31.24.192.35/downloadlawfile/5138>
6. Maksātnespējas likums
7. Civilprocesa likums ar paskaidrojumiem – izvilkiem no Latvijas Senāta un Tiesu palātas spriedumiem un no attiecīgās zinātniskās literatūras, kā arī dažiem aizrādījumiem uz likumdošanas motīviem. Sastādījuši F.Konradi, T.Zvejnieks u.c. – Rīga: Valsts tipogrāfija, 1939, V pielikums – Maksātnespējas lietas, 103.pants.
8. Neilands R. Galvojuma patstāvība pēc galvenā parādnieka saistību dzēšanas procedūras pabeigšanas. Jurista Vārds, 2016.gada 16.februāris, Nr.7
9. Neilands R. Galvenā parādnieka statuss galvojuma prasībā. Jurista Vārds, 2011.gada 1.marts, Nr.9
10. Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta spriedumi un lēmumi 1997. Rīga: Latvijas Tiesnešu mācību centrs, 1998
11. Vidzemes apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģijas 2010.gada 26.oktobra lēmums Nr.3-12/1206-10. Citēts pēc [9]
12. Torgāns K. Valstiskā uzraudzība pār šķirējtiesas spriedumu tiesiskumu. Jurista Vārds, 2010.gada 24.augusts, Nr.34.
13. Torgāns K. Galvojuma saistības īstenošanas civilprocesiālais aspekts. Jurista Vārds, 2010.gada 9.novembris, Nr. 45.
14. Civilprocesa likuma komentāri. I daļa (1. - 28.nodaļa). Autoru kolektīvs K. Torgāna zinātniskajā red. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2011.
15. Satversmes tiesas 2011.gada 20.oktobra sprieduma lietā Nr. 2010-72-01, 10.2.punkts.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Pieejams: <http://base.garant.ru/10164072/dc8ac69baa61b785e8510c75c9714f10/>.
17. Lietuvos Respublikos civilinis kodeksas. Pieejams: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/en/TAD/TAIS.245495>
18. ICC Uniform Rules for Demand Guarantees. URGD 758 including Model Forms. International Chamber of Commerce, 2010. Citēts pēc [9]
19. Torgāns K. Saistību tiesības. I daļa. Mācību grāmata. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2006.
20. Nemeikšis G. Bankas garantijas tiesiskais regulējums Lietuvā. Promocijas darba kopsavilkums. Biznesa augstskola „Turība”, 2017. Pieejams: http://www.turiba.lv/f/Synopsis_LV_2017-05-23.pdf

References

1. Civil Law. Law of the Republic of Latvia. available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=225418>
2. Civil Procedure Law. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=50500>
3. Judgment of the Civil Department of the Senate of Supreme Court of the Republic of Latvia of 27 April 2011 in Case Nr.SK-86/2011. Available: <http://at.gov.lv/downloadlawfile/3205>
4. Medne U. The responsibility of the guarantor in the event of a borrower's insolvency. 8 February 2017, LV portal, Available: <http://www.lvportals.lv/visi/skaidrojumi/285040>
5. Judgment of the Kurzeme Regional Court of 23 October 2014 in Case No. C33303412. Quoted in [9]
6. Judgment of the Civil Department of the Supreme Court of the Republic of Latvia of 3 March 2017 in Case Nr.SK-81/2017. Available: <http://31.24.192.35/downloadlawfile/5138>
7. Insolvency Law
8. The Civil Procedure Law, with explanatory notes, extracts from the judgments of the Latvian Senate and the Court Chamber and from the relevant scientific literature, as well as some critical remarks on legislative

motives. Compiled by F.Konradi, T.Zvejnieks etc. — Riga: State Printing-House, 1939, Annex V — Insolvency cases, Article 103.

9. Neilands R. Autonomy of the guarantee following the completion of the principal debtor's default procedure. *Jurista Vārds*, 16 February 2016, No 7

10. Neilands R. Status of the principal debtor in the guarantee claim. *Jurista Vārds*, 1 March 2011, No 9

11. Judgments and decisions of the Supreme Court Senate Civil Department in 1997. Riga: Latvian Judicial Training Centre, 1998

12. Decision No 3-12/1206-10 of the College of the Civil Court of Vidzeme Regional Court of 26 October 2010. Quoted in [9]

13. Torgāns K. National supervision over the rule of law of arbitration judgments. *Jurista Vārds*, 24 August 2010, No 34

14. Torgāns K. Civil procedural aspect for the implementation of the guarantee obligation. *Jurista Vārds*, 9 November 2010, No 45

15. Comments of the Civil Procedure Law. Part I (Chapters 1-28). Collective of authors, scientific ed. K.Torgāns. Riga: Court House Agency, 2011

16. Judgment of the Constitutional Court of 20 October 2011 in Case No 2010-72-01, paragraph 10.2.

17. Russian Federation Civil Code. Available: <http://base.garant.ru/10164072/dc8ac69baa61b785e8510c75c9714f10/>.

18. Civil Code of the Republic of Lithuania. Available: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/en/TAD/TAIS.245495>)

19. ICC Uniform Rules for Demand Guarantees. URGD 758 including Model Forms. International Chamber of Commerce, 2010. Quoted after [9]

20. Torgāns K. Obligations Rights. Part I. Textbook. Riga: Court House Agency, 2006

21. Nemeikšis G. The Legal Regulation of the Bank Guarantee in Lithuanian Law. Synopsis of the Doctoral Thesis. Turība University, 2017. Available: http://www.turiba.lv/f/Synopsis_LV_2017-05-23.pdf

Viorica Carare, Dr. iur
President of Moldova Competition Council
Moldova
Anatolie Caraganciu, Dr. oec, professor
Lucian Blaga University of Sibiu
Moldova

The procedural competition law as distinct branch of law

Abstract. The article looks into the findings of research concerning law procedures in cases of competition protection litigation. We are trying to argue that there exist all the conditions to treat the procedural competition law as a distinct branch of law. Competition is the field where law overlaps economics. The distinction of legal practice in competition protection litigations from other fields lies in the fact that the argumentation of the positions requires economic analysis of the litigation situations under consideration. The efficiency of the arguments in supporting the participants' positions depends on the competent expert combination of the economic and the legal approaches.

Key words: competition law, branch of law, procedural law.

Виорика Кэраре, др. юр. наук.
Президент Совета по Конкуренции Молдовы
Молдова
Анатолие Караганчу, др. экон. наук, профессор
Университета Лучиан Блага из Сибиу
Молдова

Процессуальное законодательство о защите конкуренции как особый раздел права

Аннотация. В статье приводятся результаты рассмотрения судопроизводства при судебном разбирательстве, касающемся защиты конкуренции. Сделана попытка показать, что есть все основания рассматривать процессуальное законодательство о защите конкуренции как отдельную область права. Конкуренция — это место где право пересекается с экономикой. Особенность процессуального права в области конкуренции состоит в необходимости привлечения экономического анализа. Успех в деле представления интересов сторон процесса определяется эффективной комбинацией правового и экономического подходов.

Ключевые слова: законодательство о защите конкуренции; область права

Introduction

The correlation between the complexity of human needs and their impact on motivation seems particularly interesting. Human needs grow from the physiological essential ones, such as survival, food, shelter, rest, physical security and physical protection, to the social ones, such

as needs of belonging to a group, social interaction, affection, support. And only after satisfying those listed above, one can proceed to the last 2 steps esteem, respect and self-realization, the need to achieve one's own potential and personality development, as Maslow's theory claims [1].

Through this classic concept, we can explain the emergence of the procedural competition legal relationships. Human needs represent the foundation and motivation for regulating procedural competition relationships.

One cannot speak of rights regulating specific relations, e.g. the competitive relations between undertakings, only in situations when basic rights, ensuring legal protection of basic needs (the right to life, security, etc.), are satisfied primarily.

Approaching the legal system as a totality of independent parts, branches of law and legal institutions, we find the existence of a complex, open system, where interactions occur not only with the social environment, but also among each of its component parts, thus both with external and internal factors have to be taken into consideration.

In this way, the rules of law, including competition law, are grouped according to the basic relationships versus the anticompetitive practices, subjects of competition relationships, etc.

The structure of the legislation, as a whole or outside the branches of law, corresponding to the branches of the law system, encompasses also other law branches.

In competition disputes, regulation of procedural relationships are found in many legal acts and leads to the idea of separation of a distinct public law branch. The existence and delimitation of the procedural competition law is the actual reality and necessity. We cannot talk in depth about the procedural competition law, without providing specifications about the competition concept [2].

As a process, competition has always existed, still, only after reaching certain stages of human evolution, some regulation of this process started to appear. Scientific movements and schools have emerged, which have developed this concept, both in dynamic and static terms.

Premises for delimitation of procedural competition law

Delimitation of procedural competition law from other law branches can be carried out

by analyzing the correspondence of the structuring criteria of the legal system. One of the basic criteria for delimiting a law branch is the object of regulation.

I. The object of regulation of a law branch represents a certain group of social relations, which have specific features of the concerned branch.

Social relations arising in the process of examining infringements of competition law are characterized by their occurrence at the same time with the regulations of the procedural competition law. Although procedural competition law does not correspond to a normative act with the same profile, the regulation of the examination process of competition law infringements is contained in the antitrust legislation, being separated from the substantive rules. In this way, the object of regulation represents the procedural relations that arise in the examination of cases of competition law infringements.

Stating the establishment of a distinct branch of law, based only on its own object of regulation is insufficient; therefore, it is necessary to further analyze the procedural competition law in the light of the structuring criteria of the legal system: the regulatory method, common principles, social interest, legal sanctions, and legal status of the subjects.

II. The regulatory method represents the means used by the lawmaker, in order to exercise a degree of influence on different social relations. Depending on the given criteria, we can distinguish methods based on the principle of equality of parties, the authoritarian method, the autonomist method, the recommendations method.

Regulation of procedural relations arising between the competition authorities, the parties and other participants in the process of examining infringements of the competition law, describes the procedural competition law through relations of subordination, the method used being the authoritarian.

III. Common principles are general basic rules, common to the most rules of law that make the law branch.

The procedural competition law is charac-

terized by the following principles:

the principle of proportionality; the principle of presumption of innocence; the principle of legality; the principle of protection of confidential information; the principle of independence; the principle of truth; the principle of officiality; the principle of equality of the parties; the principle of publicity; the principle of orality; the principle of contradictoriness; the principle of the right of defense; the principle of availability; the principle of free evaluation of evidence; the principle of continuity, etc. Examination of procedural competition law principles shows us that, in addition to the principles common to several branches of law, there are principles specific only to the procedural competition law, such as the principle of proportionality, the principle of protecting confidential information, etc.

IV. The social interest can determine detachment of certain legal relations from a law branch and migration to some related branches, which make part of another one or towards an emerging branch, as a result of the importance, in society, of a certain social reality at some point [3].

Analyzing the procedural competition law, we can see that this law branch can be regarded as a mixed, complex law branch, that was created in response to the social interest to regulate relations that arise in the process of enforcement of competition law, and their separation from the group of rules that was previously directing these relations in other areas of law, such as: competition law, administrative law, procedural civil law, etc. The procedural competition law is aimed at protecting both values in which the whole society is interested (genuine market economy, fair competition) and values, whose protection interests only the damaged party (trade secret or confidential information of the undertaking).

V. Legal sanctions applied in the procedural competition law can be set out in two groups: sanctions targeting the legality of acts and pecuniary sanctions. So, as in other branches of procedural law, procedural documents, produced violating the legislation, are void. Pecuniary sanctions (fines) have a distinct character in terms of application and their size.

VI. The status of legal relationships subjects represents an auxiliary criterion for the delimitation of the law branch. Thus, the subjects of the procedural competition law relations have special statuses: one of the subjects is the antitrust authority – the Competition Council, another mandatory subject is the undertaking, as a participant in competition relations on the market.

In conclusion, after analyzing the procedural competition law in the light of the structuring criteria of the law system, we can ascertain that we find ourselves in the presence of a genuine branch of law, with its own object of regulation, its own regulatory method, common principles, social interest, legal sanctions and status of subjects.

As a distinct law branch, the procedural competition law is characterized as:

1. A public law branch, because: a) it protects an interest, common for all the individuals of society, mainly the enforcement of the competition legislation, in order to establish a true market economy with a fair competition; b) by its nature, the procedural competition law is an imperative law; c) it manifests itself mainly through the authoritative action of the Competition Council, in this way, regulations of the procedural competition law are governing the activity of the Competition Council, as well as its relations with other subjects (undertakings, public authorities, etc.);

2. A mixed law branch of a complex nature, because it meets legal institutions of several law branches and, although apparently, it is a branch of domestic law, it includes multiple rules of international law, which the signatory states are obliged to apply, including by harmonizing their national legislations;

3. A sanctioning law, regulating the use of the person's right before the competition authority and before the courts;

4. A procedural law, regulating relationships between the subjects of law and the state authorities, able to resolve the disputes, emerged as a failure to comply with the competition rules.

Each branch of law regulates a specific domain of social relations. Thus, the procedur-

al competition law consists of all the legal rules that feature procedural norms, necessary for carrying out the examination of competition law infringements.

The procedural competition law encompasses the totality of all the legal norms governing the work of all the state authorities and parties, as well as the relationships that are established in the process of stating the facts that represent infringements of the competition legislation and in the application of sanctions and measures provided by the competition legislation in relation to those who committed the infringements [2].

Alongside the definition of the procedural competition law, another novelty in the research is the procedural division matrix [2] of the application of the competition law provisions. Since the enforcement of the procedural competition legislation is a complex activity, targeting more legislative areas and more bodies, among the characteristics of the procedural competition law, it is required to divide this into several main elements, called procedural phases.

Not every element of procedural competition legislation enforcement can be regarded as a procedural phase, so in this regard there are smaller partitions. Thus, procedural application of competition law can be divided into phases, steps, stages, moments.

Phases correspond to the most important groups, where the main procedural activities are the criteria: examination of the competition infringement, judgment enforcement. Phases and activities are carried out in a successive, progressive and coordinated way. In some situations, certain phases may be missing from the application process of the competition law. Thus, in cases of unfair competition acts, if the undertaking, whose interests were harmed, has exceeded the limitation period, it may appeal directly to the court. The voluntary enforcement of the Competition Council Decision excludes the judgment stage.

Further we describe and compare the elements and principles of procedural competition law with principles of the civil procedural law.

The principles of procedural competition law, common to other law branches are: the

principle of legality, the principle of independence, the principle of truth, the principle of officiality, the principle of availability, the principle of equality, the principle of the right to defense, the principle of publicity, the principle of orality, the principle of contradictoriness, the principle of free evaluation of evidence, the principle carrying out the case in Romanian language.

We analyze, in parallel, the characteristics of procedural competition law.

Based on the analysis carried out in this chapter, we can conclude that the procedural competition law is a distinct branch of law, with its own elements and principles and the need of its delimitation is obvious and real.

The specific characteristics of the procedural competition legal relationship

In order to define the procedural competition legal relationship it is necessary to emphasize the characteristics of such relationships, with their peculiarities. So, we consider appropriate to start from the approach through which the legal relationship is governed by the legal norm, hence a relation between certain determined participants, linked by a system of rights and obligations that can be defended by the coercive power of the state.

The procedural competition legal relationship has a volitional character. As such, the procedural legal relationship is the ground where the two wills meet: the will of the state, stipulated in the norms of competition law and the will of subjects participating in procedural competition relationships. In the procedural competitive relationship, the correlation between individual will and the general will is determined by the imperative character of procedural competition rules.

Procedural competition legal relations promote, encourage and protect social values. Market economy, private property, fair competition, the right to defense, etc. are social values enshrined in the Constitution and protected by the competition legislation. Violation of the social values aimed at ensuring a functioning market economy is sanctioned.

Another feature of the procedural competition legal relationships is that they are an

expression of the historical evolution of social relations. Only with the transition to a market economy we can talk about competition. Under the centralized economy, the rivalry between undertakings was missing because there were no prerequisites for economic competition. The establishment of market economy mechanism imposed the adoption of competition legislation and the creation of a competition authority, able to enforce competition rules. Relations between competition authorities and the subjects participating in anticompetitive practices are based on the principles of legality, the principle of the right to defense, on the independence of the competition authority, etc., and were materialized in the procedural rules of competition. In this way, we can conclude that the procedural competition legal relationship is a relationship, governed by the rules of procedural competition law. These rules establish the legal capacity of undertakings and public authorities and the competence of the competition authority.

In the light of the conducted analysis, we can conclude that the procedural competition law is a social relation of superstructure, that emerges based on the rules of procedural competition norms arising between the state authority and the participants in anticompetitive actions, which are holders of rights and legal obligations, the realization of which is provided by the coercive power of the state.

The specific characteristics of the procedural competition legal relationship are:

a) The antitrust authority, empowered to enforce the competition legislation, is a mandatory subject of the procedural competition legal relationship. Other subjects of the procedural competition legal relationship include the participants in anticompetitive practices. In this case, we distinguish the complainant - usually is the undertaking that has suffered as a result of competition restrictions actions / inactions, and the defendant - an undertaking or public administration authority which has restricted competition.

b) Subjects of the procedural competition legal relationship are not equal in rights and ob-

ligations. So, two categories of relationships are required: 1) between the competition authority and the participants in anticompetitive actions and 2) between the participants in anticompetitive actions. In the case of relations between participants in anticompetitive actions, we consider that the principle of equality before the law is respected.

c) The procedural competition legal relations emerge, change or become terminated based on the unilateral manifestation of will, and this unilateral will is manifested ex officio or upon request.

d) Another feature of the procedural competition legal relationship is that it contributes to resolving legal conflicts arising from non-compliance with the antitrust legislation on a relevant market.

e) At last, one more feature of the procedural legal competition relationship is the nature of liability for the subject of the relationship that does not respect his obligations deriving from the legal relationship in which it is part. Failure to comply with the obligations arising from the procedural competition legal relationship determines the application of sanctions for violation of procedural rules of the Competition Law.

The procedural competition legal relationship is a distinct element of the general mechanism of legal regulation, representing a dynamic system of legal means through which the activity of law enforcement is regulated by state authorities, in order to dispense justice and to establish a sound competition.

Every procedural competition legal relationship has three characteristic elements: the subject, the object and the content.

The subject represents a distinct and important element for identifying any procedural competition legal relationship.

Procedural legal relationships are based on the principle of subordination. And so, in procedural legal relationships there are always subjects with decision making power. In procedural legal relations, one and the same subject, having decisional power at various stages of a case with different subjects, may have different a different status. For example, in the phase of case examination by the Court, the Competition

Council is subordinated in the relations with the Court, whereas in the preliminary phase, the Competition Council is an independent body [4].

Given the particularities of procedural legal relationships, several classifications of these subjects are suggested: according to the legal interest of subjects:

persons with legal interest in the proceedings, in their turn, can be persons who have their own interests (material) in the settlement of the case and parties who have a public interest (procedural) in the settlement.

Persons who have no interest in the case: depending on the importance of participation in the proceedings, subjects can be divided into two categories: mandatory subjects: the public authority and subjects who have committed infringements, optional subjects: other subjects of procedural competition relations which do not have an interest in the case settlement (witnesses, experts, interpreters, etc.). Depending on the status of procedural legal relationships subjects: subordinated subjects include persons who have a private interest in the case settlement; superior subjects are state authorities that have certain powers in the organization process of case examination.

The object of procedural competition legal relationship is the result of activity of the participants in the examination process of the antitrust case, which meets the procedural interest of the persons, interested in the examination of the case. This can be regarded as a general object, specific for all the procedural competition legal relationships. At the same time, there is a particular object, specific for every procedural competition relationship. For example: the special object of the relations between the competition authority and representative is formed by the rights and interests of the representative, protected by law; the special object of the procedural relations between the competition authority and witness is the information about the facts that are important for the case.

Given the definition of the procedural legal relationships content set above and the particularities of the procedural competition law, the content of the procedural competition legal relationship can be presented as the relation of the

procedural competition legal relationship subjects, determined by subjective rights and obligations, the competition authority competence, the legal liability for breach of procedural rules and the appropriate conduct for the examination process of competition law infringements.

Analyzing the object of procedural legal relationship, we determined that the competition relationship is the result of activity of the participants in the examination of antitrust cases that meets the interest in the examination of the concerned cases. And, consequently, the content of the procedural competition legal relationship represents the relation of subjects of procedural competition legal relationship, determined by subjective rights and obligations, the power of the competition authority, the liability for the procedural competition law infringement, as well as the examination procedures of competition law infringement.

Conclusions

Society development has led to the awareness of the need to develop the regulation of economic and legal relationships, including competitive ones, specific to undertakings.

Law, as a complex social phenomenon, incorporates the essential features of society, including economic life, social and political aspects, such as the collective will.

We explained the emergence of procedural competition relations through Maslow's theory.

The motivation for regulating procedural competition relations is determined by the needs of the people. After providing the legal protection of needs at the bottom of the pyramid (e.g. the right to life), satisfaction of the other needs, located towards the top of the pyramid is desired.

Being in close connection with the social practice, legislation is more responsive to changes in social life than the legal system. Often, the legislative process exceeds the scope of the law branch. This also refers to the regulation of procedural relations in antitrust litigations, which is a situation found in several branches of law.

Separation of the procedural competition

law as a distinct public law branch of the legal system is a necessity determined by modern realities.

Antitrust legislation has undergone a long evolution, from Zeno, 483 AD, who wrote the first anti-monopoly act "Constitution on pricing" until today [3].

The contemporary antitrust legislation appeared in the US in the early XX century, and it is manifested through the support and promotion of monopolies, as one of the few opportunities for the development of science, innovation and advanced technologies.

European antimonopoly legislation, which appeared later than the US legislation, puts more emphasis on protecting free competition and limiting monopolization of areas of activity.

International and national competition regulations aim to create conditions and rules necessary for economies to efficiently develop, respecting the interests of consumers.

Antitrust regulatory developments in Moldova evolved over the last 20 years and now are governed by the Competition Law No.183/2012, corresponding to the most advanced European practices [6].

We have analyzed the distinctive branch of the procedural competition law with its own ob-

ject of regulation, regulatory method, common principles, social interest and legal sanctions.

We identified a distinct branch of law - the procedural competition law as a totality of the legal norms governing the work of state authorities and parties, as well as the relationships that are established in the process of stating the facts that represent infringements of the competition legislation and in the application of sanctions and measures provided by the competition legislation in relation to those who committed the infringements.

We developed the procedural division matrix which includes 3 phases, several stages, steps and moments of the procedures in the investigation of competition infringements.

The procedural elements and principles of the procedural competition law were established, including through the analysis in different law systems, as well as in various branches of law.

Analyzing the procedures of the procedural competition law, it was found that there was a lack and complexity of procedures that would allow the efficient implementation of the competition law, which led to the necessity to develop new procedures.

References

- [1] Maslow, A.H. (1943) A Theory of Human Motivation. Psychological Review, 50, 370-396. Available at <http://dx.doi.org/10.1037/h0054346>
- [2] Carare Viorica, Doctoral Thesis, "Comparative study of procedures applicable to anti-competitive practice", Lucian Blaga University of Sibiu, 2017
- [3] Popa Carmen, General theory of law, Lumina Lex, 2001.
- [4] Korah V., Cases and Materials on EC Competition Law, 2006, Hart Publishing, 3rd ed, (2006)
- [5] Stephen Harris; American Bar Association. Section of Antitrust Law. Chicago, Ill.: Section of Antitrust Law, American Bar Association, (2001).
- [6] Competition Law nr.183 from 11.07.2012. In: Oficial Monitor of Republic of Moldova nr. 193-197 from 14.09.2012.
Available at: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=344792>

*Элга Узаре, mg.iur.,
Юрист ZAB «Kreics and Partners»
Латвия*

*Эдгарс Голтс, mg.iur., присяжный адвокат
Университет Turība, докторант
Латвия*

Оспаривание сделок по делам о несостоятельности

Аннотация. В работе анализируется оспаривание сделок закона о неплатежеспособности в Латвии, проблемы которые связаны с оспариванием сделок в процессе неплатежеспособности, а так же рассмотрена суть оспаривания сделок в гражданском праве.

Цель работы: полагаясь на теорию закона, нормы закона и судебную практику, анализировать проблемы, которые связаны с практикой при оспаривании сделок и предложить возможные решения для их устранения.

В результате исследования авторы пришли к выводу, что применение на практике отдела 17 закона о неплатежеспособности находится в непрерывной корреляции с общими и специальными нормами права, а так же с разными ситуациями в жизни и судебной практикой в применении этих норм.

Ключевые слова: обязательства, процесс неплатежеспособности, оспаривание сделок, причинение убытков, физическая персона, юридическая персона.

*Elga Uzare, mg.iur.
ZAB “Kreics and Partners” lawyer
Latvia*

*Edgars Golts, mg.iur.
attorney at law
Turība University, Doctoral student
Latvia*

Challenging of the transactions in insolvency proceedings

Abstract. The paper analyses challenging of the transactions in Insolvency Law in Latvia, the problems associated with the challenging of the transactions in insolvency proceedings, as well as the essence of challenging of the transactions in civil law.

The aim of the paper is: based on the theory of law, provisions of law and court practice to review the problematic issues linked to the practice of challenging of the transactions in insolvency proceedings in order to offer the possible solution and remedy.

Based on the research findings the authors arrived at the conclusion that the practical application of Chapter 17 of the Insolvency Law is in constant correlation with the general and specific rules, as well as a variety of different life situations and case law of these norms.

Keywords: liabilities, insolvency proceedings, challenging of transactions, incurring losses, a natural person, legal entity.

Elga Uzare, Mg.iur.,
ZAB "Kreics un partneri" juriste
Latvija

Edgars Golts, Mg.iur.
zvērīnāts advokāts
Biznesa augskola "Turība" doktorants
Latvija

Darījumu apstrīdēšana maksātnespējas procesā

Anotācija. Darbā tiek apskatītas dažas problēmas darījumu apstrīdēšanā maksātnespējas tiesībās Latvijā, kas saistītas ar darījumu apstrīdēšanu maksātnespējas procesa ietvaros, kā arī apskatīta darījumu apstrīdēšanas būtību civiltiesībās.

Šī darba mērķis ir, pamatojoties uz tiesību teoriju, tiesību normām un tiesu praksi, pētīt darījumu apstrīdēšanu maksātnespējas procesā, analizēt problēmas, kas saistītas ar darījumu apstrīdēšanu praksē un piedāvāt iespējamus risinājumus to novēršanai.

Pētījuma rezultātā autori secināja, ka Maksātnespējas likuma 17. nodaļas piemērošana praksē atrodas nepārtrauktā korelācijā ar vispārējām un speciālām tiesību normām, kā arī dažādām atšķirīgām dzīves situācijām un tiesu praksi šo normu piemērošanā.

Atslēgas vārdi: saistības, maksātnespējas process, darījumu apstrīdēšana, zaudējumu nodarīšana, fiziskā persona, juridiskā persona.

Ievads

Darbā tiek analizēta darījumu apstrīdēšana maksātnespējas tiesībās Latvijā, problēmas, kas saistītas ar darījumu apstrīdēšanu maksātnespējas procesa ietvaros, ņemot vērā darījumu apstrīdēšanas būtību vispārējās civiltiesībās. Šis darbs ir veidojies autoriem, sadarbojoties E.Uzares maģistra darba izstrādes laikā.

Maksātnespējas process laika gaitā no maz zināma tiesiskās aizsardzības pasākumu kopuma šobrīd ir kļuvis par sabiedrības aktualitāti. Par to liecina gan jaunās maksātnespējas tiesību politikas pamatnostādnes, regulāri veiktas izmaiņas normatīvajos aktos, Maksātnespējas likuma normu apstrīdēšana Satversmes

tiesā, gan arī sabiedrības pastiprināti pievērstā uzmanība sertificētu maksātnespējas procesu administratoru darbam un, diemžēl arī pieaugošs saspīlējums attiecībās starp likumdevēju, maksātnespējas procesu administratoriem un kreditoriem. Viens no šādas situācijas iemesliem ir arī publiski pausts Valsts Kontroles secinājums, ka maksātnespējas process nesasniedz savu mērķi [1.,1], tātad - tas nav pietiekami efektīvs un ir nepieciešamas izmaiņas maksātnespējas procesa norisē.

Maksātnespējas tiesības ir viena no civiltiesību apakšnozarēm. Civillikums [9] vispārīgi regulē kreditoru un parādnieka interešu aizsardzību un ar to saistītos jautājumus, tomēr

noteicošā nozīme šajā jomā ir maksātnespējas tiesībām kā speciālajām normām. Rakstā apskatītajā jomā Latvijā šobrīd ir viens publiski pieejams praktisks pētījums - diplomēta jurista Helmuta Jaujas sagatavots Augstākās Tiesas Civillietu departamenta tiesu prakses apkopojums (apstiprināts Augstākās Tiesas Civillietu departamenta tiesnešu sanāksmē 29.04.2014) par darījumu apstrīdēšanu un zaudējumu piedziņu no parādnieka pārstāvjiem maksātnespējas procesos [2.,1].

Praksē novērots, ka dažkārt uzsāktā tiesvedība tiek izbeigta ar pušu izlīgumu, līdz ar to nav iespējams viennozīmīgi apgalvot, ka darījumu apstrīdēšana tiek veikta nepietiekami. Pēc autoru domām, darījumu apstrīdēšana ir viena no visbūtiskākajām maksātnespējas procesa sastāvdaļām, jo tieši no darījumu apstrīdēšanas mēdz būt atkarīgs maksātnespējīgā parādnieka aktīvu apjoms, no kuriem savukārt tiek segti pieteiktie kreditoru prasījumi, kas arī ir Maksātnespējas likuma [10] mērķis. Turklāt, konsekvēnta darījumu apstrīdēšana ne tikai veicina godprātīgu praksi darījumu slēgšanā starp pusēm, bet arī nodrošina ar apstrīdamo darījumu aizskarto tiesību aizstāvēšanu un veicina taisnīgu situācijas regulējumu starp darījuma pusēm.

Darba izstrādē izmantotas vispār zinātniskās metodes, tajā skaitā juridiskās literatūras analīze, normatīvo aktu un tiesību normu analīze, izmantojot vēsturisko, gramatisko, sistēmisko un teleoloģisko metodi, statistikas, judikatūras un tiesu prakses analīze, kā arī autoru personīgā pieredze praktiskajā darbā.

Tiesisko darījumu spēkā neesamība un apstrīdamība

Darījuma apstrīdēšanas pamats rodas no nepieciešamo tiesisko darījumu elementu trūkumiem. Darījuma atzīšana par spēkā neesošu un apstrīdēšana iespējama vai nu pusēm savstarpēji vienojoties (privātā kārtā) vai arī tikai tiesas ceļā. Romiešu tiesībās spēkā neesoši darījumi tika uzskatīti par tādiem, kuri nekad nav bijuši un tāpēc nav radījuši nekādas tiesiskas sekas - quod nullum est, nullum producit effectum ("Tas, kas nav, nevar radīt nekādas sekas - autoru tulkojums). Lai uzskatāmāk attēlotu

spēkā neesošu darījumu, tas tika salīdzināts ar nedzīvi dzimušu bērnu, t.i., tādu, „kurš nekad nav bijis”. Mūsdienās tiesību teorijā tiek nošķirti spēkā neesoši darījumi no apstrīdamiem darījumiem, lai gan abos gadījumos sekas ir līdzīgas – darījums tiek atzīts par spēkā neesošu. Neskatoties uz līdzīgajām tiesiskajām sekām, pastāv noteiktas tiesiskas atšķirības starp spēkā neesošiem darījumiem un apstrīdamiem darījumiem. Absolūti spēkā neesoši ir darījumi, kas ir uzskatāmi par nenotikušiem no paša sākuma. Tiesību subjektu veiktās darbības šajā gadījumā ārēji atbilst tiesiskā darījuma pazīmēm, tomēr likumā paredzētu iemeslu dēļ tās neizraisa nekādas tiesiskas sekas [3;185-186]. Šeit arī atklājas būtiskākā atšķirība starp absolūti spēkā neesošiem darījumiem un apstrīdamiem darījumiem, respektīvi, darījuma spēkā esamība nav atkarīga no dalībnieku gribas, bet to paredz likums. Autori uzskata, ka darījuma atzīšana par spēkā neesošu no tā noslēgšanas brīža ir iespējama arī gadījumos, kad tiek apstrīdēti apstrīdami darījumi, nevis tikai absolūti spēkā neesoši darījumi, un tas vairāk ir atkarīgs no tiesvedības procesa un paša prasītāja gribas. Respektīvi, arī apstrīdamu darījumu var lūgt tiesai atzīt par spēkā neesošu no paša sākuma. Attiecībā uz absolūti spēkā neesošiem darījumiem K.Balodis norāda: „Tiesvedības gaitā tiesai darījuma absolūta spēkā neesamība ir jāņem vērā ex officio (Amata, pienākuma dēļ) - autoru tulkojums) neatkarīgi no tā, vai uz to norāda lietas dalībnieki”, savukārt attiecībā uz apstrīdamiem darījumiem: „tiesai nav ne pienākuma, ne tiesību pašai pēc savas iniciatīvas (ex officio) atsaukties uz darījuma apstrīdamības faktu, ja tiesīgās personas pašas darījumu nav apstrīdējušas”[3;189]. Secināms, ka apstrīdamu darījumu gadījumā darījumu apstrīdēšanas iniciatīva gulstas vienīgi uz darījuma dalībnieku, nevis tiesas pleciem. „Apstrīdami tiesiski darījumi pretstatā absolūti spēkā neesošiem darījumiem ir relatīvi spēkā esoši. Persona, kura ir tiesīga darījumu apstrīdēt, var izvēlēties, vai viņai izdevīgāk ir uzturēt darījumu spēkā vai arī apstrīdēt darījumu, ceļot prasību tiesā” [3;188]. Pēc autoru domām, šis K.Baloža norādījums ļauj secināt, ka absolūti spēkā neesoši darījumi par tādiem tiek atzīti pilnīgi bez darījuma dalībnieku vai kādu trešo

personu iniciatīvas. Patiesībā, arī absolūti spēkā neesošs darījums, kamēr tas nav ticis atzīts par spēkā neesošu, ir relatīvi spēkā.

Labticīga ieguvēja aizsardzības princips tiesiskos darījumos

Lai arī K.Balodis norāda, ka „laba ticība Civillikuma 1. panta izpratnē kā tiesiski ētisks princips ir strikti jānošķir no civiltiesībās plaši sastopamajiem labticības un ļaunticības jēdzieniem”, [3;188] tomēr autori uzskata, ka Civillikuma 1. pantā noteiktais labas ticības princips ir saistīts ar labticīga ieguvēja principu darījumu apstrīdēšanas institūtā: „Termins „labticīgs ieguvējs” ir saistīts ar labas ticības principa izpratnes subjektīvo koncepciju, kura raksturojama ar personas saprāta stāvokli: nezināšanu par kādu faktu vai notikumu bez pienākuma to zināt vai latīņu valodā bona fide” [4;28]. Interesanti, ka Civillikums nepiedāvā tiešu labticīga ieguvēja definīciju ne lietu tiesību, ne arī saistību tiesību daļā, bet gan atsauces ir atrodamas ģimenes tiesību daļā (122.pants), kā arī dažādos speciālajos likumos, piemēram, Kriminālprocesa likumā, Komerclikumā, Komerčķīlu likumā. Lai arī netieši, labticīga ieguvēja princips tiek reglamentēts arī lietu tiesību daļā, kur tas izriet no Civillikuma 1065. pantā noteiktā. Šis Civillikuma pants aizsargā labticīgu kustamās mantas ieguvēju, kaut arī ar šādu darījumu būtu nodarīti zaudējumi. Labticīga ieguvēja aizsardzība izriet arī no Civillikuma 994.panta pirmās daļas un Zemesgrāmatu likuma 1. panta, kur noteikts, ka Zemesgrāmatu ierakstiem ir publiska ticamība. Vērtējot tiesu praksi jāsecina, ka tā zināmā mērā ir vienveidīga un praksē labticīgs ieguvējs visbiežāk tiek aizsargāts nolūkā veicināt sabiedrībā tiesisko noteiktību un stabilitāti. Latvijas Republikas Augstākā Tiesa spriedumā SKC-136/2012 ir paudusi viedokli, ka „atzīstot par spēkā neesošu pirmo darījumu, nevar izdarīt vispārinātu secinājumu, ka pilnīgi visi turpmākie darījumi ar šo īpašumu neapšaubāmi ir spēkā neesoši, nepētot, vai to dalībnieki ir labticīgi vai ļaunticīgi, jo gadījumā, ja īpašnieks ir labticīgs ieguvējs, attiecībā uz viņu piemērojams labticīga ieguvēja aizsardzības princips.”[5;1].

Darījumu apstrīdēšana juridiskās personas maksātnespējas procesā

Maksātnespējas tiesības ir viena no civiltiesību apakšnozarēm, un līdz ar to darījumu apstrīdēšana maksātnespējas procesā pamatojas uz civiltiesību normām, ciktāl to neierobežo speciālā tiesību norma. Ja ir nepieciešams administrators prasību var pamatot gan ar Maksātnespējas likuma normām, gan arī Civillikuma normām. Tomēr tiesu prakse šajā jomā nav viennozīmīga un tiesas spriedumos iespējams sastapties ar galēji pretējiem viedokļiem, piemēram, „administrators tiesības darījumu apstrīdēšanā ir izņēmums no vispārējās darījumu apstrīdēšanas kārtības, un tās regulē Maksātnespējas likums. Administrators iegūst prasības tiesības tikai maksātnespējīgās sabiedrības vārdā un tikai maksātnespējas procesa ietvaros, kuru regulē Maksātnespējas likums. Maksātnespējas likuma XVII nodaļā „Darījumu apstrīdēšana” noteikts, kādus darījumus, kādā termiņā un uz kāda pamata administrators ir tiesīgs prasīt atzīt par spēkā neesošiem”[6;1]. Turpretī citā lietā tiesa secināja, ka „Civillikuma vispārīgie noteikumi var tikt izmantoti, apstrīdot darījumus Maksātnespējas likumā noteiktajā kārtībā, ciktāl tas nav pretrunā ar Maksātnespējas likuma mērķiem, principiem un speciālajām normām”[7;1]. Arī jaunajā Maksātnespējas regulā[12] iekļautas norādes, kas nošķir prasības, kuras tiek celtas tieši pamatojoties uz Maksātnespējas likuma normām no prasībām, kas pamatotas ar Komerclikumā un Civillikumā ietvertajiem pantiem. Tādēļ autori pievienojas viedoklim, ka darījumu apstrīdēšana maksātnespējas procesā iespējama kā uz Maksātnespējas likuma normu pamata, tā arī uz Civillikuma normu pamata, bet nevar būt obligāts nosacījums piemērot gan speciālā, gan vispārējā likuma normas.

Ja administratoram netiek nodoti grāmatvedības dokumenti, ir nepieciešams izvērtēt informāciju, kas ir administrators rīcībā un kuru tas ir ieguvis uz Maksātnespējas likuma 27. panta pamata, tas ir, pārbaudīt publiskajos reģistros pieejamo aktuālo un vēsturisko informāciju, kā arī veicot parādnieka norēķina kontu izrakstu izpēti, analizējot veiktos pārskaitījumus darījuma partneriem, naudas plūsmu, Valsts ieņēmumu dienestā deklarēto informāci-

ju un tml. „Darījumu apstrīdēšanas institūts prezumē, ka parādnieks var būt veicis apzinātas darbības, lai nodarītu zaudējumus kreditoriem. Lai sasniegtu savus prettiesiskos mērķus, parādnieks var veikt dažādas savstarpēji saistītas darbības, t. sk. slēgt darījumus izskata pēc, sagrozīt grāmatvedības datus, veikt maksājumus saistītajām personām uz fiktīvu līgumu pamata, un tml. Turklāt šīs darbības ir virzītas uz to, lai, no vienas puses, sasniegtu prettiesisko mērķi, no otras puses, lai šīs darbības ārēji izskatītos tiesiskas”[8;1]. Kā iepriekš minēts, darījumu apstrīdēšana pēc to izvērtēšanas nav administratora izvēle, bet gan nepieciešamība, kas nodrošina sekmīgu un efektīvu maksātnespējas procesa norisi. Nenoliedzami, šādu pazīmju konstatēšana un attiecīgi darījumu izvērtēšana prasa īpašas zināšanas, iemaņas un arī pieredzi komercdarbībā. H.Jauja tiesu prakses apkopojumā ir izvirzījis sekojošus netiešos pierādījumus, kas norāda uz apstrīdamiem darījumiem:

1. darījums ir noticis ar tieši vai netieši saistītajām personām;
2. nav pretizpildījuma vai tas ir neadekvāts;
3. parādnieks jau ir bijis maksātnespējīgs darījuma brīdī vai kļuvis maksātnespējīgs pēc darījuma vai tā rezultātā;
4. pēc tam, kad kļuvušas zināmas finanšsialas problēmas vai saņemts kreditora brīdinājums par piedziņas darbībām, ir jau notikušas līdzīgas vai sērijveida darbības, lai atsavinātu aktīvus;
5. kopējā darījumu hronoloģija, piemēram, darījums veikts uzreiz pēc tam, kad ir uzņemtas lielas saistības;
6. parādnieks darījumu ir noklusējis, īpaši, ja tas veikts ārpus parastās komercdarbības vai ar fiktīvu darījumu partneri;
7. parādnieks vai tā pārstāvji izvairās.[9;6]

Darījumu apstrīdēšanas īpatnības fizisko personu maksātnespējas procesā

Saskaņā ar Maksātnespējas likuma 5. pantu, fiziskās personas maksātnespējas process ir tiesiska rakstura pasākumu kopums, kura mērķis ir pēc iespējas pilnīgāk apmierināt kreditoru prasījumus no parādnieka mantas un dot iespēju parādniekam, kura manta un ienā-

kumi nav pietiekami visu saistību segšanai, tikt atbrīvotam no neizpildītajām saistībām un atjaunot maksātspēju. Darījumu apstrīdēšanas pamatu fiziskās personas maksātnespējas procesā veido Maksātnespējas likuma normas, kas paredz, ka administrators pēc fiziskās personas bankrota procedūras pasludināšanas atgūst debitoru parādus un veic tiesiskas darbības citas parādnieka mantas atgūšanai, un parādnieka noslēgtie darījumi ir apstrīdami noteiktajā kārtībā, ja bankrota procedūras laikā tiek konstatēti Maksātnespējas likuma 153.pantā noteiktie saistību dzēšanas ierobežojumi. Saskaņā ar Maksātnespējas likuma 153. panta pirmo daļu saistību dzēšanas procedūru nepiemēro vai to pārtrauc gadījumā, ja parādnieks pēdējo triju gadu laikā pirms fiziskās personas maksātnespējas procesa pasludināšanas vai maksātnespējas procesa laikā ir slēdzis darījumus, kuru rezultātā kļuvis maksātnespējīgs vai radījis zaudējumus kreditoriem, turklāt viņš apzinājās vai viņam vajadzēja apzināties, ka šādu darījumu slēgšana var novest līdz maksātnespējai vai zaudējumu radīšanai kreditoriem.

Likumdevējs ir norādījis uz diviem apstākļiem, no kuriem nepieciešams vismaz viens, lai konstatētu ierobežojumus saistību dzēšanas procedūras pasludināšanai - „rezultātā kļuvis maksātnespējīgs” vai „radījis zaudējumus kreditoriem”. Ar 25.09.2014 Maksātnespējas likuma grozījumiem 153. pants papildināts ar trešo daļu, saskaņā ar kuru saistību dzēšanas procedūru nepiemēro vai pārtrauc, ja parādnieks nepilda bankrota vai saistību dzēšanas procedūrā paredzētos pienākumus, būtiski apgrūtinot maksātnespējas procesa efektīvu norisi. Pēc autoru domām, grozījumi vērtējami pozitīvi, jo iepriekš likumā netika paredzētas sankcijas gadījumam, kad parādnieks nepildīja ar likumu noteiktos pienākumus. Fizisko personu maksātnespējas procesā, atšķirībā no juridisko personu maksātnespējas procesiem administratoram jāvērs uzmanība arī parādnieka slēgtajam laulību līgumam. Ja trīs gadu periodā pirms maksātnespējas procesa pasludināšanas ir ticis noslēgts laulību līgums par visas mantas šķirtību, uz kura noteikumu pamata samazināts parādnieka mantas apjoms, tad administratoram būtu jāceļ tiesā prasība par šāda

darījuma apstrīdēšanu, jo ar to ir tikuši nodarīti zaudējumi parādnieka kreditoriem. Atšķirībā no juridiskās personas maksātnespējas procesa, vērtējot kopsakarā 144. panta un 153. panta normas, secināms, ka šāds regulējums netieši piedāvā izvēles tiesības vai nu apstrīdēt parādnieka slēgtos darījumus un tādējādi turpināt bankrota procedūru, pēc bankrota procedūras pabeigšanas pārejot uz saistību dzēšanas procedūru, vai arī neapstrīdēt darījumus, pabeigt bankrota procedūru, nepasludinot saistību dzēšanas procedūru, kā rezultātā parādnieks netiek atbrīvots no atlikušajām saistībām, kas nav segtas bankrota procedūras ietvaros.

Fiziskās personas maksātnespējas procesam raksturīgs nosacīts dispozitivitātes princips, jo pieteikumu par procesa uzsākšanu ir tiesīgs iesniegt vien pats parādnieks, nevis kāds no parādnieka kreditoriem. Par nosacītu šo principu var dēvēt tādēļ, ka uzsāktās izpildu lietvedības par parāda piedziņu no parādnieka liedz pilnvērtīgi izmantot visas ar likumu paredzētās tiesības - parādniekam nav iespējams saņemt savu darba algu pilnā apmērā, iegādāties nekustamos īpašumus, mantu, atsavināt to, un tml. Tādējādi parādnieks nolūkā atgūt tiesības brīvi rīkoties ar savu mantu zināmā mērā tomēr ir spiests uzsākt maksātnespējas procedūru. Taču, kamēr parādnieka kreditori pie zvērinātiem tiesu izpildītājiem nav vērsušies, parādnieka rīcība un līdzekļi nekādā veidā nevar tikt ierobežoti. Tādējādi dispozitivitātes princips ļauj parādniekam uzsākt maksātnespējas procedūru brīvi izvēlēta laika posmā un likuma normas neliedz parādniekam sagatavoties maksātnespējas procedūras norisei, atsavināt sev piederošo mantu un nogaidīt Maksātnespējas likumā noteikto aizdomu perioda termiņu un tikai pēc tam iesniegt tiesā pieteikumu par procesa uzsākšanu. Tieši šādu iemeslu dēļ darījumu apstrīdēšanu fizisko personu maksātnespējas procesos nav iespējams pilnvērtīgi piemērot. Pēc autoru domām, darījumu apstrīdēšana fiziskās personas maksātnespējas procesā daļēji ir pretrunā ar maksātnespējas procesa efektivitātes principu.

Secinājumi un priekšlikumi

Autori izvirza aprobēšanai sekojošus

secinājumus un dažus priekšlikumus:

1. Maksātnespējas process ir nepieciešams institūts tiesiskuma nodrošināšanai sabiedrībā. Ar tā palīdzību tiek stabilizēta ekonomiskā vide, kā arī veicināta konsekvanta darījumu slēgšanas prakse. Darījumu apstrīdēšana līdzās mantas pārdošanai ir viens no galvenajiem elementiem maksātnespējas procesa norisē, kas ir cieši saistīts ar kreditoru interešu aizsardzību. Maksātnespējas likuma 17. nodaļas piemērošana praksē atrodas nepārtrauktā korelācijā ar vispārējām un speciālām tiesību normām, kā arī dažādām atšķirīgām dzīves situācijām un tiesu praksi šo normu piemērošanā. Tiesu praksē tiesību normu piemērošana nenotiek vienveidīgi, tas savukārt raisa atkārtotus un ilgstošus strīdus par vieniem un tiem pašiem jautājumiem.

2. Darījumu izvērtēšana ir laikietilpīgs un sarežģīts process, kas prasa speciālas zināšanas un iemaņas, un ir it sevišķi būtiski to piemērot, ja tiek konstatēts, ka parādniekam nav mantas, no kā segt kreditoru prasījumus. Tā kā darījumu apstrīdēšana pēc savas būtības ir saistīta ar tiesvedību, nav iespējams panākt „ātru” procesa norisi. Tas savukārt nonāk pretrunā ar pamatnostādnēs pausto maksātnespējas tiesību politikas mērķi. Darījumu apstrīdēšanas institūta sekmīgas piemērošanas īstenošana būtu jāiekļauj maksātnespējas tiesību politikas atbilstības plānā, paredzot darījumu apstrīdēšanu kā būtisku maksātnespējas procesa sastāvdaļu, ko nepieciešams stiprināt un attīstīt.

3. Darījumu apstrīdēšanas institūts maksātnespējas tiesībās ir cēlies no vispārējām civiltiesībām. Darījumu apstrīdēšana aptver plašu civiltiesību normu klāstu un ir viens no svarīgākajiem pamatiem savu aizskarto tiesību aizstāvēšanai. Vispārējās civiltiesību normas, kas attiecināmas uz darījumu apstrīdēšanu, piemērojamas tik tālu, cik tālu tās nav pretrunā ar speciālajām tiesību normām.

4. Civiltiesībās tiek izšķirti spēkā neesoši darījumi un apstrīdami darījumi, no kuriem pirmie tiek atzīti par spēkā neesošiem no to noslēgšanas brīža, bet pēdējie no brīža, kad darījums tiek apstrīdēts. Maksātnespējas tiesībās tāds darījums, ar kuru nodarīti zaudējumi kreditoriem, ir atzīstams par spēkā neesošu

no tā noslēgšanas brīža.

5. Nodarīti zaudējumi ir obligāts priekšnoteikums darījumu apstrīdēšanai maksātnespējas procesā un zaudējumu nodarīšanas fakts var būt pastāvīgs pamats darījuma atzīšanai par spēkā neesošu, nevērtējot papildus darījuma tiesiskumu no vispārējo civiltiesību viedokļa. Maksātnespējas likums nesatur zaudējumu definīciju, kā arī zaudējumu apmēra noteikšanas kārtību.

6. Autori ierosina nostiprināt tiesu praksē secināto un iekļaut zaudējumu definīciju Maksātnespējas likumā.

7. Maksātnespējas likumā noteiktā darījumu apstrīdēšanas termiņa (aizdomu perioda) pārkāpums ir patstāvīgs pamats prasības noraidīšanai, tādējādi tiek ierobežotas administratora iespējas veikt darījumu apstrīdēšanu ārpus likumā noteiktā ierobežojuma, pat ja ar darījumu ir nodarīti zaudējumi kreditoriem. Autori ierosina izskatīt iespēju atjaunot individuālas maksātnespējas iestāšanās dienas noteikšanu maksātnespējas procesos.

8. Direktīvā 2002/47/EK un Finanšu nodrošinājuma likumā[13] noteiktā finanšu ķīlas prioritāte ir pretēja maksātnespējas procesa mērķim. Autori secina, ka ir nepieciešams stiprināt tiesisko noteiktību un stabilitāti maksātnespējas tiesībās un izdarīt attiecīgus grozījumus normatīvajos aktos, nosakot administratoram tiesības apstrīdēt arī finanšu ķīlas līgumus, ja tie noslēgti noteiktā laikā pirms maksātnespējas procesa pasludināšanas un ar tiem nodarīti zaudējumi kreditoriem.

9. Maksātnespējas likuma 97. panta pirmās daļa, 118. panta un Civillikuma 1927. panta piemērošanā konstatējamās pretrunas, kas var radīt sarežģījumus gadījumos, kad saskaņā ar Civillikuma normām būtu atprasāma tikai daļa no atdāvinātās mantas. Autori secina, ka ir nepieciešams noteikt, ka administratoram ir tiesības prasīt visas dāvinātās mantas atdošanu, veikt tās pārdošanu un no saņemtajiem līdzekļiem segt maksātnespējas procesa izmaksas, kā arī kreditoru prasījumus, bet atlikušos līdzekļus, ja tādi ir, atgriezt apdāvinātajam.

10. Fiziskās personas maksātnespējas

procesa regulējums netieši piedāvā izvēles tiesības apstrīdēt parādnieka slēgtos darījumus un tādējādi turpināt bankrota procedūru, pēc bankrota procedūras pabeigšanas pārejot uz saistību dzēšanas procedūru, vai arī neapstrīdēt darījumus un pabeigt bankrota procedūru, nepiemērojot saistību dzēšanas procedūru, tomēr šāda iespēja nav tieši nostiprināta normatīvajā aktā.

11. Fiziskās personas maksātnespējas procesam raksturīgs dispozitivitātes princips, kas ļauj parādniekam uzsākt maksātnespējas procedūru brīvi izvēlētā laika posmā un attiecīgi sagatavoties maksātnespējas procedūras norisei un iesniegt tiesā pieteikumu par procesa uzsākšanu pēc darījumu apstrīdēšanas noilguma termiņa notecēšanas.

12. Darījumu apstrīdēšana fiziskās personas maksātnespējas procesā daļēji ir pretrunā ar maksātnespējas procesa efektivitātes principu, jo uzsākto tiesvedību kopējais ilgums var pārsniegt pat saistību dzēšanas procedūras termiņu, tādējādi ierobežojot parādnieka tiesības nesamērīgi ilgu laika posmu. Administratora uzsāktās tiesvedības fiziskās personas maksātnespējas procesā par darījumu apstrīdēšanu būtu izskatāmas, nozīmējot ātrāku lietas izskatīšanu, pēc analogijas piemērojot Civilprocesa likuma[14] 149. panta desmito daļu.

13. Apstrīdot darījumu fiziskās personas maksātnespējas procesā, kur viena no darījuma pusēm ir pats parādnieks, jāņem vērā, ka parādnieks var nebūt vienās domās ar administratoru par darījuma apstrīdēšanas nepieciešamību, tādējādi, lai būtu iespējams nodrošināt objektīvu lietas apstākļu izvērtēšanu, parādnieks ir pieaicināms lietā atbildētāja statusā.

14. Fiziskās personas maksātnespējas procesā nepieciešami preventīvi pasākumi nolūkā mazināt fiktīvu kreditoru prasījumu pieteikšanu un atzīšanu. Fiktīva aizdevuma līguma noslēgšanas gadījumā iespējama fiziskās personas audits un tam sekojošais precizētais iedzīvotāju ienākuma nodokļa aprēķins (par neeksistējošu aizdevumu) varētu atturēt personas no šāda veida darījumu slēgšanas.

Normatīvo aktu un literatūras avotu saraksts

1. VK: Maksātnespējas jomai vairs nepietiek ar kosmētiskiem labojumiem, laiks pārdomām, būtiskām reformām. Pieejams <http://www.lrvk.gov.lv/vk-maksatnespejas-jomai-vairs-nepietiek-ar-kosmetiskiem-labojumiem-laiks-pardomatam-butiskam-reformam/> (aplūkots 24.04.2018)
2. Jauja H. Tiesu prakse darījumu apstrīdēšanā maksātnespējas procesu ietvaros. 26.10.2016 semināra materiāli. (Nav publicēts.)
3. Balodis K. Ievads civiltiesībās. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007. 185.186.lpp.
4. Loboda K. Nekustamā īpašuma ieguvēja labticība//Jurista Vārds. Nr. 47 (899). 01.12.2015.28.lpp.
5. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta 18.04.2012 spriedums SKC-136/2012.
6. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu tiesu palātas 2013. gada 16. decembra spriedums lietā Nr. C04428812
7. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2016. gada 30. jūnija spriedums lietā nr. C30576012.
8. Novicāne E. Valdes locekļa atbildība par dokumentu nenodošanu maksātnespējas procesa ietvaros.//Jurista Vārds. 03.03.2015. Nr.9 (861).
9. Civillikums. Latvijas Republikas likums. Pieņemts 28.01.1937. Spēkā no 01.09.1992. Valdības Ziņotājs Nr.41,20,02,1937. Ar pēdējiem grozījumiem 29.10.2015.
10. Maksātnespējas likums. Pieņemts 26.07.2010. Spēkā no 01.11.2010. Latvijas Vēstnesis, Nr.124,06.08.2010.Ar pēdējiem grozījumiem 06.01.2017.
11. Zemesgrāmatu likums. Latvijas Republikas likums. Pieņemts 22.12.1937. Spēkā no 05.04.1993. Ziņotājs Nr.16, 29.04.1993. Likumu un noteikumu krātuve Nr.38, 30.12.1937. Ar pēdējiem grozījumiem līdz 01.01.2017.
12. Eiropas Parlamenta un Padomes Regula (Es) 2015/848. Pieņemta 2015. gada 20. maijs. Spēkā no 25.26.2015. Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis | L 141/19,05.06.2015.
13. Finanšu nodrošinājuma likums. Pieņemts 21.04.2005.Spēkā no 20.05.2005. Ziņotājs. Nr.11, 09.06.2005.Ar pēdējiem grozījumiem 13.10.2017.
14. Civilprocesa likums. Pieņemts 14.10.1998. Spēkā no 01.03.1999. Ziņotājs Nr.23, 03.12.1998. Ar pēdējiem grozījumiem 01.07.2018.

References

1. VK: Insolvency is no longer enough for cosmetic repairs, time for reflection, major reforms. Available at <http://www.lrvk.gov.lv/vk-maksatnespejas-jomai-vairs-nepietiek-ar-kosmetiskiem-labojumiem-time-pardomatam-butiskam-reformam/> (viewed on 10/23/2016)
2. Jauja H. Judicial practice in challenging business in the context of insolvency proceedings. October 26, 2011 workshop materials. (Not published.)
3. Balodis K. Introduction to Civil Law. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007. 185.186p.
4. Loboda K. Goodwill Winner of Real Estate // Jurista Vārds. No. 47 (899). 01.12.2015.28.
5. Judgment SKC-136/2012 of the Civil Cases Department of the Supreme Court Senate of the Republic of Latvia, dated 18/04/2012.
6. Judgment of the Chamber of Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Latvia of 16 December 2013 in case No. C04428812
7. Judgment of the Civil Division of the Supreme Court of the Republic of Latvia of 30 June 2016 in case no. C30576012.
8. Novicāne E. Responsibility of the Member of the Board for not transferring documents in the context of insolvency proceedings. March 3, 2015 No. 9 (861).
9. Civil Law. Law of the Republic of Latvia. Accepted on January 28, 1937. Effective from 01.09.1992. Government Reporter No. 41, 20,02,1937. Last modified 29.10.2015.
10. Insolvency Law. Adopted on July 26, 2010. Effective from 01.11.2010. Latvijas Vēstnesis, Nr.124.06.08.2010. With the latest amendments 06.01.2017.
11. Land Book Law. Law of the Republic of Latvia. Adopted on December 22, 1937. Effective from 05.04.1993. Report No 16, 29.04.1993. Law and regulations warehouse No.38, 30.12.1937. With the most recent amendments by 01.01.2017.

12. REGULATION (EU) OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL 2015/848. Accepted on May 20, 2015. Effective from 25.26.2015. Official Journal of the European Union L 141/19 05/06/2015.

13. Financial Collateral Law. Adopted on April 21, 2005 in force from 20.05.2005. The rapporteur No.11, 09.06.2005. With the latest amendments dated 13.10.2017.

14. Civil Procedure Law. Apr 14, 1998 Effective from 01.03.1999. Rapporteur No.23, 12.3.1998. Last modified on 07/01/2018.

*Oļesja Lapteva, maģistrante
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija*

Uzturlīdzekļu bērna uzturam piespiedu piedziņa

Anotācija. Rakstā aplūkota tāda institūta būtība kā uzturlīdzekļi, un tieši bērna uzturlīdzekļi. Tiek izdalīti visbiežāk izmantotie uzturlīdzekļu piespiedu piedziņas veidi. Izskatīti atsevišķi problēmas jautājumi par naudas līdzekļu piespiedu piedziņu un sniegti priekšlikumi tiesisko regulējumu naudas līdzekļu piespiedu piedziņas pilnveidošanai

Atslēgas vārdi: uzturlīdzekļi, parāds, piespiedu piedziņas process, tiesu izpildītājs, darba alga.

*Olesya Lapteva, Master's student
Baltic International Academy
Latvia*

Enforcement of child support payments

Abstract. The article reviews the essence of such an institution as support payments, specifically child support payments. The main types of forced recovery are outlined and specific problematic issues of forced funds recovery reviewed. Some suggestions to improve the legal regulation of forced funds recovery for children keeping costs are given.

Keywords: support payments, debt, enforcement process, bailiff, salary.

*Олеся Лаптева, магистрант
Балтийская Международная Академия
Латвия*

Принудительное взыскание денежных средств на содержание ребенка

Аннотация. В статье рассмотрена сущность такого правового института, как средства на содержание, а конкретно - средства на содержание ребенка. Выделены основные виды принудительного взыскания. Рассмотрены отдельные проблемные вопросы принудительного взыскания денежных средств и даны предложения по совершенствованию правового регулирования принудительного взыскания денежных средств на содержание ребенка.

Ключевые слова: средства на содержание, задолженность, процесс принудительного взыскания, судебный исполнитель, заработная плата.

Права ребенка признаются приоритетными и неотъемлемыми на международном уровне, так и национальных. Одной из первых попыток защитить права ребенка на всеобщем уровне можно считать Женевскую декларацию о правах ребенка, которая была принята 26 ноября

1924 года Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве. В Декларации был сделан акцент на экономические и социальные права ребенка, предусматривая то, что ответственность за соблюдение данных прав ложится на плечи родителей.

Следующим шагом на международном уровне в области защиты прав ребенка считается принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1959 году Декларация прав ребёнка [1]. В данной Декларации провозглашены социальные и правовые принципы, которые затрагивают защиту и благополучие ребенка. В Декларации закреплены 10 основополагающих принципов, соблюдать которые призваны не только родители, но и другие физические и юридические лица, в том числе государство, разрабатывая такие законодательные акты, в которые были бы включены данные принципы.

20 ноября 1989 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция о правах ребенка [2]. Данная Конвенция является самым ратифицированным международным договором в области прав человека. Латвия ратифицировала данный документ 14 мая 1992 года. Определенные в Конвенции о правах ребенка правовые принципы и правила были закреплены в принятом 19 июня 1998 года Законе о защите прав детей [3] и в других национальных нормативных актах.

Согласно вышеупомянутому нормативному акту, задачей настоящего закона является определение прав и свобод ребенка, а также и их защита с учетом того, что ребенку как физически и интеллектуально незрелому лицу необходима особая защита и забота. Данный закон определяет ребенка, как лицо, не достигшее 18-летнего возраста, за исключением тех лиц, которые, согласно закону объявлены совершеннолетними или вступили в брак до достижения 18-летнего возраста.

Для соблюдения этих прав и свобод, обязанностью государства является обеспечение каждого ребенка полноценной жизнью в социальной, физической и

эмоциональной области, а также, разработка нормативно-правового регулирования, в котором императивно установлены шаги для обеспечения этих принципов, и ответственность в случае их несоблюдения.

Защиту прав ребенка, в первую очередь, обеспечивают родители ребенка (усыновитель, приемная семья и опекуны). Одним из главных принципов защиты ребенка считается обязанность родителей заботиться и содержать своего ребенка. Данный принцип закреплен с статьей 179 Гражданского закона Латвийской Республики [4].

Обычно обязанность по содержанию детей исполняется родителями без принуждения, при этом родители самостоятельно определяют порядок и размер содержания детей. Однако, такой аспект, как добровольное содержание ребенка, не всегда имеет место в современном обществе. Получение средств на содержание ребенка возможно как согласно добровольному соглашению сторон, соглашению, оформленному в нотариальном порядке, так и в соответствии с судебным решением.

Наличие добровольного соглашения или решения суда об уплате средств на содержание ребенка не является гарантией того, что данная обязанность будет своевременно выполняться плательщиком, а ребенок будет получать ежемесячное материальное обеспечение. О существовании данной трудности ранее высказал свое мнение профессор, доктор юридических наук Владимир Буковский, который обозначил то, что «Судебное решение, которым требование удовлетворено, даже если оно вступило в законную силу, не имеет никакого практического значения, если его нельзя исполнить» [5]. Данное мнение остается актуальным и в настоящее время. То есть, не имеет значение, в какой форме определена обязанность выплаты средств на содержание, но если обязанность не исполняется должным образом, то цель – обеспечить ребенку средства на содержание не является достигнутой.

В случаях, когда выплаты средств на содержание ребенка не производятся добровольно, у лица есть право использовать

предусмотренные в нормативных актах принудительные средства для защиты своих прав.

Эффективная реализация в исполнительном производстве права на получение средств на содержание своевременно и в полном размере, является определяющим средством реального восстановления нарушенного права, подлежащего судебной защите.

Исполнительное производство представляет собой урегулированную правом, упорядоченную законом и иными нормативными актами, санкционированную государством и обеспеченную силой государственного принуждения совокупность процессуальных действий, направленных на своевременное и полное фактическое исполнение требований, содержащихся в исполнительных документах.

В настоящее время развитие правовых механизмов взыскания в исполнительном производстве средств на содержание детей – один из наиболее проблемных вопросов, требующих анализа и законодательного совершенствования с учетом их процессуальных особенностей, интересов детей и современных экономических условий.

Без хорошо отлаженного государственного механизма и эффективной законодательной базы невозможно исполнить надлежащим образом и в кратчайшие сроки требования, содержащиеся в исполнительных документах. И в этом случае любой властный акт государственного органа, в том числе и суда, будет иметь декларативный характер.

Нормативные акты, связанные с реализацией процесса принудительного взыскания задолженности средств на содержание ребенка, должны предлагать правильные решения, так как от этого часто зависит обеспечение жизненных нужд и благополучие наименее социально защищенных граждан. Особую актуальность принудительное взыскание денежных средств на содержание ребенка приобрело в современный период. Это можно объяснить, прежде всего, снижением материального уровня жизни большинства граждан,

увеличением количества детей, рожденных от матерей, не состоящих в зарегистрированном браке. Все это влечет за собой материальную незащищенность несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Процесс принудительного взыскания денежных средств на содержание ребенка определен в части Е Гражданского процессуального закона [6].

Проблема заключается в том, что сложившаяся к настоящему времени система организационно – правовых норм взыскания денежных средств на содержание ребенка не обеспечивает требуемого повышения уровня своевременной и полной уплаты средств на содержание ребенка. Задолженность по средствам на содержание ребенка остается достаточно высокой.

Рассмотрев статистику о деятельности судебных исполнителей в Латвии, как одного из субъектов процесса принудительного взыскания, можно сделать вывод о том, что необходимо усовершенствовать процесс принудительного взыскания долга средств на содержание. Согласно статистическим данным, в период времени с 2013 по 2017 годы, количество дел о принудительном взыскании средств на содержание увеличилось [7].

Количество прекращенных дел не изменяется пропорционально по отношению к количеству поданных заявлений, в то время как количество дел, поданных на рассмотрение возрастает.

Направление взыскания на имущественные средства должника часто является неэффективным, так как должник предпринимает различные действия для избежания оплаты долга, в том числе, скрывает фактические доходы, либо выбирает трудоустройство вне территории Латвийской Республики.

В результате анализа совокупности правовых норм, регулирующих в исполнительном производстве процесс принудительного взыскания средств на содержание детей, правоприменительная практика судов и судебных исполнителей по реализации этих норм, были сделаны следующие выводы:

1. Для эффективного исполнения решения о принудительном взыскании задолженности средств на содержание, взыскание может быть направлено на оплату труда, приравненные к ней платежи и другие денежные суммы. Данный вид является не только самым применимым, но и наиболее подходящим видом взыскания.

Однако, одной из проблем является то, что в нормативных актах не определен процесс взыскания направленного на оплату труда в случаях занятости должника на нескольких рабочих местах. Возникает вопрос от том, что при получении доходов в нескольких местах, у должника должен сохраняться определенный размер от минимальной месячной заработной платы, определенный законодателем на одном месте работы или на всех одновременно. Однако, при решении вопроса о сохранении определенного размера от минимальной месячной заработной платы не должны нарушаться права ни взыскателя, ни должника.

Поэтому, при составлении распоряжения для должников, которые работают на нескольких рабочих местах и имеют постоянные доходы, судебный исполнитель мог бы дополнить объем запрашиваемой информации в государственных институтах, например, Службе государственных доходов. В настоящее время Служба государственных доходов предоставляет информацию только о месте работы должника, но не о размере его доходов. Было бы целесообразно судебному исполнителю сотрудничать со Службой государственных доходов, запрашивая информацию о размере доходов должника. Судебный исполнитель, имея такую информацию, мог бы более эффективно работать в области взыскания задолженности, направленной на оплату труда для обеспечения средств на содержание.

Как результат, было бы реально возможным выслать распоряжения на рабочие места с указанием на сохранение за должником оплаты труда в размере 50% от минимальной месячной заработной платы и приравненных к ней платежей и сохранением на каждого находящегося на попечении несовершеннолетнего ребенка

средств в размере государственного пособия по социальному обеспечению на одно из рабочих мест, и соответственно, с указанием сохранения средств только на каждого находящегося на попечении несовершеннолетнего ребенка средств в размере государственного пособия по социальному обеспечению на другие рабочие места.

2. Еще одной проблемой в области принудительного взыскания, направленного на оплату труда должника, является возможная договоренность должника и его работодателя о расторжении трудовых отношений на короткий срок после получения на рабочее место исполнительного документа.

В связи с этим, было бы целесообразно разработать регулирование в Гражданском процессуальном законе, закрепив положение о том, что в случае, если должник прекратил трудовые отношения, распоряжение судебного исполнителя является обязательным для работодателя в течении 6 месяцев после прекращения трудовых отношений.

3. Если оценивать определенный в Гражданском процессуальном законе порядок взыскания денежных средств должника в кредитных учреждениях, одним из наиболее спорных нюансов является объем денежных средств, сохраняемых для должника. Размер сохраняемых денежных средств в статье 599 Гражданского процессуального закона оговорен со ссылкой на пункт 3 приложения 1 Гражданского процессуального закона. Данный пункт приложения предусматривает, что взысканию по исполнительным документам о взыскании средств на содержание несовершеннолетних детей не подлежат деньги в размере 50 процентов минимальной месячной заработной платы на должника, каждого члена его семьи и находящегося на его иждивении лиц.

Принимая во внимание формулировку статьи 599 Гражданского процессуального закона и указанную отсылку к пункту 3 приложения 1 Гражданского процессуального закона, часто возникает ошибочное мнение, что, направляя распоряжение в кредитное

учреждение, должнику сохраняются денежные средства не только в том размере, который полагается должнику, но и на каждого члена его семьи и находящееся на его иждивении лиц в размере пособия по государственному социальному обеспечению.

Так, например, суд Земгальского предместья г. Риги 02 апреля 2014 года рассмотрел дело № С32344013 о жалобе на действия судебного исполнителя. В основе жалобы - действия судебного исполнителя, направившего распоряжение в кредитное учреждение с указанием сохранения должнику средств в размере 50% от минимальной месячной заработной платы. Истец считает, что дополнительно ему надо сохранить денежные средства также на каждое находящееся на его иждивении лицо в размере государственного пособия по социальному обеспечению [9]. Однако, суд присоединился к изложенным в юридической литературе разъяснениям о том, что данное ограничение относится только к размеру сохраняемых денежных средств на должника и не распространяется на членов семьи должника и находящихся на его иждивении лиц.

Изменения в данной статье необходимы и актуальны, так как подходы к интерпретации данной статьи различны. Этот факт является основанием для заявлений и жалоб о сохранении размера денежных средств должнику. То есть, необходимо внести ясность в пункт 3 статьи 599, закрепив в ней положения о том, что в делах о взыскании средств на содержание несовершеннолетних детей сохраняются денежные средства в размере 50% от минимальной месячной заработной платы на должника без ссылки на пункт 3 приложения 1 Гражданского процессуального закона. Такое изменение было бы ясным и не вызывало бы у должника сомнений в том, что, возможно, судебный исполнитель применил норму не в соответствии с законом.

4. Проблемы взыскания, направленного на денежные средства должника в кредитных учреждениях, не ограничиваются только объемом сохраненных денежных средств.

Так как, согласно статье 599 Гражданского процессуального закона, в настоящий момент

регулирование в отношении исполнения распоряжения судебного исполнителя, направленного в кредитное учреждение, определяет, что распоряжение действует только в том случае, если у должника уже существует счет в конкретном банке.

Однако на практике может возникнуть ситуация, когда должник через некоторое время опять открывает счет в данном банке, либо становится его клиентом в первый раз. Так как, распоряжение судебного исполнителя уже было оставлено без исполнения и о том, что у должника появился счет в банке судебный исполнитель узнает только при очередной проверке должника, необходимо определить то, что распоряжение судебного исполнителя является обязательным для банка и на открытые должником в будущем счета в течении 6 месяцев.

5. Кроме того, не оговорен конкретный срок исполнения банком распоряжения судебного исполнителя. В настоящее время существует формулировка «незамедлительное исполнение». В ситуации, когда банки не произвели незамедлительный арест счетов должника, что привело к несвоевременному перечислению денежных средств на депозитный счет судебного исполнителя или перечисление вообще не произошло, не считается, что банк не выполнил распоряжение судебного исполнителя. Для того, чтобы избежать разной интерпретации вышеуказанного срока, в Гражданском процессуальном законе необходимо определить конкретный срок для исполнения распоряжения судебного исполнителя.

По мнению автора, такой срок мог бы быть определен как тот рабочий день, когда было получено распоряжение.

Также, спорным вопросом является формулировка, закрепленная в пункте 3 статьи 599 выражение «Если должник имеет вклад в кредитном учреждении». Для того, чтобы не было основания оценивать, являются ли денежные средства вкладами или другими денежными средствами, принадлежащими должнику и находящимися на расчетном счете в кредитном учреждении. Кроме того, принимая во внимание то, что взыскание

направляется не только на вклады в кредитных учреждениях, но и на счета заработной платы, и другие расчетные счета, было бы целесообразно дополнить формулировку «вклады в кредитных учреждениях» фразой «и прочие денежные средства».

Список использованных источников

1. Bērnu tiesību deklarācija, Pasludinājusi Apvienoto Nāciju Organizācijas Ģenerālā Asambleja 1959. gada 20. novembrī. <http://www.humanrights.lv/doc/vispaar/berndekl.htm>.
2. ANO Bērnu tiesību Konvencija., spēkā no 02.09.1990.,pievienošanās 14.05.1992., „Latvijas Vēstnesis”, 237(5297), 28.11.2014.
3. Bērnu tiesību aizsardzības likums, Latvijas Republikas likums.,19.06.1998., spēkā no 22.07.1998., “Latvijas Vēstnesis”, 199/200(1260/1261), 08.07.1998.,”Ziņotājs”, 04.08.1998.
4. Civillikums, Latvijas Republikas likums.,20.02.1937.,stājas spēkā no 01.09.1992., „Valdības Vēstnesis”, 41, ar grozījumiem uz 29.10.2015., stājas spēkā 03.12.2015.
5. Bukovskis V. Civīlprocesa grāmata. – Jelgavas tipogrāfija, atkārtoti izdots 2015.
6. Civilprocesa likums, Latvijas Republikas likums.,14.10.1998., stājas spēkā no 01.03.1999., “Latvijas Vēstnesis”, 326/330(1387/1391), 03.11.1998., „Ziņotājs”, 23, 03.12.1998., ar grozījumiem uz 08.12.2016., stājas spēkā 04.01.2017.
7. Latvijas zvērinātu tiesu izpildītāju padomes statistika., <http://www.lzti.lv/lv/statistika>.
8. Rīgas pilsētas Ziemeļu rajona tiesas 2014.gada 02.aprīļa spriedums lietā Nr. C32344013.
9. Autoru kolektīvs Prof. K.Torgāna zinātniskajā redakcijā. Civilprocesa likuma komentāri III daļa (61.-86. nodaļa), Rīga: Tiesu nama aģentūra., 2014.

References

1. Declaration of the Rights of the Child. Declared by the United Nations General Assembly on 20, November 1959. <http://www.humanrights.lv/doc/vispaar/berndekl.htm>.
2. Convention on the Right of the Child. in force from 02.09.1990, accession 14. 05.1992, „Latvijas Vēstnesis”, 237(5297), 28.11.2014.
3. Protection of the Rights of the Child Law. Law of the Republic of Latvia, in force from 22.07.1998., “Latvijas Vēstnesis”, 199/200(1260/1261), 08.07.1998.,”Ziņotājs”, 04.08.1998.
3. Civil Law. Law of the Republic of Latvia, in force from 01.09.1992., „Valdības Vēstnesis”, 41, with amendments on 29.10.2015, in force from 03.12.2015.
4. Bukovskis V. Civil Procedure Book. Jelgava Printing-House, republished 2015.
5. Civil Procedure Law. Law of the Republic of Latvia., 14.10.1998., in force from 01.03.1999, “Latvijas Vēstnesis”, 326/330(1387/1391), 03.11.1998., „Ziņotājs”, 23, 03.12.1998., with amendments on 08.12.2016., in force from 04.01.2017.
6. Statistics of the Council of Latvian Sworn Bailiffs. Available: <http://www.lzti.lv/lv/statistika>.
7. Judgment of the Ziemeļu District Court of the City of Riga, 2 April 2014, case No. C32344013.
8. Comments of the Civil Procedure Law. Part III (Chapters 61-86). Collective of authors, scientific ed. Prof. K.Torgāns. Riga: Court House Agency, 2014.

*Nikolai Sambor, Candidate of Legal Sciences
Chief of Monitoring Section of Priluki Police Division at
National Police Headquarters of Tchernigov District
Ukraine*

Right to exercise the freedom of peaceful assembly: the scope of implementation and interpretation in the present-day world

Abstract. The article deals with the legal regulation of the implementation of the right to peaceful assembly in the context of the globalization of law in modern society. Fundamental international documents in the field of human rights are analyzed, the norms of which establish the procedure for exercising the right to peaceful assembly. The position that the right to peaceful assembly belongs to a person regardless of his sex and age is upheld. The right to peaceful assembly is, by its nature, a complex right, which, along with everything, allows one to assert the existence of freedom, the rule of law.

Keywords: law, right to peaceful assembly, international documents, implementation.

*Николай Самбор, к.ю. н.
Начальник сектора мониторинга Прилукского отдела полиции
Главного управления Национальной полиции Черниговской области
Украина*

Право на мирные собрания: сфера осуществления и понимания в современном мире

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование осуществления права на мирные собрания в условиях глобализации права в современном обществе. Анализируются фундаментальные международные документы в отрасли прав человека, нормы которых устанавливают порядок осуществления права на мирные собрания. Отстаивается позиция о том, что право на мирные собрания принадлежит человеку независимо от его пола и возраста. Право на мирные собрания – это сложное по своей природе право, которое наряду со всем, позволяет утверждать о существовании свободы, верховенства права.

Ключевые слова: право, право на мирные собрания, международные документы, осуществление.

Постановка проблемы.

Право на мирные собрания пребывает в центре внимания современных исследователей правовой действительности. Это право прошло через ряд исторических этапов становления данного права человека

и его развития, как в практической плоскости его осуществления, так и в правовой плоскости закрепления. Сегодня право на мирные собрания выступает неким лакмусом целостного представления о состоянии прав человека в государстве. Таким образом, право

на мирные собрания приобретает некий консолидированный характер для общего понимания о правах человека. Специальные докладчики Организации Объединенных Наций неоднократно в своих отчетах резюмировали о состоянии прав человека на основании осуществления права на мирные собрания.

В действительности, в интересах правительства разрешить свободу мирных собраний как предохранительный клапан, который защищает от более серьезных потрясений в обществе. Люди, которые не имеют возможности выразить свое недовольство мирным способом, в большей мере склонны выразить его в насильственной форме или найти утешение в экстремистской идеологии. Правительству необходимо осознать, что свободное осуществление права на свободу мирных собраний – это уникальная возможность понять душу народа и трудности, с которыми он сталкивается. Свободное осуществление права на мирные собрания дает власти важные сведения о том, с какими проблемами сталкивается население, которое приобретает особенное значение в стране. Нет лучшего способа узнать потребности людей, и нет лучшей системы сдерживания и противовесов для местных органов власти [1, с. 68-69]. На наш взгляд, такое понимание международным сообществом права на мирные собрания ни чуть не является чрезмерно преувеличенным. Сегодня в международном пространстве преобладают тенденции объединения, консолидации обществ, правовых традиций, формирования единых общепринятых взглядов, которые не навязываются, а становятся доступными и воспринятыми вследствие стремления человечества к свободе, гарантирующей развитие и устранение всякого неправомерного вмешательства в права, свободы и интересы человека со стороны государственных органов и иных лиц, важно, однако, не допустить злоупотребления такой свободой.

Прогресс общества сопровождается переходом от большого количества сообществ к постепенному единству, усилением тенденции к интернационализации общественной жизни.

Существует точка зрения, отмеченная в международно-правовой литературе, о том, что существование глобальных проблем, с которыми сталкивается человечество, обуславливает допустимость и возможные пределы сверхгосударственности. Глобального сверхгосударственного регулирования требуют те проблемы, которые имеют отношение к интересам всего международного содружества [2, с. 296]. Бесспорным, в этом контексте являются права человека, которые не имеют и не могут иметь границ. Осуществление прав человека, в том числе и права на мирные собрания должно быть гарантировано независимо от государственных границ, а правовые начала их осуществления, ограничения должны стать абсолютным для мирового сообщества. В международном масштабе государства и народы полны стремления к объединению, глобализации.

Анализ последних публикаций.

Теория правовой глобалистики представляет собой новое перспективное научное направление, возникшее на стыке общей теории государства и права, международного права, политологии, социологии и экономики. Глобалистика – это объективно существующий период развития человеческой цивилизации, обусловленный возникновением и осознанием общепланетарных проблем, затрагивающих основы ее существования, а также поиском способов и методов их разрешения через создание устойчивой социальной модели ее развития. [3, с. 8].

Глобальное право формируется на фундаменте правовых традиций прогрессивной (западной) цивилизации, которая родилась в европейском регионе на основе мутаций традиционных культур – античного полиса и европейского христианского средневековья. Национальные правовые системы, глобализуясь, рецептируют формы прогрессивной (западной) традиции права, но не его содержание. При этом без гармоничного их сочетания получить единое глобальное право не представляется возможным. Данное противоречие можно разрешить

через интегративное правопонимание, которое позволит показать право во всем его многообразии и сложности [3, с. 9].

Современные исследования права на мирные собрания, как правило, обособляются анализом национального законодательства или международных правовых норм. Указанным проблемам посвятили свои исследования Фулей Т. (Fuley T. Right to Freedom of Peaceful Assembled: European Standards and Their Implementation by the Appellate Courts in Ukraine. 2009), Денисова М. (Denisova M. Legal Prohibition of the Realization of the Constitutional Right on Peaceful Assemblies in Ukraine. 2010), Ярмол Л. (Yarmol L. The right to freedom of peaceful assembly: to clarify the general theoretical characteristics, 2016), Долинный А. (Dolynnyi A.V. Administrative and Legal Ensuring of Public Safety and Order by the National Police of Ukraine., 2017), Самбор Н. (Sambor M. The right to peaceful assembly, 2018) и другие. Несмотря на такое внимание к проблеме права на свободу мирных собраний, последнее не имеет единой правовой доктрины понимания и содержания этого права. Особенно остро данная проблема возникает в условиях глобализации права, сближения национальных правовых систем. Глобализационные процессы в обществе и правовых системах, как средства урегулирования общественных отношений, выдвигают на первый план необходимость понимания сущности права на мирные собрания, которое в определенных обстоятельствах дает возможность понять общее состояние свободы и прав человека в том или ином государстве.

В рамках происходящих глобализационных процессов в праве, целью работы стало формирование общечеловеческого правопонимания содержания права на мирные собрания. Именно расширение познавательного ресурса права, всестороннее восприятие права позволит найти истинную суть права на мирные собрания, а также сформировать единство знания о праве на мирные собрания.

Основные результаты исследования

Подходы к пониманию содержания права на мирные собрания в современном

обществе стереотипны, связаны с устоявшимися доктринами понимания данного права в обществе. Праву на мирные собрания в разных государствах придается разное значение, не говоря уже о механизме его осуществления. Важным является понимание права на мирные собрания в международном праве.

Формирование международных стандартов в обеспечении прав и свобод человека сосредоточено на отработке общих стандартов прав и свобод человека для национального законодательства, для того, чтобы страны имели возможность пользоваться ими в рамках формирования национальных правовых систем, достижениями человечества в развитии прав и свобод человека, направленных на обеспечение комфортных условий его существования. По сути, можно вести речь о том, что мировое сотрудничество стремится наработать стандарты осуществления и обеспечения осуществления прав человека, а государства-участники должны обеспечить рецепцию этих передовых договорных положений в национальное законодательство [1, с. 44].

Синтезировать теоретически значимые элементы содержания права на мирные собрания, создать целостную концепцию частного-правового понимания права на мирные собрания возможно на основании международного понимания права на мирные собрания.

Ст. 20 Общей декларации прав человека [4] провозглашает, что человек имеет право на свободу мирных собраний. Считаем, что право на мирные собрания, кроме всего прочего является обеспечительным правом относительно целого ряда других прав, таких как свобода убеждений и их распространения, свобода совести и религии и т. п.

Право на свободу мирных собраний, провозглашенное Общей декларацией прав человека, в равной мере принадлежат мужчинам и женщинам. Это утверждение выходит как из содержания Общей декларации прав человека, где отмечается, что носителем данного права является человек, независимо от пола, а также подтверждается Конвенцией

ООН о ликвидации всех форм дискриминации относительно женщин, где задекларировано, что страны-участницы Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации относительно женщин обязаны употреблять во всех отраслях, и, в частности, в политической, социальной, экономической и культурной, всех соответствующих мероприятиях, включая законодательные, относительно обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем, чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами.

Продолжим рассмотрение права на мирные собрания, учитывая носителя данного права. Исследовав мужчину и женщину, как субъектов права на мирные собрания, и, установив их равенство в возможности осуществления данного права, обратим внимание на ребенка, как носителя права на мирные собрания.

Согласно с ч. 3 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [5] особенных мероприятий охраны и помощи должен употребляться относительно всех детей и подростков. Следовательно, дети являются особым объектом охраны, как со стороны международных организаций, так и внутригосударственных органов и институтов.

Учитывая важность права на мирные собрания для человека, независимо от его пола и возраста, а также выходя из особенного правового статуса ребенка, который находится под особенной охраной со стороны международного сообщества, даже в Конвенции о правах ребенка, в ст. 15, провозглашается, что государства-участники Конвенции о правах ребенка признают право ребенка на свободу мирных собраний. Относительно осуществления данного права не могут применяться никакие ограничения, кроме тех, которые применяются в соответствии с законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, общественного порядка (public order), здравоохранения и морали населения или защиты прав и свобод других лиц.

В конечном итоге, на основе

вышесказанного, субъектом осуществления права на мирные собрания является человек, независимо от пола (мужчина или женщина), а также независимо от возраста (совершеннолетний или несовершеннолетний).

Поскольку международное содружество, а также Украина, признают, что данное право принадлежит детям, которые не являются субъектами политического процесса, поскольку, подчеркнем еще раз, право на мирные собрания является правом значительно более широким и более глубоким по своему содержанию, чем право политическое. Такое прогрессивное отношение к данному праву является вектором для развития международного и национального законодательства как относительно содержания данного права, так и механизма его осуществления, в том числе и относительно субъективного состава его носителей.

Продолжая исследование права на мирные собрания, обратим взгляд на Международный пакт о гражданской и политических правах [6]. Государства, которые принимают участие в Международном пакте об общественных и политических правах, принимая во внимание признание достоинства, свойственного всем членам человечества, их равных и неотъемлемых прав, является основой свободы, справедливости и общего мира, признавая, что эти права исходят из свойственного человеческому существу достоинства, признавая, что согласно Общей декларации прав человека идеал свободного человеческой личности, которая пользуется гражданской и политической свободой и свободой от страха и нужды, можно осуществить, только, если будут созданы такие условия, при которых, каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же, как и своими гражданскими и политическими правами, принимая во внимание, что государства обязаны поощрять общее уважение прав и свобод человека, а каждый отдельный человек, имея обязанности относительно других людей и того коллектива, к которому он принадлежит,

должен добиваться поощрения и поддержки прав, признанных в Международном пакте об общественных и политических правах, соглашаться с признанием права на мирные собрания, что отражено в ст. 21 Международного пакта об общественных и политических правах. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые применяются в соответствии с законом и которые являются необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, здравоохранения и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц, отмечается в Международном пакте об общественных и политических правах.

Международное сообщество признало, что право на мирные собрания исходит из свойственного человеческому достоинству и свидетельствует об идеале свободного человека, который пользуется гражданской и политической свободой и свободой от страха и нужды. Мировое содружество пришло к мысли о том, что задекларированный идеал свободного человека можно осуществить, только если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же, как и своими гражданскими и политическими правами.

Таким образом, на международном уровне, во первых, признано первоочередное положение о политических и общественных правах относительно экономических, социальных и культурных прав, а во-вторых, право на мирные собрания отнесено именно к гражданским и политическим правам человека, когда право на мирные собрания не относится преимущественно к тому или другому виду прав человека. На ряду с этим, праву на мирные собрания не присуща исключительно политическая расцветка. Это подтверждает то обстоятельство, что право на мирные собрания выходит за политическую сферу человеческого существования, охватывая собой значительно более широкие, а иногда и более важные аспекты человеческого бытия.

Следовательно, мы можем уверенно

говорить о том, что право на мирные собрания является одним из фундаментальных прав человека, которое обеспечивает его нормальное существование и развитие, а также признано на международном и межнациональном уровнях, осуществление которого должно обеспечиваться и гарантироваться в демократическом обществе. Само право на мирные собрания гарантирует свободное развитие человека, способность формировать собственные убеждения и обмениваться ими, дает возможность находить единомышленников и отстаивать свои убеждения, а также обеспечивает возможность участия человека в политической сфере бытия, а именно избирать и быть избранным. Последняя сфера касается не только сферы государственного управления, но и организации и осуществления власти в ассоциациях, объединениях граждан.

Право на мирные собрания можно воспринимать как средство к решению споров путем переговоров, которые могут иметь место между субъектами – носителями субъективного права на мирные собрания, изучения общественного мнения и мнения участников собраний, посредничества между отдельными сторонами и участниками собраний, примирения, выработки стратегии отстаивания своих интересов, а также обеспечения эффективности рассмотрения обращений к органам публичной власти и при необходимости заключения соответствующих общественных договоров между субъектами реализации права на мирные собрания и другими субъектами, в том числе и органами власти и управления, и, конечно, реализации политической воли единственного источника власти – народа.

В последнее время право на мирные собрания стало предметом правового регулирования отрасли гражданского права, приобретая новое звучание. К примеру, в Украине с принятием Гражданского кодекса Украины [7], введено новое дополнение – ст. 315 Гражданского кодекса Украины «Право на мирные собрания», которая гласит, что физические лица имеют право свободно собираться на мирные собрания,

конференции, заседания, фестивали и тому подобное. Это отдельный шаг национального законодательства, направленный на переосмысление политической составляющей права на мирные собрания.

Реальная сущность права неминуемо соединяется, «сплавляется» с теми или иными особенными (видовыми) свойствами последнего, закрепленными его формой. Такими разновидностями «оформления» сущности права являются: а) право национальное; б) право международное. При этом идет речь не о «раздвоении» или же «удваивании» сущности права, а о воплощении ее (единственной!) в двух однородных, но разновидных социальных явлениях [8, с. 241].

Выводы.

Право на мирные собрания – это одновременно отдельно взятое право и целостная система прав (прав «меньших» и «больших»), которые объединяют граждан, позволяя последним свободно развиваться без притеснения свобод других, а также реализовать свои интересы во всех без ограничения отраслях общественных отношений.

Безусловно, думается, что и само по себе право на мирные собрания – это лишь

одна сторона данного права. Формирование целостной международной доктрины права на мирные собрания, на наш взгляд, возможно исключительно во всестороннем изучении и соединении осуществления данного права с иными правами, в первую очередь правами гражданскими. Исключительно в рамках всеобщей (универсальной) теории права возможно раскрыть всю полноту, сущность и природу права на мирные собрания, как через призму истории человечества, так и под углом исключительно теоретического познания права на мирные собрания во всей его полноте.

Исследование взаимовлияний международных и национальных правовых систем в условиях глобализации и их (межцивилизационного) диалога как фактора развития универсальной теории права [8, с. 243] позволит понять национальные подходы к пониманию права на мирные собрания, унифицировать содержание права на мирные собрания и сформировать целостную доктрину права на мирные собрания, которая станет руководящим принципом для воплощения реализации и осуществления права на мирные собрания как в рамках отдельно взятого государства, так и на международном уровне.

Список использованных источников

1. Самбор М. А. Право на мирні зібрання: монографія. – Прилуки : КП «Прилуцька міська друкарня», 2018. – 420 с.
2. Бірюков Р.М. Правовий розвиток в умовах глобалізації / Актуальні проблеми держави і права: збірник наукових праць. Вип. 52/ редкол.: С.В. Ківалов та ін.; відп. за вип. Ю.М.Оборотов. – Одеса: Юридична література, 2010. – С. 295-299.
3. Богатырёв В.В. Глобализация права: автореф. дисс... докт. юрид. наук. по спец. 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. – Владимир, 2012. – 44 с.
4. Загальна декларація прав людини, прийнята і проголошена резолюцією 217 А (III) Генеральної Асамблеї ООН від 10 грудня 1948 року). URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015 – Дата доступу 22.07.2017 року.
5. Міжнародний пакт про економічні, соціальні і культурні права від 16 грудня 1966 року. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_042 – Дата доступу 19.10.2017 року.
6. Міжнародний пакт про громадянські і політичні права від 16 грудня 1966 року. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_043 – Дата доступу 07.09.2017 року.
7. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 року. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/435-15/print1360745472933393> – Дата доступу 13.04.2017 року.
8. Рабинович П. Проблема формування універсальної теорії права як спільної концептуальної основи теорій національного права і міжнародного права// Право України. – 2013. – № 5. – С. 240-244.

References

1. Sambor M.A. The right to freedom of peaceful assembly: monograph. Pryluky: ME "Pryluky city printing house", 2018. 420 p.
2. Biryukov R.M. Legal development in the conditions of globalization// Actual problems of state and law: a collection of scientific works. Issue 52. / the editorial board S.V. Kivalov; responsible for the issue Ya.M. Oborotov. Odessa, Legal literature, 2010. P. 295-299.
3. Bogatyrev V.V. Globalization of law summary of Thesis for obtaining a scientific degree of Doctor of the Sciences (Law) on the speciality 12.00.01 – theory and history of state and law; history of political and law studies. Vladimir, 2012. 44 p.
4. Universal Declaration of Human Rights. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015 – Date of access 22.07.2017 roky.
5. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights/ URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_042 – Date of access 19.10.2017 roky.
6. International Covenant on Civil and Political Rights URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_043 – Date of access 07.09.2017 roky.
7. The Civil Code of Ukraine. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/435-15/print1360745472933393> – Date of access 13.04.2017 roky.
8. Rabinovych P. Matter of Construing a Universal Legal Theory as a Shared Conceptual Basis for Theories of Domestic and International Law// The Law of Ukraine. 2013. № 5. P. 240-244.

Oļegs Sedjaks, mg. iur., doktorants
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija

Regula 2016/679: Tiesību uz personas datu pārnēsāmību ieviešana

Anotācija. ES Vispārīgā datu aizsardzības regula, jeb Regula 2016/679 (VDAR), pieņemta 2016. gada aprīlī, stājas spēkā 2018. gada 25. maijā. Būtiskas izmaiņas datu aizsardzības procesā notiks pēc Regulas stāšanās spēkā, tamdēļ pēdējo mēnešu laikā ir krasi pieaugusi privātā sektora paaugstināta interese par personas datu aizsardzības nodrošināšanas aspektiem. VDAR ievieš personas datu aizsardzības terminoloģijā jaunās tiesības – tiesību uz datu apriti, kā arī tiesību uz datu dzēšanu (tiesība „tikt aizmirstam”). Autors izklāsta personas datu aprites tiesības būtību, raksturo tās saistību ar pārējiem Regulas pantiem, kā arī pievērš uzmanību zināmām sarežģītībām, ar kurām privātajām biznesam, kas savā darbībā ievieš mehānismus, atbilstošus regulas prasībām, būs jāsasaskaras.

Atslēgas vārdi: Eiropas Savienība (ES), personas dati, datu aprite, Regula 2016/679.

Олег Седякин, тг. iur., докторант
Балтийская Международная Академия
Латвия

Регламент 2016/679: Учреждение права на переносимость личных данных

Аннотация. Регламент Европейского Союза 2016/679, принятый в апреле 2016 года, вступает в силу 25 мая этого года. Со вступлением в силу упомянутого Регламента в сфере обеспечения защиты личных данных произойдут значительные изменения, и в связи с этим, в последние месяцы резко возрос интерес частного сектора к аспектам обеспечения защиты личных данных. Регламент вводит в терминологию защиты личных данных новое право – право на переносимость данных, наряду с правом на забвение. Автор статьи раскрывает сущность права на переносимость данных, характеризует его связь с другими статьями Регламента, а также обращает внимание на основные сложности, с которыми придётся столкнуться частному сектору, внедряющему в свою деятельность механизмы, соответствующие требованиям Регламента.

Ключевые слова: Европейский Союз (ЕС), личные данные, переносимость данных, Регламент 2016/679

*Oleg Sedyakin, mg. iur., doctoral student
Baltic International Academy
Latvia*

Regulation 2016/679: Introduction of the right to data portability

Abstract. EU General Data Protection Regulation, or Regulation 2016/679 (GDPR), adopted in April 2016, comes in force in 2018, 25th May. Significant changes in data protection procedure are going to happen after the date and because of that, we can observe right now an increased attention of a private sector to methods and practices of data protection. GDPR introduces the new right into data protection legislation – the right to data portability, along with the right to erasure (or right “to be forgotten”). The author describes the essence of the introduced right to data portability, distinguishes its relations with regards to other provisions of the Regulation and draws attention to the main challenges, which will be faced by private business in the GDPR implementation process.

Keywords: European Union (EU), personal data, data portability, Regulation 2016/679.

Введение: предпосылки появления Регламента 2016/679

Обработка личных данных, в ретроспективе, является сравнительно новой категорией, подпадающей под нормы правового регулирования, несмотря на то, что обработка информации, в широком понимании этого термина, происходила давно. Например, информация, получаемая тайными агентами о лицах, представляющих интерес организаторам сбора информации. Полученная таким образом информация могла быть использована в разных целях, от личных интересов монархов, до войны или дипломатии.

В настоящее время сбор и обработка личной информации предоставляют возможность лицам, осуществляющим подобные операции, составлять определённый «портфель» информации о практически любом лице: например, о его увлечениях, о его интересах, или даже о предполагаемых реакциях на события. Такая информация представляет не только бихевиористический и психоаналитический интерес, но и непосредственный интерес экономического характера. С постепенным приобретением информацией экономической значимости,

появилась необходимость правового регулирования новой категории современной экономики – информации и данных.

Защита личных данных приобрела широкое распространение в правовом регулировании конца XX века. Для современной юрисдикции Европейского Союза (ЕС) основным нормативно-правовым актом, который сближал среди юрисдикций стран-участниц ЕС основы защиты личных данных, чем обеспечивал защиту фундаментальных прав и свобод, а также закреплял существование свободного потока данных внутри ЕС [1, Recital 3], являлась Директива 95/46/ЕС (далее - Директива), принятая ещё в 1995 году.

Директива, с целью защитить основные права и свободы физических лиц, в частности, права на приватность [1, ст. 1, п. 1], определила личные данные (personal data), как «любую информацию, относимую к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу (субъекту)», а также выделила базовые понятия, которые напрямую связаны с процессом обработки информации (обработка информации (processing of personal data), оператор (processor), получатель (recipient)) [1, ст. 2].

Несмотря на то, что Директива, внедрив в правовую систему различные понятия и принципы обработки личных данных, позволила странам-участницам усовершенствовать (а в некоторых случаях – поспособствовала появлению правового регулирования) национальное нормативно-правовое регулирование по вопросу защиты данных физических лиц, она уже не могла отвечать современной действительности и не предотвращала фрагментарную имплементацию или толкование принципов защиты личных данных физических лиц [2, Recital 9].

На основании этого, в рамках проекта Единого Европейского Цифрового Рынка (European Digital Single Market) [3, п. 45], был принят Регламент об общей защите данных (General Data Protection Regulation; необходимо принимать во внимание, что в некоторых источниках на русском языке, его называют Генеральным Регламентом о защите данных). Таким образом, первым значимым изменением стала смена характера нормативно-правового акта с Директивы на Регламент, что, в свою очередь, означает приобретение моделью правового регулирования, закреплённой в Регламенте, в отношении защиты данных физических лиц, обязательного, всецелого и прямого характера действия для всех стран-участниц ЕС [4, ст. 288].

Регламент 2016/679: основные нововведения

Несмотря на введение нового нормативно-правового регулирования, Регламент сохраняет центральное понятие личных данных в точности, каким оно было представлено в Директиве [1, ст. 2, п. а; 2, ст. 4, п. 1].

Однако Регламентом расширяется понятийный аппарат, посредством внедрения новых терминов, таких как: «профилирование» (profiling), «псевдонимизация» (pseudonymisation), «генетические данные» (genetic data), «биометрические данные» (biometric data), «трансграничная обработка» (cross-border pro-

cessing) и другие термины [3, ст. 4].

Помимо расширения понятийного аппарата, к принципам обработки данных, также был присоединён новый принцип – обеспечение сохранности личных данных [2, ст. 5, п. 1f], означающий принятие достаточных и необходимых технических или организаторских мер, которые могут воспрепятствовать незаконному или неправомочному доступу к информации и её обработке.

Существенное развитие получила категория согласия субъекта на обработку личных данных. Если в Директиве согласие субъекта упоминалось, как одно из условий для обеспечения законности обработки личных данных [1, ст. 7, п. а], в том числе и особой категории личных данных – сенситивных данных [1, ст. 8, ч. 2, п. а], то в Регламенте согласию субъекта данных посвящены уже несколько отдельных статей, в которых дополнительно урегулированы: базовые условия для обеспечения действительности согласия [2, ст. 7] и условия, требуемые к соблюдению, в отношении согласия ребёнка на пользование услугами информационного сообщества [2, ст. 8].

Понятие особой категории личных данных (сенситивных данных) было расширено с принятием Регламента. Если Директивой к особой категории относили личные данные, раскрывающие расовое или этническое происхождение, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, сведения об участии в профсоюзах, а также информацию о здоровье или сексуальной жизни лица [1, ч. 1, ст. 8]; то Регламент к сенситивным данным относит также генетические данные, биометрические данные и сведения о сексуальной ориентации физического лица [2, ч. 1, ст. 9].

Права субъекта данных, также приобрели более ярко выраженную структуру в тексте Регламента (по сравнению с Директивой): и были выделены в несколько категорий. В настоящей статье не предполагается рассмотрение всех категорий прав субъекта данных, а исключительно одного права, относимого к категории «прав субъекта на

исправление и удаления личных данных», к которой относятся: право субъекта данных на исправление (right to rectification), право на удаление данных – «право на забвение» (right to erasure ('right to be forgotten')), право на запрет обработки данных (right to restriction of processing) и право на переносимость (портативность) данных (right to data portability).

Право на переносимость (портативность) данных

Помимо ранее упомянутых нововведений и изменений, Регламент вводит право субъекта на переносимость (портативность) данных (right to data portability) [2, ст. 20]. Это право в своей сущности обладает двумя основными составными элементами:

- Во-первых, этим правом закрепляется возможность субъекта данных **получить** касающиеся его или её и предоставленные контроллеру им лично данные, в структурированной и машиночитаемой форме; а также

- Право субъекта **передать** эти данные другому контроллеру без каких-либо препятствий со стороны контроллера, которому эти данные были предоставлены изначально [2, ст. 20, ч. 1, п. a, b].

Таким образом, прежде чем реализовывать право на портативность данных, необходимо удостовериться в наличии условий для осуществления такого права, а именно в том, что **данные**, подлежащие переносу, **должны быть предоставлены лично субъектом данных** и не получены контроллером из каких-либо других источников.

В связи с этим, контроллеру необходимо обращать особое внимание на «происхождение» данных, ведь, как Директива, так и в последствии Регламент, не сделали согласие исключительным основанием для обеспечения законности обработки личных данных - всего таких оснований шесть [1, ст. 7; 2, ст. 6, ч. 1]:

- Согласие субъекта данных на обработку его данных для одной или нескольких определённых целей;

- Обработка необходима для выполнения договорных обязательств, в которых одной из сторон является субъект данных, или, соответственно, для вступления в договорные отношения (где необходимо выражение воли субъекта данных на вступление в такие отношения);

- Обработка необходима для выполнения обязательств, предписанных контроллеру законом;

- Обработка необходима для защиты жизненно важных интересов субъекта данных или другого физического лица;

- Обработка обусловлена возложенными на контроллера официальными полномочиями или обработка производится в общественных интересах;

- Обработка необходима для достижения законных интересов контроллера или третьих лиц, за исключением тех случаев, когда такие интересы пересекаются с фундаментальными правами и свободами субъекта данных, в особенности - детей.

При первом приближении, согласие полностью отвечает условию осуществления права на портативность данных (субъект данных должен лично предоставить свои данные), однако необходимо принимать во внимание и условия, которые Регламент предъявляет для обеспечения действительности согласия субъекта данных, в противном случае, возникает риск незаконной обработки информации, что впоследствии приводит к нарушению положений Регламента.

Рабочая группа по статье 29 (Article 29 Working Party), которая является консультативным органом, созданным под эгидой Директивы, предоставляет толкования в отношении различных аспектов защиты личных данных. В своём руководстве по праву на портативность данных (Guidelines on the right to data portability), приведён пример, при котором согласие может не быть действительным: «В отношении данных работников, право на портативность применяется только в случае, когда обработка обусловлена договором, в котором субъект данных - одна из сторон. В большинстве случаев, согласие не будет считаться свободно

выраженным из-за отсутствия равноправия работодателя и работника.” [5, стр. 8].

Из этого следует, что правомерность обработки личных данных должна быть основана на пунктах а и b, ч. 1, ст. 6 Регламента. Или же, если переносу подлежат данные из особой категории (сенситивные данные), – основанием должна служить обработка личных данных в соответствии с п. а, ч. 2, ст. 9 Регламента; в дополнение к основаниям законности обработки личных данных, необходимо принимать во внимание дополнительные требования, предъявляемые к согласию субъекта данных.

При дальнейшем анализе права на портативность данных, стоит обратить внимание на часть формулировки понятия права субъекта: “... личные данные, касающиеся его или её” [2, ст. 20, ч. 1]. При осуществлении лингвистического толкования понятия права на портативность данных в этой части, стоит заключить, что передача права на портативность данных не представляется возможной ни в какой форме, поскольку личные данные должны обладать признаком относимости к конкретному физическому лицу. И если такое физическое лицо, к которому относятся личные данные пытается передать право на портативность данных другому лицу, то контроллеру (или оператору, соответственно), при получении от доверенного лица заявления на перенос данных к другому контроллеру, следует отказывать в реализации права на портативность данных, поскольку это противоречит, как положению Регламента (право на портативность данных - это право субъекта данных), так и одному из принципов - принцип обработки, обеспечивающей достаточный уровень сохранности личных данных [2, ст. 5, ч. 1, п. f].

Причина такого ограничения со стороны законодателей лежит в развитии ярко выраженного и чётко определённого в Регламенте права на защиту личных данных [2, ст. 1, ч. 2] и его происхождения из понятия приватности, упомянутого в Директиве [1, ст. 1, ч. 1].

Второй структурный элемент, выраженный в праве субъекта на свободную

передачу личных данных от одного контроллера другому тесно связан со всем упомянутым выше, а в особенности - с условиями, которые Регламент предписывает согласию субъекта данных.

Новый контроллер, к которому субъект “портирует” свои личные данные, не освобождается от соблюдения норм Регламента, то есть у него должна присутствовать законность обработки личных данных. Не составляет труда предположить, что основаниями обработки переданных личных данных будут либо согласие субъекта, либо договорные правоотношения.

Однако новому контроллеру также будет необходимо подтверждать наличие основания обработки личных данных и его соответствие всем условиям согласия (если законность обработки будет основана на согласии субъекта), а именно, контроллер должен суметь продемонстрировать, что субъект предоставил ему своё согласие на обработку личных данных [2, ст. 7, ч. 1] - из этого следует, что в случае возникновения спора, бремя доказывания по факту наличия согласия будет возложено на контроллера.

Критерии, предъявляемые Регламентом к доказательству согласия субъекта трактуются по-разному, но его техническая основа выражена в следующем требовании: “Если согласие субъекта данных дано в письменной декларации, которая затрагивает и иные вопросы, то согласие должно быть представлено в явно отличной от других вопросов, понятной и легкодоступной форме при использовании чёткого и ясного языка. Любая часть такой декларации, входящей в противоречие с настоящим Регламентом не будет считаться обязывающей” [2, ст. 7, ч. 2].

Такая формулировка, предписывающая существенное отличие выраженного субъектом согласия от других вопросов, вызывает некоторые споры, когда проецируется применение этого положения на практике. Если, при осуществлении доставки товара, у поставщика нет возможности не обрабатывать информацию о заказчике (поскольку, в противном случае он не сможет выполнить условия договора),

то при оказании услуг профессионального характера (бухгалтерские, юридические и другие) обработка декларированного адреса жительства не является настолько очевидно необходимой. В такой ситуации, контролеру необходимо получить согласие клиента на обработку его личных данных - но в какой форме? Достаточно ли пункта о согласии клиента на обработку его / её личных данных в договоре, или же необходимо выделять в договоре отдельный раздел, или же заключать отдельное соглашение приложением к договору?

Единого ответа на этот вопрос в настоящий момент нет, а потому, представляется, что ясность внесёт исключительно правоприменительная практика. К примеру, в рамках конференции “Digitālā Ēra 2017”, прошедшей в Риге 26 апреля 2017 года, представители Государственной Инспекции Данных (Datu Valsts Inspekcija, DVI), подчеркнули, что наилучшим вариантом они считают заключение отдельного соглашения, но были высказаны также и другие мнения.

Принимая во внимание значительный объём изменений, который затрагивает область защиты личных данных физических лиц, была предпринята возможность сократить процедуру переноса личных данных субъекта, не задевая последнего в процессе переноса. В частности, в Регламенте отмечается, что при наличии технической возможности, процесс переноса данных от одного контролера другому, может быть произведён напрямую, без посредничества субъекта данных [2, ст. 20, ч. 2].

Для предотвращения сложностей взаимодействия новых механизмов, представленных в Регламенте, был предпринят ряд ограничений на использование права на портативность данных. Как уже было проанализировано, использование права не будет происходить повсеместно, и помимо предписанных регламентом требований к использованию права (которые в некоторой форме ограничивают его применение), существуют также и прямо выраженные ограничения [2, ч. 3, 4, ст. 20], которые заключаются в следующем:

- Применение права на переносимость данных не должно препятствовать реализации права быть забытым;

- Применение права на переносимость данных невозможно, если обработка данных производится официальными учреждениями на законных основаниях и в общественных интересах; и

- Применение права на переносимость данных не должно затрагивать права и свободы других.

Заключение

Право на переносимость (портативность) данных является новой юридической конструкцией, внедрённой в рамки нормативно-правового регулирования о защите личных данных физических лиц. Эта конструкция обеспечивает достижение одной из целей Регламента - свободного потока данных в пределах Европейского Союза.

В связи с этим, по состоянию на апрель 2018 года, реализация права на портативность данных в том виде, в котором оно представлено в Регламенте, отсутствует (ввиду невступления в силу Регламента), однако при осуществлении практического анализа, представляется, что право на переносимость данных используется, и, как отмечается Рабочей группой по статье 29, уже существует в других областях правового регулирования (расторжение договорных отношений, роуминг, трансграничный доступ к услугам) [5, стр. 4].

Использование права на портативность личных данных осложняется различным подходом к обработке информации. Регламент не обязывает контролеров структурировать данные в одинаковой форме, и в связи с этим, необходимо понимать, что реализация права на портативность данных с большой долей вероятности будет осложнена на практике по причине существования разнообразных подходов к организации и структурированию информации. Но в то же самое время, такая ситуация открывает потенциал для сотрудничества между участниками рынка и возможное повышение качества предоставляемых услуг.

Сущность права на портативность

данных в ближайшее время будет постоянно видоизменяться по причине появления и развития правоприменительной практики напрямую связанных с ним элементов, в особенности, выражения согласия субъекта на обработку его / её личных данных.

В Латвии на настоящий момент, новый нормативный акт о защите личных данных (заменяющий закон о защите данных физических лиц) ещё не принят, но уже находится на стадии принятия. Об марта 2018 года, проект закона об обработке личных данных (*Personas datu apstrādes likums*) был рассмотрен и поддержан в Кабинете Министров [6, пар. 40].

В законопроекте DVI упоминается как компетентное надзорное учреждение, учреждённое в соответствии со статьёй

51 Регламента, целью которого будет содействовать постоянному применению Регламента в рамках ЕС, а потому значительная часть толкования Регламента в перспективе латвийского правового поля будет осуществляться именно сотрудниками DVI.

Также, стоит отметить, что по состоянию на 26 апреля 2018 года, в законопроекте не присутствует упоминание о праве на портативность данных, однако это не означает, что на территории Латвии не будет допустимо его применение, поскольку Регламент обладает прямой и обязательной силой применения [4, ст. 288].

Список использованных источников

1. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24th October 1995, on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. Official Journal of the European Communities L 281/50 (23/11/1995).
2. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union L 119/1 (04/05/2016).
3. A Digital Single Market Strategy for Europe – Analysis and Evidence. European Commission staff working document. Available at: http://ec.europa.eu/priorities/digital-single-market/index_en.htm.
4. The Treaty on the functioning of the European Union. International treaty amended by the Treaty of Lisbon, adopted 2007, 13th December and published in consolidated version in the Official Journal of the European Union C 326/47 (26/10/2012).
5. Article 29 Working Party - Guidelines on the right to data portability. Adopted on 2016, 13th December, and revised on 2017, 5th April. Available at: http://ec.europa.eu/newsroom/article29/item-detail.cfm?item_id=611233.
6. Latvijas Republikas Ministru Kabineta sēdes protokols Nr. 14 no 2018. gada 06. marta. Publicēts: <http://tap.mk.gov.lv/mk/mksedes/saraksts/protokols/?protokols=2018-03-06>

References

1. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24th October 1995, on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. Official Journal of the European Communities L 281/50 (23/11/1995).
2. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union L 119/1 (04/05/2016).
3. A Digital Single Market Strategy for Europe – Analysis and Evidence. European Commission staff working document. Available at: http://ec.europa.eu/priorities/digital-single-market/index_en.htm.
4. The Treaty on the functioning of the European Union. International treaty amended by the Treaty of Lisbon, adopted 2007, 13th December and published in consolidated version in the Official Journal of the European Union C 326/47 (26/10/2012).

5. Article 29 Working Party - Guidelines on the right to data portability. Adopted on 2016, 13th December, and revised on 2017, 5th April. Available at: http://ec.europa.eu/newsroom/article29/item-detail.cfm?item_id=611233.

6. Meeting protocol Nr. 14 of the Cabinet of Ministers (2018, 06th March). Available in latvian language at: <http://tap.mk.gov.lv/mk/mksedes/saraksts/protokols/?protokols=2018-03-06>

Information for Authors

“Baltic Journal of Law” was founded in 2002. Founder and Publisher - Baltic International Academy. The journal publishes scientific and analytical articles on current issues of jurisprudence and practice in the Baltic region and beyond. It is published quarterly.

“Baltic Journal of Law” publishes articles in Latvian, Russian and English. Only articles on themes relevant and important for the theory of law and law enforcement practice are accepted for publication. The theme of the article should be disclosed in a clear, logical and well reasoned way.

The requirements to the structure and the layout of articles are the following:

1. The size of the submitted article should be not less than 7 pages and preferably not exceed 12 pages. The article is presented in Microsoft Word, paper size - A4, margins along the edges of the page - 20 mm on each side.

2. The text of the article: font Arial; font size 12 pt; line spacing 1, the first line of each paragraph with indentation 1.5 mm.

3. Components of the articles should be laid out as follows:

1) the title of the article (font Arial, font size 14 pt, Bold, Center);

2) Information about the author (font Arial, font size 12 pt, Bold, Center): the name and surname of the author(s), their scientific and academic degree, position and place of work (for postgraduate and doctoral students the full name of the university, the name of departments not specified);

3) the abstract should be in the range of 6-7 sentences, and describe the main ideas of the article (font Arial, font size 10 pt);

4) after the abstract the key words (5-6) follow, which are the most important concepts discussed in the article and related to the theme (font Arial, font size 10 pt).

The title of the article, the information about the author(s), the abstract and keywords should be presented in three languages: Russian, Latvian and English (for foreign authors - only in Russian and English), in separate blocks for each language.

4. The article should have the following basic structural parts consecutively emphasized in the text: the statement of the problem, its relevance / importance, the analysis of recent publications on the subject of the article, the purpose of the research conducted by the author, main findings, conclusions, and the list of references. The titles of the structural elements, as well as parts of the article, in the case of their designation by the author, should be marked in bold.

5. References to the sources are given inside the article in square brackets after the quote (first the number of the source is given, and then, after a comma, the page number; references to several sources with indication of the pages are separated by a semicolon).

6. The bibliographic list of regulations, normative acts and references to literary sources is placed at the end of the article with the use of the numbering arrangement starting with the first reference to the source of information in the main body of the text (font Arial, font size 10 pt). After the references in the original language of the source, the same sources must be translated in English.

7. Illustrations, tables, figures, created by means of MS Office and MS Visio should be located within the working area of a page. Figures created in other programs are inserted into the text at the appropriate place and attached to the article in separate files in .jpeg, .tiff, .pdf, or .psd. Figures in .jpeg and .tiff should have a resolution not less than 300 pixels / inch. All graphic materials inside the articles should be in black and white.

Articles for publication are e-mailed to the address: blj.bsa.edu@gmail.com

All articles are subject to reviewing by the Editorial Board, which is entitled to perform a literary editing of submitted texts. The Editorial Board has the right to reject articles submitted for publication in violation of these requirements.

Information for Authors

“Baltic Journal of Law” was founded in 2002. Founder and Publisher - Baltic International Academy. The journal publishes scientific and analytical articles on current issues of jurisprudence and practice in the Baltic region and beyond. It is published quarterly.

“Baltic Journal of Law” publishes articles in Latvian, Russian and English. Only articles on themes relevant and important for the theory of law and law enforcement practice are accepted for publication. The theme of the article should be disclosed in a clear, logical and well reasoned way.

The requirements to the structure and the layout of articles are the following:

1. The size of the submitted article should be not less than 7 pages and preferably not exceed 12 pages. The article is presented in Microsoft Word, paper size - A4, margins along the edges of the page - 20 mm on each side.

2. The text of the article: font Arial; font size 12 pt; line spacing 1, the first line of each paragraph with indentation 1.5 mm.

3. Components of the articles should be laid out as follows:

1) the title of the article (font Arial, font size 14 pt, Bold, Center);

2) Information about the author (font Arial, font size 12 pt, Bold, Center): the name and surname of the author(s), their scientific and academic degree, position and place of work (for postgraduate and doctoral students the full name of the university, the name of departments not specified);

3) the abstract should be in the range of 6-7 sentences, and describe the main ideas of the article (font Arial, font size 10 pt);

4) after the abstract the key words (5-6) follow, which are the most important concepts discussed in the article and related to the theme (font Arial, font size 10 pt).

The title of the article, the information about the author(s), the abstract and keywords should be presented in three languages: Russian, Latvian and English (for foreign authors - only in Russian and English), in separate blocks for each language.

4. The article should have the following basic structural parts consecutively emphasized in the text: the statement of the problem, its relevance / importance, the analysis of recent publications on the subject of the article, the purpose of the research conducted by the author, main findings, conclusions, and the list of references. The titles of the structural elements, as well as parts of the article, in the case of their designation by the author, should be marked in bold.

5. References to the sources are given inside the article in square brackets after the quote (first the number of the source is given, and then, after a comma, the page number; references to several sources with indication of the pages are separated by a semicolon).

6. The bibliographic list of regulations, normative acts and references to literary sources is placed at the end of the article with the use of the numbering arrangement starting with the first reference to the source of information in the main body of the text (font Arial, font size 10 pt). After the references in the original language of the source, the same sources must be translated in English.

7. Illustrations, tables, figures, created by means of MS Office and MS Visio should be located within the working area of a page. Figures created in other programs are inserted into the text at the appropriate place and attached to the article in separate files in .jpeg, .tiff, .pdf, or .psd. Figures in .jpeg and .tiff should have a resolution not less than 300 pixels / inch. All graphic materials inside the articles should be in black and white.

Articles for publication are e-mailed to the address: blj.bsa.edu@gmail.com

All articles are subject to reviewing by the Editorial Board, which is entitled to perform a literary editing of submitted texts. The Editorial Board has the right to reject articles submitted for publication in violation of these requirements.

Информация для авторов

«Балтийский юридический журнал» основан в 2002 году. Учредитель и издатель – Балтийская Международная академия. В журнале публикуются научные и аналитические статьи по актуальным проблемам юридической науки и практики в странах Балтийского региона и за его пределами. Журнал выходит один раз в квартал.

«Балтийский юридический журнал» публикует статьи на латышском, русском или английском языках. К публикации принимаются статьи на актуальные, значимые для теории права или правопримени- тельной практики темы. Изложение темы должно быть ясным, логичным и аргументированным.

Требования к структуре и оформлению статей.

1. Объем представляемой статьи: от 7 до 12 страниц. Статья должна быть оформлена в формате Microsoft Word. Формат листа – А4. Отступы по краям листа: по 20 мм с каждой стороны.
2. Оформление текста статьи: шрифт Arial; размер букв 12 pt; межстрочный интервал – 1; первая строка каждого абзаца начинается с отступа 1.5 мм.
3. Составные части статьи оформляются следующим образом:
 - 1) название статьи (шрифт Arial, размер букв 14 pt, Bold, центруется);
 - 2) информация об авторе (шрифт Arial, размер букв 12 pt, Bold, центруется): имя и фамилия автора (авторов); научная и академическая степень; должность и место работы (для аспи- рантов и докторантов указывать полное наименование ВУЗа, название кафедр не указы- вать);
 - 3) аннотация должна быть в пределах 6-7 предложений, в ней описываются основные поло- жения статьи (шрифт Arial, размер букв 10 pt);
 - 4) после аннотации даются ключевые слова (5-6) - важнейшие понятия, которые рассмотрены в статье и отражают ее проблематику (шрифт Arial, размер букв 10 pt).

Название статьи, информация об авторе, аннотация и ключевые слова должны быть представлены на трех языках: русском, латышском и английском (для зарубежных ав- торов – только на русском и английском языках), отдельным блоком на каждом языке.

4. В статье должны присутствовать и быть последовательно выделены в тексте следующие ос- новные структурные элементы: постановка проблемы, ее актуальность / значимость; анализ последних публикаций по теме статьи, с указанием фамилий авторов на языке статьи и в скоб- ках на английском языке курсивом (Italic), а также года публикации; цель проводимого автором исследования; основные результаты исследования, выводы; список использованных источни- ков. Названия структурных элементов, а также частей статьи, в случае их выделения автором, должны быть отмечены в тексте жирным шрифтом (Bold).

5. Ссылки на источники указываются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой, номер страницы; сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой).

6. Библиографический список нормативных актов и литературных источников (не менее 8) по- мещается в конце статьи с использованием нумерационного расположения записей в библио- графическом списке в порядке первого упоминания сведений из источников в основном тексте статьи (шрифт Arial, размер букв 10 pt). После списка литературы на языке оригинала источни- ка, необходимо указать те же источники на английском языке (подзаголовки – References).

7. Иллюстрации, таблицы, рисунки, созданные средствами MS Office, MS Visio размещаются в рамках рабочего поля. Созданные в иных программах рисунки вставляются в текст на над- лежащее место и прикладываются к статье отдельными файлами в форматах .jpeg, .tiff, .pdf,

.psd. Рисунки в форматах .jpeg, .tiff должны иметь разрешение не мене 300 точек/дюйм. Все графические материалы в оформлении статьи должны быть черно-белыми.

Статьи для публикации представляются в электронном виде на электронный адрес:
blj.bsa.edu@gmail.com

Все статьи рецензируются редакционной коллегией. Редакция вправе осуществлять литера- турное редактирование текста. Редакция имеет право не принимать к публикации статьи, пред- ставленные в редакцию с нарушением данных требований.